

ISSN 2542-1840 (print) 2541-9145 (online)

Гуманитарные
общественные науки

1
том 3
2019

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

Bulletin of Kemerovo State University.
Humanities and Social Sciences.
2019, 3(1): 1-103

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

Издается с 2017 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94032

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Невзоров Б. П.*, д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Бибилло В. Н., д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).

Бобриков В. Н., д-р пед. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Жукова О. И., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Золотухин В. М., д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Красиков В. И., д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Ляковска К., д-р права (habilitation), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Московченко О. Н., д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).

Халяпина Л. П., д-р пед. наук, проф., СПбПУ (Санкт-Петербург, Россия).

Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Чистякова С. Н., д-р пед. наук, академик РАО, академик-секретарь РАО (Москва, Россия).

Чурекова Т. М., д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Яцук Т. Ф., д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

BULLETIN

Humanities and Social Sciences

Kemerovo
State
University

2019
vol. 3 no 1

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67379.

Founded in 2017.

Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6, Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6, Krasnaya St.; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Subscription indices: 94032 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Editor-in-Chief: Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Valentina N. Bibilo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Valeriy N. Bobrikov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Viktor V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Olga I. Zhukova, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr. of Philosophy, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Vladimir I. Krasikov, Dr. of Philosophy, Prof., All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Katarzyna Laskowska, Dr. of Law (habil), Prof., University of Bialystok (UWB, Bialystok, Poland).

Olga N. Moskovchenko, Dr. of Pedagogic, Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Lyudmila P. Khaliapina, Dr. of Pedagogic, Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Svetlana N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic of the RAE, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Science Editor of the series, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Tatiana F. Yashchuk, Dr. of Law, Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

Педагогика

- Создание учебного курса программы магистратуры
Бунтова Е. В. 1
- Воспитание советских граждан в 70–80-х гг. XX в.
Козин С. В. 9
- Моделирование основ учебно-тренировочного процесса: традиционный и инновационный аспекты
Урженко Н. В., Угольников О. А., Шварцкопф Е. Ю. 15
- Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования
Чудинова С. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В. 21

Философия

- Инновации и проектирование
Балабанов П. И., Зауэрвайн А. Т. 29
- Методологический аспект взаимосвязи науки и научного исследования
Балабанов П. И., Зауэрвайн А. Т. 35
- Социально-экономический и социокультурный аспекты инновационного подхода к управлению мотивацией персонала
Билюченко Г. С., Золотухин В. М. 42
- Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации
Грицков Ю. В. 49
- Человек как Вечное Дитя
Казаков Е. Ф. 55
- Идеализированный объект теории и ее логика: модель взаимосвязи
Красиков В. И. 61
- Анализ чистого сознания как коррелят расширенной познавательной перспективы
Семёнов В. Е. 70

Юриспруденция

- Некоторые аспекты недопустимости доказательств как процессуального основания для их исключения
Лебедева Е. К. 80
- Правовые последствия за злоупотребление правом
Овинников В. А. 87
- Парадоксальное положение устного завещания в российском праве и его перспективы
Паничкин В. Б. 93
- Проблемы реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции Российской Федерации
Фадеева О. В. 97

Pedagogics

- Curriculum for a Master's Program
Buntova E. V. 6
- Soviet Upbringing in 1970s–1980s
Kozin S. V. 13
- Modeling of the Fundamentals of the Educational Process: Traditional and Innovative Aspects
Urzhenko N. V., Ugolnikova O. A., Shvartskopf E. Yu. 19
- Basic Pedagogical Support in the System of Continuous Education: Optimization of Pedagogical Conditions Modeling
Chudinova S. A., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. 27

Philosophy

- Innovation and Design
Balabanov P. I., Sauerwein L. T. 33
- Methodological Aspect of the Interconnection between Science and Research
Balabanov P. I., Sauerwein L. T. 41
- Social, Economic, and Sociocultural Aspects of Innovative Approach to Management and Motivation of Personnel
Biljuchenko G. S., Zolotukhin V. M. 47
- Suffering as an Ontological Property of the Human Condition
Gritskov Y. V. 54
- Humanity, or Childhood Forever
Kazakov E. F. 60
- Idealized Subject of Theory and its Logic: Relationship Model
Krasikov V. I. 68
- Analysis of Pure Consciousness as a Correlated Extended Informative Perspective
Semenov V. E. 78

Jurisprudence

- Inadmissibility of Evidence as a Procedural Reason for Exclusion
Lebedeva E. K. 85
- Legal Consequences of the Abuse of Rights
Ovinnikov V. A. 91
- The Paradox Position of Nuncupative Will in Russian Law and its Perspectives
Panichkin V. B. 96
- Citizens' Rights to Health Protection and Medical Assistance, Guaranteed by Article 41 of the Constitution: Problems of Enforcement
Fadeeva O. V. 102

УДК 378

Создание учебного курса программы магистратуры

Елена В. Бунтова^{a, b, @, ID}^a Самарская государственная сельскохозяйственная академия, 446442, Россия, г. Кинель, п. г. т. Усть-Кинельский, ул. Учебная, 2^b Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Россия, г. Самара, ул. Свободы, 2в[@] lena-buntova1@yandex.ru^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5087-7690>

Поступила в редакцию 03.12.2018. Принята к печати 18.01.2019.

Аннотация: Цель работы – рассмотреть специфику методологии создания учебного курса программы магистратуры. Адаптация магистерских программ к профессиональной деятельности определяет возможности высшего учебного заведения в сфере подготовки высококлассных специалистов в междисциплинарных областях. В основе представленного исследования, касающегося технологии создания учебного курса программы магистратуры в условиях цифровой экономики, лежат теория познания и деятельности, теория социально-общественной обусловленности образования, современные дидактические теории и технологии обучения, методология учения и учебной деятельности, методология разработки учебного курса с использованием электронных и компьютерных технологий. Определены критерии содержания учебного курса программы магистратуры. Предложены формы транслируемых знаний и обосновано их применение. С точки зрения аспекта информатизации и прозрачности в системе контроля усвоения транслируемых знаний в магистратуре обоснованы такие формы контроля, как система тестирования и выполнение магистрантами научно-исследовательской работы. Одним из обязательных условий создания учебного курса магистратуры определено применение цифровых тренажеров, не привязанных к одному рабочему месту и не ограниченных информационными ресурсами с целью обеспечения возможности обучения в любое удобное для магистранта время и с целью создания условий для непрерывного индивидуального спроектированного образования.

Ключевые слова: процесс образования, технологии, цифровая экономика, наука, практика, структуризация, компетентности, компетенции

Для цитирования: Бунтова Е. В. Создание учебного курса программы магистратуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-1-8

Введение

Одним из приоритетных направлений деятельности высших учебных заведений является институт магистратуры. Адаптация магистерских программ к профессиональной деятельности дает возможность сфере науки и образования оперативно реагировать на потребности промышленности и экономики.

Обучение в магистратуре направлено на приобретение опыта научно-исследовательской работы и глубокое понимание отраслевых проблем в научной сфере. Особенностью второй ступени высшего образования является написание и защита магистерской диссертации на завершающем этапе обучения. «Магистерская диссертация – это самостоятельное исследование, включающее в себя результаты проведенного исследования, результаты опытов и экспериментов, доказывающих актуальность и новизну исследования» [1, с. 138].

Развитие инновационной образовательной среды в современных условиях становления цифровой эконо-

мики приобретает существенное значение в организации образовательного процесса магистратуры. Цифровая экономика требует от выпускников магистратуры развитых навыков самоорганизации, планирования и мотивации непрерывного образования на протяжении всей жизни. Внедрение информационных образовательных технологий в организацию процесса образования магистратуры позволяет использовать возможности электронного, дистанционного и интерактивного обучения и таким образом индивидуализировать процесс обучения. Индивидуализация процесса обучения через информационные образовательные технологии и увеличение роли самостоятельной работы магистрантов способствуют развитию у магистрантов профессиональных навыков будущего, на которые указывается в докладе 2011 г. «Профессиональные навыки будущего 2020» Институт будущего (The Institute for the Future, Palo Alto, USA)¹. Правительством Российской Федерации 28.07.2018 утверждена программа развития цифровой экономики, одним

¹ Future Work Skills 2020 // Institute for the Future. Режим доступа: http://www.iff.org/uploads/media/SR-1382A_UPRI_future_work_skills_sm.pdf (дата обращения: 10.09.2018).

из направлений которой является направление «Кадры и образование»². В рамках данного направления правительством РФ поставлены задачи по подготовке кадров, отвечающих требованиям развития цифровой экономики и владеющих цифровыми компетенциями.

Цель данного исследования – рассмотреть специфику создания учебного курса магистратуры в условиях становления цифровой экономики в РФ.

Методология создания учебного курса программы магистратуры

Целесообразность введения второго уровня высшего образования рассмотрена в работах В. И. Байденко [2], Н. Н. Гладченковой [3], А. Гребнева [4], В. Сенашенко [5], В. Д. Шадрикова [6] и др. Основной вид деятельности студентов магистратуры – научно-исследовательскую работу – рассматривали в своих исследованиях Ю. В. Соляников [7], Р. К. Сережников [8], В. А. Козырев [9], Б. Ш. Баймухамбетова [10] и др. Вопросами формирования исследовательской компетентности магистрантов занимались А. А. Губайдуллин [11], А. В. Тряпицын [12], С. Н. Лукашенко [13] и др. Вопросами организации учебного процесса в магистратуре занимались Л. А. Саломашина [14]; В. К. Поспелов, Н. Н. Комиссарова [15], Л. А. Витвицкая [16] и др.

Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике в рамках проекта, поддержанного грантом Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ № НШ-5449.2018.6 «Исследование цифровой трансформации экономики», проводилась Н. В. Днепровской [17]. Автор указывает в своем исследовании на то, что «одной из пяти групп показателей готовности образования к цифровой экономике является показатель применения информационных технологий в учебном процессе» [17, с. 18].

Вопросы методологии и технологии создания учебного курса программы магистратуры в условиях цифровой экономики глубоко и предметно в отечественной научной литературе не рассмотрены, педагогические исследования чаще всего касаются фрагментарно данной проблемы.

В основе представленного исследования, касающегося методологии создания учебного курса программы магистратуры в условиях цифровой экономики, лежат теория познания и деятельности, теория социально-общественной обусловленности образования, современные дидактические теории и технологии обучения, методология учения и учебной деятельности, методология разработки учебного курса с использованием электронных и компьютерных технологий.

Данные теории базируются на следующих положениях:

- понимание целостности содержания образования и педагогического процесса (Ю. К. Бабанский [18], М. Т. Громкова [19], Е. В. Кузнецова [20] и др.);
- понимание структуры и содержания образования (В. Д. Львова [21], Е. М. Третьякова [22], Е. Е. Макарова [23] и др.);
- компетентностный подход в образовании (А. Г. Кузьмина [24], Г. И. Ибрагимов [25] и др.);
- концепция непрерывного образования (В. М. Зуев [26], Ю. А. Читаева [27], Н. В. Гречушкина [28] и др.);
- концепция увеличения роли самостоятельной работы студентов в качестве одного из основных видов учебной деятельности в образовательном процессе высшей школы (А. А. Коваленко, В. И. Коротеев [29]; Т. Д. Егорушкина, А. О. Кошелева [30]; Г. Тюрикова, О. Филатова [31]; Е. В. Бунтова [32] и др.);
- концепция информатизации образования (В. В. Лазутин [33], Е. Б. Стариченко [34] и др.).

Методология создания учебного курса программы магистратуры в качестве обязательного элемента включает в себя различные виды контроля как показателя уровня постановки учебного процесса в магистратуре. Вопросы, касающиеся оценивания усвоения транслируемых знаний с точки зрения целостности образовательного процесса, рассматривались в работах Н. А. Асташовой [35], И. М. Осмоловской [36], В. П. Беспалько [37] и др. Аспект индивидуального подхода с точки зрения оценивания усвоения транслируемых знаний рассматривался в работах О. О. Пашковой [38] и др. Вопросы информатизации контроля усвоения знаний раскрывались, например, в работе С. Н. Ларина, Т. В. Стебеньевой, Л. Ю. Лазаревой [39] и др.

В федеральном законе (ФЗ) «Об образовании в Российской Федерации» дается следующее определение понятия *образование*: «Образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»³.

Основной характеристикой педагогического процесса является целостность, которая проявляется в его содержании и организации. Целостность педагогического процесса обеспечивается одновременным выполнением следующих условий:

- конструирование педагогом содержания образования, методическое обеспечение содержания образования;

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79ISv7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.09.2018).

³ Об образовании в РФ. ФЗ от 29.12.2012 № 273 // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-1-8

- взаимодействие участников образовательного процесса;
- самостоятельное освоение обучающимися педагогически адаптированного содержания образования подобранными и оптимизированными педагогом средствами и способами.

Согласно современному подходу к образовательному процессу в высшей школе центральным объектом является обучающийся, т. е. образовательный процесс направлен на предоставление возможности обучающемуся формировать самого себя. В связи с этим одним из весомых вопросов, связанных с проблемой образовательного процесса в высшей школе, является вопрос о содержании образования. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указывается на основной критерий содержания высшего образования – это направленность содержания высшего образования на развитие общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Тем не менее не сформулированы четкие критерии отбора содержания высшего образования, что обусловлено рядом причин.

Во-первых, существуют различия между знаниями, производимыми наукой, и знаниями, которые транслируются в системе высшего образования. Данный факт частично связан с устранением условий для проникновения в систему высшего образования знаний, не апробированных на практике, а частично связан с отсутствием структуризации знаний.

Во-вторых, существует противоречие между возросшим объемом знаний и ограниченными сроками обучения, что указывает на неиспользование в системе высшего образования всех имеющихся возможностей электронных и компьютерных технологий обучения.

В-третьих, наличие несоответствия между транслируемыми знаниями и объективно необходимыми знаниями указывает на необходимость привлечения к формированию критериев содержания высшего образования, руководителей различных сфер производства и услуг.

Одним из критериев содержания высшего образования, связанного с созданием учебных курсов программы магистратуры, по нашему мнению, является структуризация знаний. Структуризация знаний предполагает разделение знаний на системные, предметные и процедурные. Критерий структуризации знаний накладывает требования на рабочую программу учебных дисциплин. Во-первых, рабочая программа учебной дисциплины должна содержать раздел, включающий в себя перечень минимально необходимых понятий, которые дают магистранту получить целостное представление о предмете. Во-вторых, рабочая программа учебной дисциплины должна содержать раздел, включающий в себя предметные знания по учебной дисциплине. В-третьих, рабочая программа учебной дисциплины должна содержать алгоритмы освоения материальной действительности в виде процедурных знаний.

Развитие способности личности к поиску знаний, их освоению и применению в разнообразных ситуациях

практической профессиональной деятельности является целью современного педагогического процесса высшей школы, основанного на компетентностном подходе обучения. Целью компетентностного подхода в системе высшего образования является обеспечение качества подготовки в соответствии с потребностями современного общества в заданном потенциале личности. Анализ научной литературы дал возможность определиться с понятиями *компетентность* и *компетенция*. Компетентность – это знания, умения и навыки студента, закрепленные опытом деятельности. Компетенция – это способность понимать проблемы, анализировать и осуществлять поиск решения проблемы, используя имеющиеся компетентности. Таким образом, без знаний, умений и навыков нет компетентностей, а без использования компетентностей в продуктивной деятельности нет компетенций.

С точки зрения компетентностного подхода в системе высшего образования технология создания учебного курса программы магистратуры должна быть направлена на формирование необходимых компетентностей и компетенций магистрантов. Данное требование к технологии создания учебного курса предполагает использование новых подходов к методам учения, контроля и оценки результатов образовательного процесса.

Организация учебного процесса в магистратуре предполагает повышение качества обучения через интеграцию образовательной среды, науки и производства. Единственным способом интеграции образовательной среды, науки и производства являются современные электронные и компьютерные технологии, использование таких средств обучения, как электронные средства обработки и передачи информации, электронные издания, компьютерные системы мультимедиа и интерактивные компьютерные программы. Данные средства обучения предполагают создание лекториев, электронных изданий и проведение вебинаров, использование ресурсов системы Интернет и прикладных программ.

Фундаментальными подходами к системе качества контроля и качества образования в условиях цифровизации образования являются:

- единая система целей обучения, результатов и измерителей усвоения содержания образования;
- внедрение форм проверки, направленных на формирование самоконтроля;
- обратная связь в образовательном процессе;
- измерение динамики усвоения содержания образования.

Основная цель системы контроля и качества – это оценка уровня освоения студентами компетентностей и возможность оптимизации учебного процесса на основе полученных данных. В настоящее время учеными рассматриваются четыре основных аспекта оценивания усвоения знаний студентами:

- целостный образовательный процесс;
- взаимодействие преподавателя и обучающегося;
- индивидуальный подход;

– информатизация и цифровизация в образовательном процессе.

Цифровизация в образовании и использование информационных технологий в системе контроля качества усвоения транслируемых знаний выдвигает на первое место аспект информатизации в образовательном процессе. С точки зрения аспекта информатизации в системе контроля усвоения транслируемых знаний в магистратуре преимущества приобретают такие формы контроля, как система тестирования и выполнение обучающимися научно-исследовательской работы. Эффективность данных форм контроля усвоения знаний зависит от профессиональной компетенции преподавателя и компетенции в области тестологии.

Информатизация и цифровизация в образовательном процессе магистратуры направлена на обеспечение непрерывности процесса обучения в течение всей жизни, на развитие технологий продвинутого обучения. Обязательным условием в процессе создания учебного курса магистратуры является применение цифровых тренажеров, не привязанных к одному рабочему месту и не ограниченных информационными ресурсами, к которым относятся информационные массивы данных, образовательные порталы, почтовые сервисы. Использование цифровых технологий в образовательном процессе магистратуры обеспечивает возможность обучения в любое удобное время, непрерывное индивидуально спроектированное образование.

Заключение

Методология создания учебного курса программы магистратуры базируется на основополагающих педагогических теориях, таких как теория познания и деятельности, теория социальной обусловленности образования, теория учения и учебной деятельности, цифровизация в образовании.

В связи с отсутствием четких критериев содержания учебных курсов программы магистратуры методология

создания курса предполагает четкую структуризацию знаний, получаемых магистрантами в процессе изучения содержания учебного курса. Под структуризацией знаний понимается их разделение на системные, предметные и процедурные, что имеет свое отражение в нормативно-правовом документе, определяющем организацию образовательного процесса по учебному курсу – рабочей программе.

Организация учебного процесса в магистратуре через соответствующие направлению подготовки учебные курсы предполагает трансляцию знаний определенных областей науки в какую-либо технологию. Трансляция знаний учебного курса магистратуры осуществляется через структуризацию знаний, полученных в процессе изучения учебного курса. Методология создания учебного курса программы магистратуры, в основе которой положена трансляция знаний, позволяет осуществлять взаимосвязь процессов усвоения, прагматизации и интеграции знаний.

В условиях цифровизации в образовании существенную роль приобретает трансляция знаний через информационные и компьютерные технологии. Трансляция знаний осуществляется через используемые в образовательном процессе лектории, вебинары, электронные издания, ресурсы системы Интернет и прикладные компьютерные программы.

Показателем уровня учебного процесса в магистратуре является система качества контроля и качества образования. Основная цель системы качества и контроля – это оценка уровня освоения магистрантами общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Качество контроля освоения магистрантами компетенций в процессе изучения учебного курса является показателем направлений в учебном процессе магистратуры, которые требуют оптимизации. Основными формами контроля освоения компетенций в процессе изучения учебного курса программы магистратуры является система тестирования и система организации научно-исследовательской работы студентов.

Литература

1. Стариченко Б. Е., Семенова И. Н., Слепухин А. В. Проектирование диссертации магистра образования / под ред. Б. Е. Стариченко. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 150 с.
2. Байденко В. И. Болонский процесс: проблемы, опыт, решения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 111 с.
3. Гладченкова Н. Н. Многоуровневое образование как условие модернизации и интернационализации высшей школы // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 1-2. С. 15–23.
4. Гребнев А. Россия в Болонском процессе: середина большого пути // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 3–17.
5. Сенашенко В., Ткач Г. О структуре современного высшего образования // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 18–26.
6. Шадриков В. Д. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования и Болонский процесс // Вопросы образования. 2004. № 4. С. 5–9.
7. Соляников Ю. В. Организация научно-исследовательской деятельности в магистратуре университета // Исследование современных педагогических проблем / под ред. Е. С. Заир-Бек. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 80–87.
8. Сережникова Р. К. Акмеологическое сопровождение как фактор активизации научно-исследовательской деятельности студента-магистранта // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2015. № 1. С. 53–60.

9. Магистратура и Болонский процесс: вузовский эксперимент / под ред. проф. В. А. Козырева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 225 с.
10. Баймухамбетова Б. Ш. Формирование готовности магистрантов к исследовательской деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2011. 225 с.
11. Губайдуллин А. А. Формирование исследовательской компетентности студентов в условиях проектного обучения: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2011. 235 с.
12. Исследование процессов профессионального становления студентов магистратур в современном вузе / под ред. А. В. Тряпицына, Н. Ф. Родионовой. СПб.: Лема, 2013. 210 с.
13. Лукашенко С. Н. Развитие исследовательской компетентности студентов вуза в условиях многоуровневой подготовки специалистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2012. 26 с.
14. Саломахина Л. А. Проблемы функционирования магистратуры в системе высшего образования России как фактор сдерживания академической мобильности студентов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 1. С. 230–234.
15. Поспелов В. К., Комиссарова Н. Н. Проблемы перехода к уровневой системе подготовки // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 3–11.
16. Витвицкая Л. А. Организация взаимодействия субъектов образовательного процесса // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 93–96.
17. Днепровская Н. В. Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике // Статистика и экономика. 2018. Т. 15. № 4. С. 16–28.
18. Бабанский Ю. К. Оптимизация процесса обучения. М.: Педагогика, 1977. 257 с.
19. Громкова М. Т. Инновационная сущность образовательного процесса, его структура и целостность // Образовательная деятельность вуза в современных условиях: материалы междунар. науч.-метод. конф. (26–27 мая 2016 г.). Караваево, 2016. С. 35–40.
20. Кузнецова Е. В. Целостность как системообразующий принцип образования в условиях информационного общества // Наука и школа. 2014. № 3. С. 69–74.
21. Львова В. Д. О реализации профессиональной направленности обучения математике при отборе содержания образования в техническом вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-5. С. 85–88.
22. Третьякова Е. М. Двухуровневое инженерное образование: требования к компетенциям и содержанию образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 3. С. 309–313.
23. Макарова Е. Е. Содержание и структура интегративного подхода в высшем профессиональном образовании // Интеграция образования. 2008. № 3. С. 8–11.
24. Кузьмина Л. Г. Компетентностный подход как альтернатива «знаниево-квалификационному» подходу в современном высшем образовании // Актуальные проблемы языковой подготовки в условиях модернизации высшего профессионального образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (17–18 ноября 2011 г.). Воронеж, 2011. С. 84–89.
25. Ибрагимов Г. И. Компетентностный подход в современном образовании // Образовательные технологии и общество. 2007. Т. 10. № 3. С. 361–365.
26. Зуев В. М. Непрерывное профессиональное образование: современная концепция // Вестник российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2012. № 4. С. 3–14.
27. Читаева Ю. А. Непрерывное образование как одно из условий развития современного образования: прошлое, настоящее, перспективы на будущее // Научные исследования в образовании. 2012. № 7. С. 42а–45.
28. Гречушкина Н. В. Факторы интеграции онлайн-курсов в образовательную систему вуза // Электронное обучение в непрерывном образовании 2018: сборник трудов V Междунар. науч.-практ. конф. (18–20 апреля 2018 г.). Ульяновск, 2018. С. 16–23.
29. Коваленко А. А., Коротеев В. И., Новожилов А. Е., Рыжков В. М. «Самостоятельная работа студента» и электронное обучение // Alma Mater. 2013. № 7. С. 108–112.
30. Егорюшкина Т. Д., Кошелева А. О. Новые векторы в организации самостоятельной работы обучающихся при изучении иностранного языка в технических вузах // Психология образования в поликультурном пространстве. 2018. № 41. С. 75–82.
31. Тюрикова Г., Филатова О., Прошкина И., Ильина Ю. Организация самостоятельной работы студентов – условие реализации компетентностного подхода // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 93–97.
32. Бунтова Е. В. Организация самостоятельной работы студентов в рамках модульной технологии обучения // Инновации в системе высшего образования: сб. науч. тр. Междунар. науч. метод. конф. (25 октября 2017 г.). Кинель, 2017. С. 11–14.
33. Лазутин В. В. О развитии информатизации образования в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» и Федеральных целевых программ // Информатизация образования и науки. 2009. № 4. С. 3–10.

34. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
35. Асташова Н. А. В. В. Краевский о теоретико-методологических основах современной педагогики // Методология педагогики в контексте современного научного знания: сб. науч. тр. Междунар. науч.-теор. конф., посвященной 90-летию со дня рождения российского ученого – педагога, академика В. В. Краевского (22 сентября 2016 г.). М., 2016. С. 13–19.
36. Осмоловская И. М. И. Я. Лернер о процессе обучения: современное прочтение // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 3. С. 31–41.
37. Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М.: Педагогика, 1995. 336 с.
38. Плашкова О. О. Система дидактических идей в наследии Г. И. Щукиной: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 203 с.
39. Ларин С. Н., Стебеньева Т. В., Лазарева Л. Ю. Использование современных педагогических технологий, форм и методов организации образовательного процесса в высших учебных заведениях // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики / под ред. И. В. Андулян. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 103–127.

Curriculum for a Master's Program

Elena V. Buntova ^{a, b, @, ID}

^a Samara State Agricultural Academy, 2, Uchebnaya St., Ust-Kinelsky, Kinel, Russia, 446442

^b Samara state University of Railway Engineering, 2 v., Svobody St., Samara, Russia, 443066

@ lена-buntova1@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5087-7690>

Received 03.12.2018. Accepted 18.01.2019.

Abstract: The current paper features the specifics of the methodology of a master's program curriculum. To produce highly qualified specialists in interdisciplinary fields, Master's programs should be adapted for future professional activity. The present research describes the technology of creating a Master's program in the conditions of digital economy. It is based on the theory of knowledge and activity, the theory of social and social conditionality of education, modern didactic theories and learning technologies, the methodology of teaching and learning activities, the methodology of developing a digital syllabus. The authors introduce some criteria and forms of knowledge transfer. They prove the efficiency of such forms of control as testing and research work from the point of view of the aspect of informational support and transparency in the control system. One of the mandatory conditions for a Master's degree syllabus is the use of portable digital simulators that allow students to practice at any convenient time and thus create conditions for continuous, individual designed education.

Keywords: education process, technology, digital economy, science, practice, structuring, competence

For citation: Buntova E. V. Curriculum for a Master's Program. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 1–8. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-1-8

References

1. Starichenko B. E., Semenova I. N., Slepukhin A. V. *Designing a Master's dissertation in the sphere of education*, ed. Starichenko B. E. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2014, 150. (In Russ.)
2. Baidenko V. I. *The Bologna process: problems, experience, and solutions*. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2006, 111. (In Russ.)
3. Gladchenkova N. N. Multi-level education as a condition for the modernization and internationalization of higher education. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, 2008, (1-2): 15–23. (In Russ.)
4. Grebnev L. Russia in the Bologna process: the middle of a long way. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2004, (4): 3–17. (In Russ.)
5. Senashenko V., Tkach G. On the structure of modern higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2004, (4): 18–26. (In Russ.)
6. Shadrikov V. D. State educational standards of higher professional education and the Bologna process. *Voprosy obrazovaniia*, 2004, (4): 5–9. (In Russ.)
7. Solianikov Iu. V. Organization of research activities in the university magistracy. *Study of modern pedagogical problems*, ed. Zair-Bek E. S. Saint-Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2001, 80–87. (In Russ.)
8. Serezhnikova R. K. Acmeological support as a factor in enhancing the research activity of a student undergraduate student. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2015, (1): 53–60. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-1-8

9. *Master and Bologna Process: University Experiment*, ed. Kozyrev V. A. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2006, 225. (In Russ.)
10. Baimukhambetova B. Sh. *Formation of readiness of undergraduates for research activities*. Cand. Ped. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2011, 225. (In Russ.)
11. Gubaidullin A. A. *Formation of research competence of students in the context of project-based learning*. Cand. Ped. Sci. Diss. Kazan, 2011, 235. (In Russ.)
12. *Study of the processes of professional development of graduate students in a modern university*, eds. Triapitsyn A. V., Rodionova N. F. Saint-Petersburg: Lema, 2013, 210. (In Russ.)
13. Lukashenko S. N. *The development of research competence of university students in a multi-level training*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Tiumen, 2012, 26. (In Russ.)
14. Salomakhina L. A. Problems of functioning of magistracy in the system of higher education of Russia as a factor of restraining the academic mobility of students. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1): 230–234. (In Russ.)
15. Pospelov V. K., Komissarova N. N. Introduction of education cycles in higher education: some practical problems. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2011, (10): 3–11. (In Russ.)
16. Vitvitskaiya L. A. Organization of interaction between teachers and students. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2009, (7): 93–96. (In Russ.)
17. Dneprovskaya N. V. Assessment of the readiness of the russian higher education for the digital economy. *Statistika i ekonomika*, 2018, 15(4): 16–28. (In Russ.)
18. Babanskii Iu. K. *Optimization of the learning process*. Moscow: Pedagogika, 1977, 257. (In Russ.)
19. Gromkova M. T. Innovative essence of the educational process, its structure and integrity. *Educational activities of the university in modern conditions*: Proc. Intern. Sci.-Method. Conf., May 26–27, 2016. Karavaevo, 2016, 35–40. (In Russ.)
20. Kuznetsova E. V. Integrity as a backbone principle of education in the information society. *Nauka i shkola*, 2014, (3): 69–74. (In Russ.)
21. Lvova V. D. On the implementation of the professional orientation of teaching mathematics in selecting the content of education in a technical university. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (4-5): 85–88. (In Russ.)
22. Tretyakova E. M. The two-level engineering education: demands of competence and maintenance of education. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (3): 309–313. (In Russ.)
23. Makarova E. E. Content and structure of an integrative approach in higher professional education. *Integratsiia obrazovaniia*, 2008, (3): 8–11. (In Russ.)
24. Kuz'mina L. G. Competence approach as an alternative to the "knowledge-qualification" approach in modern higher education. *Actual problems of language training in the context of the modernization of higher professional education*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., November 17–18, 2011. Voronezh, 2011, 84–89. (In Russ.)
25. Ibragimov G. I. Competence-based approach in modern education. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*, 2007, (10)3: 361–365. (In Russ.)
26. Zuev V. M. Continuous professional education: a modern concept. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, 2012, (4): 3–14. (In Russ.)
27. Chitaeva Iu. A. Continuing education as one of the conditions for the development of modern education: the past, the present, and the prospects for the future. *Nauchnye issledovaniia v obrazovanii*, 2012, (7): 42a–45. (In Russ.)
28. Grechushkina N. V. Factors influencing integration of online courses into educational system of academic organizations. *E-learning in continuing education 2018*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., April 18–20, 2018. Ulyanovsk, 2018, 16–23. (In Russ.)
29. Kovalenko A. A., Koroteev V. I., Novozhilov A. E., Ryzhkov V. M. "Independent student work" and e-learning. *Alma Mater*, 2013, (7): 108–112. (In Russ.)
30. Yegorushkina T. D., Kosheleva A. O. New vectors of the organization of students' independent work while learning a foreign language at technical institutions of higher education. *Psikhologiya obrazovaniia v polikul'turnom prostranstve*, 2018, (41): 75–82. (In Russ.)
31. Tiurikova G., Filatova O., Proshkina I., Il'ina Iu. Organization of students' independent work is a condition for the implementation of the competence approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2008, (10): 93–97. (In Russ.)
32. Buntova E. V. Organization of independent work of students in the framework of the modular technology of education. *Innovations in the system of higher education*: Proc. Intern. Sci. Method. Conf., October 25, 2017. Kinel, 2017, 11–14. (In Russ.)
33. Lazutin V. V. About informatization of education development within the limits of realization of the priority national project "Education" and Federal target programs. *Informatizatsiia obrazovaniia i nauki*, 2009, (4): 3–10. (In Russ.)
34. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Information and digital technologies in education: concepts, technologies, management. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2018, (8): 107–113. (In Russ.)

35. Astashova N. A. V. V. Kraevsky on the theoretical and methodological foundations of modern pedagogy. *Methodology of pedagogy in the context of modern scientific knowledge: Proc. Intern. Sci.-Theor. Conf., dedicated to the 90th anniversary of the Russian scientist – teacher, academician V. V. Kraevsky, September 22, 2016. Moscow, 2016, 13–19. (In Russ.)*
36. Osmolovskaya I. M. Isaak Ya. Lerner about training process: modern reading. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 2017, 1(3): 31–41. (In Russ.)
37. Bepal'ko V. P. *Pedagogy and progressive learning technologies*. Moscow: Pedagogika, 1995, 336. (In Russ.)
38. Plashkova O. O. *The system of didactic ideas in the heritage of G. I. Shukina*. Cand. Ped. Sci. Diss. Saint-Petersburg, 2006, 203. (In Russ.)
39. Larin S. N., Stebeniaeva T. V., Lazareva L. Iu. The use of modern pedagogical technologies, forms and methods of organizing the educational process in higher educational institutions. *Theoretical and practical aspects of psychology and pedagogy*, ed. Andulian I. V. Ufa: Aeterna, 2016, 103–127. (In Russ.)

УДК 37.035.3+37(476)(091)

Воспитание советских граждан в 70–80-х гг. XX в.

Сергей В. Козин^{а, @, ID}^а Ростовский филиал ПАО «Ростелеком», 344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Братский, 47

@ mister.svk92@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8398-8805>

Поступила в редакцию 12.02.2019. Принята к печати 11.03.2019.

Аннотация: Произведен анализ научных зарубежных и отечественных публикаций, релевантных данной проблематике. Подчеркивается, что многочисленные аспекты воспитания граждан СССР восходят своими корнями к таким именитым авторам, как К. Маркс, В. И. Ленин. Именно их воззрения стали фундаментальными и основательными ориентирами новых морально-нравственных установок граждан, которые существовали в советском обществе до распада СССР. Раскрепощение сущностных сил человека возможно только на пути разрешения противоречий между внешними обстоятельствами и творческой природой человека. В данной связи все еще актуально звучит положение К. Маркса о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания и что человек – не слепая и безынициативная сила: обстоятельство, как и само воспитание, изменяется самими людьми. Ряд авторов придерживаются такой точки зрения: позиция КПСС играла ключевую роль в воспитании и образе будущего гражданина, ее тотальный контроль и фильтрация ненужной информации проходила фактически везде. Совершенно очевидно, что в 70–80-х гг. XX в. в СССР стали приобретать наибольшее значение практика, опыт, апробация новых идей. Кроме этого, было выявлено, что зарубежных ученых очень интересовал народный сильный дух, который царил в СССР, а также и те новые комплексные системно-педагогические веяния, которые начали активно внедряться в 70-х гг. XX в. в СССР. Установлено, что учеными насчитывается более 160 черт, которыми должен обладать человек. Сюда входит и честность, и трудолюбие, уважение к старшим, эстетический вкус, физическое совершенство и мн. др.

Ключевые слова: история советского воспитания, коммунистическое воспитание, нравственные отношения, эстетическое воспитание, физическая культура и спорт, развитие патриотизма, массовая культура

Для цитирования: Козин С. В. Воспитание советских граждан в 70–80-х гг. XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 9–14. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-9-14

Введение

Социальная среда, личностные характеристики работника, степень их влияния на экономическую жизнь образуют представления о резервах труда в период существования СССР. Стоит отметить, что в условиях перестройки человеческий фактор приобрел особую актуальность. Полагаем, что в тот период исторического существования роль человеческого фактора возрастала (приумножалась) в связи с тем, что экономика становилась социально ориентированной. Потребность и интересы людей все больше стали определять направленность производства в СССР. Естественно, тогда стала сверхактуальной пропаганда физической культуры и спорта, а также роль педагогического воспитания во возвращении советских граждан. Основная цель в данной статье – описать воспитание советских граждан в 70–80-х гг. XX в.

Методы и материалы

Достижение поставленной цели в настоящей статье стало возможным благодаря использованию диалектического, сравнительного, структурного, системного методов, принципов историзма, объективности, конкретности к изучаемой проблеме.

При непосредственной подготовке и написании статьи использовался широкий круг зарубежной и отечественной научной литературы, релевантной исследуемой проблематике. В первую очередь произведенный анализ научных работ по данной тематике охватил множество дисциплин, в числе их можно выделить следующие: педагогика, история, социология, экономика. Особо подчеркнем, что значительную роль в данной теме сыграли труды, написанные В. И. Лениным. В совокупности использование представленных в работе зарубежных и отечественных публикаций и воззрений ученых, изучающих данную предметную область, способствует получению достоверных выводов и результатов.

Основные результаты исследования

Буквально *воспитание* означает механизм обеспечения и сохранения исторической памяти популяции. Воспитание представляет собой систему, где все эти элементы тесно взаимодействуют друг с другом. Критерием для выделения его важнейших курсов выступают те главные общественно значимые качества работника, которые и составляют облик личности социалистического типа.

Характеризуя состояние воспитательной работы в трудовом коллективе, те реальные процессы, которые проходят

в среде, непосредственно окружающие человека, можно выявить узловые особенности, которые свойственны как всему воспитанию в целом, так и его воплощению в конкретных обстоятельствах, в условиях, осуществляемых в СССР в период так называемой *перестройки* (1985–1991)¹ [1].

Это проявляется, прежде всего, в том, что шел процесс расширения участников воспитания, увеличения числа отвечающих за воспитательные аспекты своей деятельности. Нам кажется, что наряду с партией, комсомольской и профсоюзной организацией в эту работу все более вовлекались хозяйственные кадры. Хотя этот процесс проходил неоднозначно, общая тенденция его положительная.

Иначе говоря, происходило реальное повышение ответственности за воспитание и у различных добровольных организаций и объединений – спортивных, культурно-массовых, творческих и т. д. Но главное – перестройка интенсифицировала процесс включения каждого человека в формирование личной ответственности, активно развивала чувство его причастности к общественным делам и ценностям.

По трактовке академика РАН В. М. Полтеровича, «ценности – это общие характеристики индивидуальных предпочтений на множестве институтов, формирующие ожидания и реальное поведение индивидов» [2, с. 227]. Создается впечатление, что индивид во все большей мере становится реальным участником процесса воспитания и самовоспитания, действенной силой по перестройке общественного сознания. Отечественный ученый Д. В. Хлебников пишет, что «в 70-х гг. XX в. начинает обосновываться необходимость применения системного подхода к разработке проблем воспитания» [3, с. 157]. По мнению И. С. Ереминой, «гражданский подвиг народа в годы Отечественной войны, возрождение истинных патриотических и гражданских чувств явились источником пробуждения гражданской совести в 60–70-е гг. XX столетия» [4, с. 46].

Достаточно вспомнить, что происходившая в социуме перестройка показывала процесс обогащения содержания коммунистического воспитания, что отражало усложнение духовного мира человека, объясняло многообразие его связей с окружающей средой. Так, мы постоянно наблюдаем образование самостоятельных областей отдельных направлений воспитательной работы. Дело в том, что в 70-х гг., после того как вошло в жизнь экономическое образование, возникла потребность в выделении из трудового воспитания особого направления – экономического, которое вождь мирового пролетариата В. И. Ленин связывал с участием в управлении производством, в экономии и сбережении человеческого труда, увеличении его производительности, в решении архиважных проблем хозяйственной жизни [5, с. 146].

Что касается практики в нашей стране, то надо обратить внимание на то, что во второй половине 1970-х гг. весьма

актуальными стали проблемы взаимодействия общества, человека и природы, в связи с чем самой жизнью в число первоочередных выдвинулся вопрос об экологическом воспитании. Разумеется, об этом довольно много было сказано и на XIX партконференции: в понятие высокой культуры включается и экологическая культура общества, бережное, разумное отношение к природным условиям жизни и производственной деятельности людей, сохранение и приумножение природных богатств. Несомненно, что анализ современных проблем духовной жизни выявил значение и роль исторического сознания, которое проявляется как в глубоком интересе, уважении и гордости за исторический путь страны, так и в знании истории своего города, села, трудового коллектива.

Не менее важной тенденцией, характеризующей состояние воспитательной работы в СССР, является обогащение уже имеющихся направлений. Надо сказать, что новыми гранями стали характеризоваться интернациональное и патриотическое воспитание [6, с. 85–86].

Прежде всего, заметим, что интернационализм в сознании и поведении стал базироваться не только на традиционных представлениях о дружбе и сотрудничестве – одним из оснований стала ответственность за судьбу Родины [7]. Благодаря этому существенно расширилась социальная база интернационализма, что повлияло на содержание интернационального воспитания, в котором возросла доля общечеловеческих интересов.

Одновременно получило серьезный импульс для развития патриотическое воспитание, хранение и исследование исторической памяти своего народа, следование революционным, боевым и трудовым традициям в той конкретной обстановке, которая характерна для каждого производственного коллектива. Особо надо подчеркнуть, что события в Якутии, Казахстане, Нагорном Карабахе показали всю сложность и противоречивость воспитания патриотизма и интернационализма.

Позже получило развитие военно-патриотическое воспитание молодежи, направленное на формирование у нее готовности к защите социалистической Родины. Этому служат оправдавшие себя такие формы работы, как походы по местам боевой славы, участие в военно-спортивных играх, соревнования по военно-техническим видам спорта [8].

Следует заметить, что воспитание советских людей в духе патриотизма и интернационализма соединяло в себе любовь к Родине Октября, к земле, где родился и вырос человек, гордость за исторические свершения своего народа, с одной стороны, и чувство классовой солидарности с трудящимися братских стран, со всеми, кто борется против империализма, за социальный прогресс и мир – с другой.

¹ Следует сразу уточнить, что мнение отечественных и зарубежных историков, социологов, политиков по данному вопросу по-прежнему вызывает сильные споры и дискуссии. Можно говорить о том, что «перестройка», происходившая в период существования СССР, стала многослойным экономическим, политическим и социальным феноменом, который является актуальным и на сегодняшний день.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что актуальным это направление воспитания остается и в современных условиях, тем более что оно при всех его достоинствах не лишено серьезных недостатков: парадности, заорганизованности и формализма.

Примечательно также и то, что обогащение содержания в значительной степени затронуло и эстетическое направление. Его нельзя трактовать только как эстетическое просвещение, в основном касающееся пропаганды литературы, живописи, музыки и т.д. Хорошо известно, что эстетика мощно включалась в сам процесс трудовой деятельности. Воспитание эстетического вкуса касалось буквально всех сторон жизни человека и по своей сути всегда было направлено на то, чтобы научить человека воспринимать и понимать, любить и ценить прекрасное, видеть его не только в искусстве, но и в повседневной жизни, в человеческих поступках, в той продукции, которая производится на его предприятии.

Необходимо признать, что тогда в стране накопился неплохой опыт эстетического всеобуча. Прежде всего, на ум приходит г. Выборг, где в свое время осуществлялась целая программа: начиная от детского сада, школы, ПТУ и завершая трудовыми коллективами и общественными организациями.

Строго говоря, в той или иной степени нравственность является качественной характеристикой и других видов деятельности – общественно-политической, познавательной, семейно-бытовой. Так или иначе, это лишний раз подчеркивает, что нравственные отношения в чистом виде не существуют и создаются не каким-то отдельным набором средств, а образом жизни окружающих человека людей.

В условиях обновления чрезвычайно актуальной стала проблема нравственного выбора: как поступить в той или иной ситуации, кого поддержать, пойти ли на риск, ответить ли на вызов, жертвовать спокойной жизнью или нет. Правда, в такой ситуации человек нередко олицетворяет противоречивое единство, в котором тесно переплетены и его передовые позиции по ряду вопросов, и его поддержка мнением большинства и, к сожалению, нередко уходящие в прошлое нормы и черты обывательской и потребительской морали. Как известно, осознать противоречивость такого поведения, помочь человеку возвыситься над повседневными событиями, максимально сохранить и развить в нем борца за справедливость – вот задача нравственного воспитания. Показательно, что и большинство людей далеко не всегда противодействовали чуждым социализму нормам и формам сознания и поведения: своекорыстию, себялюбию, эгоизму, – всему тому, что противоречит социалистическому образу жизни.

Особую тревогу вызывало распространение латентных негативных явлений: стяжательства, бюрократизма, взяточничества, недобросовестного отношения к труду, которые не рекламировались и не показывали себя, но самым своим существованием разлагающе воздействовали на духовный мир советских людей.

В последующем все большее значение стало приобретать правовое воспитание, цель которого направлена на то, чтобы уважение к праву, к закону стало убеждением каждого советского человека. Оно предполагало распространение правовых знаний, разъяснение существующего правопорядка и социалистической законности, достижения правовой осведомленности людей, выработку у каждого человека стремления содействовать формированию правового государства в стране. По нашему мнению, специфическое место в воспитательной работе занимала борьба с проявлениями чуждой буржуазной идеологии и морали со всеми негативными явлениями. Что же касается буржуазной идеологии, то усилия, как правило, концентрировались на противопоставлении классового сознания в капиталистическом и социалистическом обществе, на непримиримости их сущности и противоположности интересов. В то время борьба с пережитками и рецидивами буржуазной морали внутри социалистического общества была сосредоточена на разоблачении идеологии потребительства, а также обычаев и традиций, унижающих честь и достоинство советского человека.

В этой связи тревогу вызывало (и этот факт подтверждают официальные данные социологических исследований) распространение индифферентности немалой части советских людей. Наряду с ней стали реальностью проявления экстремистской идеологии, протекционизм, взяточничество, наркомания, проституция и т.д.

В области так называемого атеистического воспитания КПСС сформулировало свою позицию однозначно и четко. В значительной степени это объясняется тем, что политическая партия выступала за неукоснительное соблюдение конституционных гарантий свободы совести, партия порицала попытки применять религию в ущерб интересам социума и личности [9, с. 138].

Крайне важно, что формирование научного материалистического мировоззрения, опирающегося на объективные закономерности развития природы и общества, тесно переплетается с существованием в реальной жизни религиозной идеологии. Особо следует отметить, что новое мышление в период перестройки по отношению к религии проявилось в том, что партия [10] призвала строить отношение с церковью на основе согласования интересов, объединяющих верующих и неверующих в борьбе за мир, за нравственные начала, за созидательный труд во имя строительства нового общества.

Как никогда остро встал вопрос о том, что успех воспитательной работы будет лишь тогда значительным, когда она будет опираться на весь фундамент человеческой культуры. Здесь уместно отметить В. И. Ленина, который писал: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием тех богатств, которые выработало человечество. Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую "вывеску", коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны

не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека... Коммунистический союз молодежи взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению построить коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать» [11, с. 305–307].

В целом необходимо признать, что повышение общей культуры, приобщение ко всему культурному наследию, усвоение достижений науки приобрело особую значимость. В конечном счете можно даже говорить о том, что такой подход дает основу для высокой идейности, нравственности, духовного богатства, позволяет человеку занимать правильную позицию в отношении суррогатов культуры, массовой культуры, кич-культуры и других проявлений слабости и нищеты человеческого духа.

Обратимся к роли и значению *физического воспитания*. Дело в том, что основоположники научного коммунизма всегда уделяли колоссальное внимание как умственному, так и физическому развитию, справедливо считая, что только их единство обеспечивает реализацию для всестороннего и гармоничного развития как самого человека, так и общества в целом.

Например, известный философ, член-корреспондент РАН В. В. Миронов утверждает, что К. Маркс, затрагивавший данную тематику, предполагал, что труд в будущем обществе превратится в игру интеллектуальных и физических сил человека [12, с. 119–120], в то время как наш соотечественник В. И. Ленин в беседе с немецким политическим деятелем К. Цеткин подчеркивал, что гармоничное развитие ума и тела служит источником жизнедеятельности, творческой активности и оптимизма.

Ряд отечественных авторов, изучающих данный аспект, считают, что развитие массовой физической культуры и спорта, а также введение физкультурно-спортивной системы ГТО было направлено, прежде всего, на укрепление здоровья граждан, продление жизни, сплочение (единение) различных поколений [13; 14].

Мы обращаем особое внимание на то, что стремление к физическому совершенству, к укреплению своего здоровья и на этой основе обеспечение высокоэффективного производительного труда становилось потребностью все большего количества советских людей. В конце концов любовь и уважение к труду – это та первооснова, от которой зави-

сит все, что образует человека как работника, характеризует уровень его мировоззренческих убеждений в сфере труда, опосредует его поступки и действия.

Необходимо отметить, что научно-технический прогресс (подробнее см. [15]) привнес такое грозное явление, как гиподинамия (малоподвижность), которая приводит к тяжелым заболеваниям, к преждевременной утрате жизненной энергии, к ослаблению трудовой и общественной деятельности человека. Вместе с тем конкретные исследования показывают, что занятия физкультурой и спортом повышают производительность труда на 3–8 %, а капиталовложения в развитие спортом приносят доходы, в четыре-пять раз превышающие затраты.

Разумеется, что нерешенной проблемой на тот момент (да и сейчас тоже) оставалась массовость физкультурного движения, работа его организаторов по вовлечению как можно большего количества работников в спортивные клубы, в оздоровительные и спортивные мероприятия, а не только на работу со спортсменами, представляющими страну на мировой арене или на союзных встречах. Кроме того, остро тогда стоял вопрос о воспитании с помощью спорта таких идейно-нравственных черт, как коллективизм, трудолюбие, принципиальность, бескорыстие и т. д.

Собственно практика показывает, что морально-политические качества формируются всем социалистическим укладом нашей жизни, всем ходом дел в обществе, и если общество не справится с этими задачами, то болезни его развития и функционирования скажутся и на идейно-воспитательной работе.

Заключение

Несомненно, проведя анализ условий воспитания нового человека, следует иметь в виду, что существенный источник решения этой большой исторической задачи – труд рабочих, колхозников, интеллигенции. В. И. Ленин неоднократно говорил, что сложный и трудный процесс воспитания человека можно осуществлять только на основе преобразования социальной действительности.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что анализ тенденций в развитии воспитательной работы показывает нам, что совершается неуклонный и последовательный процесс обеднения духовного мира людей, их взаимосвязи с обществом, с коллективом, сопутствует увеличению их личной (персональной) ответственности, их более осознанному участию (или неучастию) в решении назревших проблем форсирования социально-экономического развития.

Литература

1. Christensen P. T. Perestroika and the Problem of Socialist Renewal // Social Text. 1990. № 27. P. 123–146. DOI: 10.2307/466310
2. Полтерович В. М. Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 225–238. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-225-238
3. Хлебников Д. В. Роль социального заказа в становлении системного подхода в теории воспитания отечественной педагогики в 60–80-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 155–158.
4. Еремина И. С. Гражданское воспитание в России. История и современность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3. С. 44–48.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-9-14

5. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Политиздат, 1958. Т. 36. С. 1–741.
6. Ешев М. А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5. С. 85–89.
7. Towster J. Soviet Policy on Nationalities // *The Antioch Review*. 1951. Vol. 11. № 4. P. 437–448. DOI: 10.2307/4609520
8. Wesson R. G. The Military in Soviet Society // *The Russian Review*. 1971. Vol. 30. № 2. P. 139–145. DOI: 10.2307/127893
9. Козин С. В., Лямцева К. К. Определение понятия «политическая партия» в политико-правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия *Stydia historica jenium*. 2017. № 1. С. 137–141.
10. Timmermann H. The CPSU and the Western Communist Parties in the 1980s // *International Journal*. 1982. Vol. 37. № 2. P. 241–262. DOI: 10.2307/40202041
11. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Политиздат, 1958. Т. 41. С. 10–695.
12. Миронов В. В. Маркс и Россия: сложности взаимного восприятия // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 119–130. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440000233-1>
13. Козин С. В., Кольцов П. М. ГТО: прошлое и настоящее // *SCI-ARTICLE.RU*. 2015. № 23. С. 94–108. Режим доступа: http://sci-article.ru/number/07_2015.pdf (дата обращения: 14.02.2019).
14. Козин С. В. Изучение состояния физической культуры и мнения граждан о ВФСК «ГТО» // Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма и оздоровления различных категорий населения: сб. материалов XVII Всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. С. И. Логинова, Ж. И. Бушевой. Сургут: СурГУ, 2018. С. 602–605.
15. Kantorovich L. V. Economic Problems of Scientific and Technical Progress // *The Scandinavian Journal of Economics*. 1976. Vol. 78. № 4. P. 521–541. DOI: 10.2307/3439524

Soviet Upbringing in 1970s–1980s

Sergey V. Kozin ^{a, @, ID}

^a Rostov branch of Rostelecom PJSC, 47, per. Bratsky, Rostov-on-Don, Russia, 344082

@ mister.svk92@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8398-8805>

Received 12.02.2019. Accepted 11.03.2019.

Abstract: The author analyzes numerous scientific foreign and domestic publications and emphasizes that many aspects of Soviet upbringing go back to such prominent authors as K. Marx and V. I. Lenin. It was their views that became the fundamental guidelines for the new moral attitudes in the Soviet society. Essential forces of man are released only when contradictions between external circumstances and the creative nature of man have to be resolved. Marx believed that people are the products of circumstances and upbringing, and that an individual cannot be regarded as a blind and passive force: it is people who change circumstances and upbringing. Most authors believe that the Communist Party played a key role in the Soviet upbringing due to its total control and filtering of unnecessary information. In the 1970s–1980s, the USSR acquired great practical experience in this sphere. A thorough multilateral analysis of foreign literature revealed that foreign scientists displayed a great interest in the strong spirit of Soviet people, as well as in those new complex system-pedagogical trends that were implemented in the 1970-s in the USSR. Soviet scientists distinguished more than 160 features that a person should have, i.e. diligence, respect for the elderly, aesthetic taste, physical perfection, etc.

Keywords: history of Soviet education, communist education, moral relations, aesthetic education, physical culture and dispute, development of patriotism, mass culture

For citation: Kozin S. V. Soviet Upbringing in 1970s–1980s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 9–14. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-9-14

References

1. Christensen P. T. Perestroika and the Problem of Socialist Renewal. *Social Text*, 1990, (27): 123–146. DOI: 10.2307/466310
2. Polterovich V. M. Institutional reforms and the civil culture. *Historical and social-educational ideas*, 2016, 8(2/2): 225–238. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-225-238

3. Khlebnikov D. V. The role of social order in the formation of the system approach in the theory of education of the national pedagogy in the 1960s–1980-s. *Theory and Practice of Social Development*, 2015, (6): 155–158. (In Russ.)
4. Eremina I. S. Civic education in Russia. History and modern times. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2011, (3): 44–48. (In Russ.)
5. Lenin V. I. *The next tasks of the Soviet power. Completed works*. Moscow: Politizdat, 1958, vol. 36, 1–741. (In Russ.)
6. Echev M. A. Patriotism in the Soviet and post-Soviet Russia. *Vlast'*, 2014, (5): 85–89. (In Russ.)
7. Towster J. Soviet Policy on Nationalities. *The Antioch Review*, 1951, 11(4): 437–448. DOI: 10.2307/4309520
8. Wesson R. G. The military in Soviet society. *The Russian Review*, 1971, 30(2): 139–145. DOI: 10.2307/127893
9. Kozin S. V., Lyamtseva K. K. The definition of "political party" in political and legal thought of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya Stydia historica jenium*, 2017, (1): 137–141. (In Russ.)
10. Timmermann H. The CPSU and the Western Communist Parties in the 1980s. *International Journal*, 1982, 37(2): 241–262. DOI: 10.2307/40202041
11. Lenin V. I. *The tasks of the youth. Completed works*. Moscow: Politizdat, 1958, vol. 41, 10–695. (In Russ.)
12. Mironov V. V. Marx and Russia: difficulties of mutual perception. *Voprosy filosofii*, 2018, (7): 119–130. (In Russ.) DOI: 10.31857/S004287440000233-1
13. Kozin S. V., Koltsov P. M. TRP: past and present. *Sci-Article.ru*, 2015, (23): 94–108. Available at: http://sci-article.ru/number/07_2015.pdf (accessed 14.02.2019). (In Russ.)
14. Kozin S. V. A study of the physical training condition and opinions of citizens on all-Russian physical training and sports set (VFSK) "Ready for labour and deference" (GTO). *Improving the system of physical education, sports training, tourism and health of various categories of the population: Proc. XVII all-Russian Sci-Prac. Conf. with Intern. participation*, eds. Loginova S. I., Busheva Zh. I. Surgut: SurGU, 2018, 602–605. (In Russ.)
15. Kantorovich L. V. Economic problems of scientific and technical progress. *The Scandinavian Journal of Economics*, 1976, 78(4): 521–541. DOI: 10.2307/3439524

УДК 378.1; 371.3

Моделирование основ учебно-тренировочного процесса: традиционный и инновационный аспекты

Наталья В. Урженко^а; Ольга А. Угольникова^б; Елена Ю. Шварцкопф^{с, @}^а Детско-юношеская спортивная школа № 3, 654038, Россия, г. Новокузнецк, ул. Климасенко, 16/4^б Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42^с Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, 654041, Россия, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23

@ schvartzkopf-eu@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2018. Принята к печати 29.01.2019.

Аннотация: В статье представлены специфика и продукты развития педагогического моделирования как метода оптимизации качества деятельности педагога по физической культуре и тренера по избранному виду спорта. Учебно-тренировочный процесс в структуре детерминации и визуализации традиционных и инновационных конструктов и технологий педагогической деятельности тренера определяется в трех традиционно выделяемых направлениях (широкий, узкий, локальный смысл) и трех инновационно выделяемых направлениях (адаптивно-акмепедагогический, функционально-трудовой, персонифицировано-мультикультурный смысл / подход). Представленные возможности использования педагогического моделирования в детализации качества учебно-тренировочного процесса определяются ситуативностью и планомерностью выделенных способов определения и решения задач развития личности средствами физической культуры и спорта. Уточненные определения и продукты педагогического моделирования в педагогике физической культуры и спорта определяют перспективность подготовки будущих педагогов физической культуры и тренеров по избранному виду спорта. Основы реализации идей традиционного и инновационного продуктивного поиска определяют все успешно реализуемые педагогические условия моделирования основ учебно-тренировочного процесса. Качество детерминации и реализации педагогических условий моделирования основ учебно-тренировочного процесса является объектом и продуктом решаемой в работе задачи. Современные технологии педагогического моделирования гарантируют повышение качества продуктивного становления личности будущего педагога физической культуры и тренера по избранному виду спорта в уточнении и решении задач развития личности и системы образования, физической культуры и спорта.

Ключевые слова: педагогическая методология, технология педагогического моделирования, персонификация, адаптивно-акмепедагогический подход, функционально-трудовой подход, персонифицировано-поликультурный подход

Для цитирования: Урженко Н. В., Угольникова О. А., Шварцкопф Е. Ю. Моделирование основ учебно-тренировочного процесса: традиционный и инновационный аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 15–20. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-15-20

Введение

Теория и практика педагогического моделирования определяет системность и персонификацию продуктивного поиска педагога в микро-, мезо-, макрогрупповых отношениях, раскрывающих общие, частные, частно-предметные и частно-специальные особенности постановки и решения проблемы развития личности в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений.

Педагогическое моделирование – одно из многомерных явлений, определяющих обновление системы средств и конструктов генерации и оптимизации инноваций в педагогической деятельности.

Качество использования педагогического моделирования в современных ресурсах непрерывного образования тем выше, чем точнее определяется и уточняется с течением времени конструкт *хочу, могу, надо, есть* в деятельности педагога и обучающегося, тренера и спортсмена.

Определим потенциальные направления использования педагогического моделирования в структуре деятельности тренера по избранному виду спорта в следующей системе конструктов и моделей оптимизации качества решения задач развития:

1) педагогическая методология определяет на уровне общепедагогических [1–3], частно-методических [4], специально-предметных [5–7] особенностей детерминации проблемы планирования и организации учебно-тренировочного процесса и потенциальных путей решения поставленной проблемы и выделенных из нее задач деятельности тренера;

2) педагогическое моделирование [8] отражает специфику и востребованность педагогического метода, уточняет особенности детерминации и верификации качества функционирования модели категории *учебно-тренировочный процесс* [9; 10];

3) составные части учебно-тренировочного процесса определяются продуктами качественного решения педагогических задач и полисистемных приоритетов выбора вида спорта в качестве модели и конструкта социализации и самореализации [11–13];

4) педагогическая технология [3; 14; 15] может быть определена в качестве средства и продукта оптимизации качества решений задач развития личности в структуре уточняемого и реализуемого учебно-тренировочного процесса;

5) теоретизация [16] как продукт и функция оптимизации качества учебно-тренировочного процесса может в системе конструктов и свойств нормального распределения способностей обучающихся определять и уточнять решения задач развития личности средствами и методами физической культуры и спорта [10; 11; 15].

Специфика и продукты развития педагогического моделирования как метода оптимизации качества деятельности педагога по физической культуре и тренера по избранному виду спорта могут быть уточнены в двух плоскостях описания и измерения – традиционном и инновационном.

Цель работы: определение и уточнение возможностей моделирования основ учебно-тренировочного процесса в конструктах традиционного и инновационного научно-го поиска и научного знания.

Задачи работы:

1) уточнить понятие *учебно-тренировочный процесс* в структуре традиционного научного поиска и научного знания, т. е. в системе построения определений в широком, узком, локальном смыслах;

2) уточнить понятие *учебно-тренировочный процесс* в структуре адаптивно-акмепедагогического, функционально-трудового, персонифицировано-мультикультурного смыслов / подходов;

3) выделить модели учебно-тренировочного процесса в современной практике развития личности обучающегося средствами и методами физической культуры и спорта;

4) определить педагогические условия повышения качества моделирования основ учебно-тренировочного процесса в системе непрерывного образования.

Возможности использования традиционного и инновационного научного знания в уточнении основ учебно-тренировочного процесса будут определять перспективы и специфику постановки, уточнения и решения выделенных задач и поставленной цели.

Понятие учебно-тренировочного процесса

Учебно-тренировочный процесс как категория современной педагогики физической культуры и спорта раскрывает возможность постановки и решения задач развития личности. В системе уровневой дифференциации и учета адаптивно-акмепедагогических аспектов включения личности в процесс занятий избранным видом спорта качество решения задач развития личности зависит от успеш-

ности использования педагогического моделирования (в минимальном выборе – планирования) и точности педагогического решения в детерминации и решении проблем развития средствами и методами физической культуры и спорта.

Определим понятие *учебно-тренировочный процесс* и выделим составные единицы учебно-тренировочного процесса в выделении традиционных и инновационных аспектов постановки и решения проблемы детерминации и решения задач развития личности в спорте и через спорт.

Учебно-тренировочный процесс (широкий смысл) – процесс определения и решения задач развития личности в спорте и через спорт средствами и методами, формами и технологиями организации работы со спортсменами, обучающимися по определенной системе и схеме включения личности в процесс формирования профессионального и спортивного мастерства, детализирующего практику развития у личности успешности в выделенной плоскости решения задач развития и самореализации через спорт.

Учебно-тренировочный процесс (узкий смысл) – вид реализуемого в детско-юношеской спортивной школе процесса, специфика которого непосредственно связана с повышением качества решения развития личности в системе приоритетов и возможностей акмедостижений личности в выбранном виде спорта.

Учебно-тренировочный процесс (локальный смысл) – система учебно-тренировочных занятий в организации, осуществляющей программы спортивной подготовки для обучающихся, гарантирующая качество включения личности в выбранный вид спорта и достижение персонифицированного уровня самореализации личности в спорте.

Учебно-тренировочный процесс (адаптивно-акмепедагогический смысл) – механизм самоорганизации качества учета способностей личности, включенной в процесс освоения конкретного вида спорта, методов и технологий организации занятий по выделенному направлению учебно-тренировочных занятий, раскрывающий определяемые противоречия и переходы от адаптивного включения личности в спорт до максимально продуктивного (акмепедагогического); особенности выбора уровня и качества развития личности в спорте уточняются через систему противоречий *хочу, могу, надо, есть*.

Учебно-тренировочный процесс (функционально-трудового смысла) – процесс формирования спортивного мастерства через качественное решение задач развития личности в спорте, гарантирующий учет функционально-трудо-вых конструктов подготовки личности в выделенной плоскости деятельности и системы профессионально ориентированных отношений.

Учебно-тренировочный процесс (персонифицировано-мультикультурный смысл) – стратегия включения личности в систему учебно-тренировочных занятий, определяющая мультиуровневые способы и технологии решения задач развития личности в выбранном виде спорте.

Представленные возможности использования педагогического моделирования в детализации качества учебно-тренировочного процесса определяются ситуативностью и планомерностью выделенных способов определения и решения задач развития личности средствами физической культуры и спорта.

Процесс выделения и уточнения моделей учебно-тренировочного процесса в современной практике развития личности обучающегося средствами и методами физической культуры и спорта – один из важных и исследуемых процессов в педагогике физической культуры и спорта.

В структуре выделения и описания традиционных и инновационных конструктов и технологий педагогической деятельности тренера можно описать систему типологий, детализирующих использование в традиционном знании успешные решения, основы которых были получены и позволяют получать до настоящего времени высокие показатели и результаты самореализации личности в спорте. В инновационном знании такого рода практика обусловлена появлением новых средств и стимуляторов развития личности в спорте (модифицируемые на различных уровнях тренажеры, системы питания и восстановления спортсмена и пр.).

Уточненные определения и продукты педагогического моделирования в педагогике физической культуры и спорта определяют перспективность подготовки будущих педагогов физической культуры и тренеров по избранному виду спорта, данная практика может быть детализирована при анализе и визуализации программ по избранному виду спорта.

Современные технологии педагогического моделирования гарантируют повышение качества продуктивного становления личности будущего педагога физической культуры и тренера по избранному виду спорта в уточнении и решении задач развития личности и системы образования, физической культуры и спорта.

Технологии организации учебно-тренировочного процесса определяются видами, реализуемыми в процессе учебных и учебно-тренировочных занятий. К наиболее распространяемым в системе дополнительного образования технологиям организации учебно-тренировочного процесса относят технологии самоанализа и видеоразбора учебно-тренировочных занятий и соревнований; технологии уровневой дифференциации включения обучающегося в учебно-тренировочный процесс; технологии групповой работы; технологии сотрудничества в реализации групповой работы; суггестивные технологии организации учебно-тренировочного процесса; адаптивные технологии организации учебно-тренировочного процесса и пр.

Основы реализации идей традиционного и инновационного продуктивного поиска определяют все успешно реализуемые педагогические условия моделирования основ учебно-тренировочного процесса. Качество детерминации и реализации педагогических условий моделирования основ учебно-тренировочного процесса является объектом и продуктом решаемой в статье задачи.

Педагогические условия повышения качества моделирования основ учебно-тренировочного процесса в системе непрерывного образования

Детерминируемые положения основных возможностей повышения качества моделирования основ учебно-тренировочного процесса в системе непрерывного образования за счет разработки кейс-модели осуществления учета всех возрастосообразных и детализируемых в структуре учебно-тренировочного процесса особенностей развития личности:

1) возрастосообразность и учет нормального распределения способностей и здоровья обучающихся в постановке и детализации возможностей развития личности (конструкт *хочу, могу, надо, есть*);

2) формирование потребности в самовыражении и самореализации, признании и социализации, самоактуализации и самоутверждении через продукты развития в спорте;

3) формирование модели развития и сотрудничества, гарантирующих личности в процессе занятий спортом неустойчивое уточнение условий и способов, технологий и форм, тактики и стратегии включения личности в процессы индивидуально, социально и профессионально значимые;

4) соблюдение основ общепедагогической, профессионально-педагогической, общефизической, специальной физической подготовки в уточнении условий самореализации личности и повышения качества решения задач развития в структуре учебно-тренировочного процесса;

5) единство детализируемых в развитии функций самореализации и социализации личности через спорт;

6) обогащение внутреннего мира личности в спорте непосредственно связанными с развитием личности направлениями продуктивного поиска условий оптимального решения задачи *хочу, могу, надо, есть*;

7) реализация идей адаптивности и акмеперсонификации как конструктов гуманизации построения и уточнения учебно-тренировочного процесса;

8) определение идей и тактики здоровьесбережения в структуре разрабатываемых основ и возможностей оптимизации учебно-тренировочного процесса;

9) оптимальное сочетание традиционных и инновационных методологических подходов в оптимизации качества разработки, планирования, организации учебно-тренировочного процесса;

10) стимулирование личности тренера и коллектива педагогов оптимальными материальными и нематериальными стимулами и продуктами профессиональной поддержки;

11) создание условий для включения личности с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в учебно-тренировочный процесс с учетом всех современных возможностей фасилитации, поддержки и адаптивного решения задач развития личности с ОВЗ в спорте;

12) определение возможностей развития личности в спорте через принятие идей целесообразности и мотивации деятельности в акмеперсонификации развития

и самоанализа качества принимаемых и реализуемых решений;

13) включенность личности тренера и личности спортсмена в систему непрерывного образования и формирования профессионального мастерства.

Выделенные условия повышения качества моделирования основ учебно-тренировочного процесса в системе непрерывного образования могут быть дополнены совокупностью условий, непосредственно связанных с происходящими изменениями, а также могут быть уточнены в системе определяемых и реализуемых изменений в микро-, мезо-, макроуровневых изменений в системе физической культуры и спорта, педагогики и психологии, социологии спорта и инновационного обеспечения физкультурно-спортивной деятельности.

Заключение

Моделирование основ учебно-тренировочного процесса определяют перспективы разработки и уточнения всех звеньев целостного решения задач развития личности в спорте. Качество персонификации выбора направления и вида спорта является уникальной системой самоорганизации проб и возможностей перехода из одного вида спорта в другой.

Уточнение моделей в решении задач развития личности в спорте в системе традиционных и инновационных конструктов позволяют создавать новые продукты самоорганизации качества самореализации и социализации личности в спорте и через спорт.

В следующих работах мы попытаемся определить методико-методологическое обеспечение учебно-тренировочного процесса в избранном виде спорта.

Литература

1. Свиаренко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
2. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования: модели и теории. М.: РУСАЙНС, 2018. 144 с.
3. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиаренко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
4. Портнягин И. И., Торговкин В. Г., Николаев Н. Д. Индивидуализация учебно-тренировочного процесса студентов-борцов вольного стиля // Теория и практика физической культуры. 2015. № 10. С. 29–30.
5. Шпорин Э. Г., Лебединский В. Ю., Колокольцев М. М. Системно-методологические основы совершенствования учебно-тренировочного процесса по физической культуре в вузах // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 1. С. 127–133.
6. Баранов В. А. Теоретические основы дифференцированного подхода в учебно-тренировочном процессе юных спортсменов // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4. С. 428–430.
7. Суриков В. Е. Теоретико-методические основы использования информационных технологий для усовершенствования учебно-тренировочного процесса // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 4-3. С. 86–88.
8. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.
9. Белобородова Ж. А., Урженко Н. В. Детерминация основ учебно-тренировочного процесса в гандболе: теория и практика // Роль и место информационных технологий в современной науке: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 10 апреля 2018 г.). В 2-х ч. Уфа: Аэтерна, 2018. Ч. 1. С. 127–129.
10. Миронова Е. Н. Моделирование учебно-тренировочного процесса как средство повышения эффективности спортивной тренировки // Наука-2020. 2016. № 5. С. 28–31.
11. Житницкий А. А. Особенности учебно-тренировочного процесса у подростков на отделении пауэрлифтинга детско-юношеской спортивной школы // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 4-1. С. 141–146.
12. Луговская А. В. Научно-методические основы эффективной организации учебно-тренировочного процесса спортсменов циклических видов спорта // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. № 16-2. С. 380–384.
13. Суслов С. И., Пашинцев В. Г. Проблема выбора метода в учебно-тренировочном процессе студентов-футболистов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4-2. С. 225–232.
14. Козырева О. А. Технология системно-педагогического моделирования в условиях непрерывного профессионального образования // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 3-2. С. 355–359.
15. Хозина С. Р., Вошинин А. В. Формирование структурных компонентов рефлексивного мышления теннисистов в учебно-тренировочном процессе // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2017. № 3. С. 307–312.
16. Коновалов С. В., Козырев Н. А., Козырева О. А. Теоретизация в педагогической науке: общенаучный и общепрофессиональный аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4. С. 376–385. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409

Modeling of the Fundamentals of the Educational Process: Traditional and Innovative Aspects

Natalia V. Urzhenko^a; Olga A. Ugolnikova^b; Elena Yu. Shvartskopf^{c, @}

^a Children and Youth Sports School No. 3, 16/4, Klimasenko St., Novokuznetsk, Russia, 654038

^b Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007

^c Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky St., Novokuznetsk, Russia, 654041

@ schvartzkopf-eu@yandex.ru

Received 01.12.2018. Accepted 29.01.2019.

Abstract: The paper presents the specifics and products of the development of pedagogical modeling as a method of optimizing the quality of activity of a PE teacher and coach. The educational and training process in the structure of determination and visualization of traditional and innovative constructs and technologies of pedagogical activity of the trainer is determined in three traditionally allocated directions (wide, narrow, and local sense) and three innovatively allocated directions (adaptive-acme-pedagogic, functional-labor, and personified-multicultural sense / approach). The presented possibilities of using pedagogical modeling in detailing the quality of the training process are determined by the situational and systematic methods of determining and solving problems of personal development by means of physical culture and sports. Refined definitions and products of pedagogical modeling in pedagogy of physical culture and sport determine the prospects of training future teachers of physical culture and coaches in the chosen sport. The bases of realization of ideas of traditional and innovative productive search define all successfully realized pedagogical conditions of modeling of bases of educational and training process. The quality of determination and realization of pedagogical conditions of modeling the basics of the training process is the object and product of the solved in the work of the task. Modern technologies of pedagogical modeling guarantee improvement of quality of productive formation of the personality of a future PE teacher and coach in specification and the solution of problems of development of the personality and system of education, physical culture and sports.

Keywords: technology of pedagogical modeling, personification, adaptive-acme-pedagogical approach, functional-labor approach, personified-multicultural approach

For citation: Urzhenko N. V., Ugolnikova O. A., Shvartskopf E. Yu. Modeling of the fundamentals of the educational process: traditional and innovative aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 15–20. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-15-20

References

1. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education*. Moscow: MIFI, 2014, 92. (In Russ.)
2. Kozyreva O. A. *Culture of individual self-work in the system of continuous education: models and theories*. Moscow: Rusains, 2018, 144. (In Russ.)
3. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Education in the professional training of teachers*. Moscow: MIFI, 2017, 400. (In Russ.)
4. Portnyagin I. I., Torgovkin V. G., Nikolaev N. D. Individualization of the training process of students-freestyle wrestlers. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2015, (10): 29–30. (In Russ.)
5. Shporin E. G., Lebedinsky V. Yu., Kolokoltsev M. M. System and methodological bases of physical training education process enhancement in higher education institute. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva*, 2011, (1): 127–133. (In Russ.)
6. Baranov V. A. Theoretical basis of differentiated approach in training process of young sportsmen. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, 2011, (3-4): 428–430. (In Russ.)
7. Surikov V. E. Theoretical and methodological foundations of the use of information technology to improve the training process. *Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2017, (4-3): 86–88. (In Russ.)
8. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogical modeling in the constructs of modern education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (1): 58–63. (In Russ.)
9. Beloborodova Zh. A., Urzhenko N. V. Determination of the fundamentals of the training process in handball: theory and practice. *The role and place of information technology in modern science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, April 10, 2018*. Ufa: Aeterna, 2018, part 1, 127–129. (In Russ.)
10. Mironova E. N. Simulation training process have enhanced the efficiency of sports training. *Nauka-2020*, 2016, (5): 28–31. (In Russ.)

11. Zhitnitsky A. A. Features of the training process in adolescents at the powerlifting department of the junior sports school. *Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2017, (4-1): 141–146. (In Russ.)
12. Lugovskaya A. V. Scientific and methodical bases of the effective organization of educational and training process of athletes of cyclic sports. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*, 2016, (16-2): 380–384. (In Russ.)
13. Suslov S. I., Pashintsev V. G. Problem choice of methods in the training process of students-footballers. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 2014, (4-2): 225–232. (In Russ.)
14. Kozyreva O. A. Technology system-pedagogical modeling in continuous professional education. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2016, (3-2): 355–359. (In Russ.)
15. Hozina S. R., Voshchinin A. V. Formation of structural components of reflective thinking of tennis players in the training process. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2017, (3): 307–312. (In Russ.)
16. Konovalov S. V., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Theoretization in pedagogical science: the general scientific and general professional aspects. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*, 2018, (4): 376–385. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409

УДК 378.1; 371.3

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

Светлана А. Чудинова^{a, b}; Николай А. Козырев^a; Елена В. Митькина^{a, b, @}^a Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42^b Средняя общеобразовательная школа № 26 г. Новокузнецка Кемеровской области, 654007, Россия, г. Новокузнецк, пр. Пионерский, 36[@] dpo-nvkz@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.09.2018. Принята к печати 18.01.2019.

Аннотация: В статье уточняются педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования, приводятся примеры и модели оптимального решения задач моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования. Качество детерминаций и моделей педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования определяется в структуре используемых адаптивно-акмепедагогического, персонифицировано-продуктивного, функционально-трудового подходов, раскрывающих направленность научного поиска и визуализации решений поставленных в работе задач. Социальная, профессиональная и образовательная направленности поиска генерации и уточнения положений педагогических условий оптимизации процесса моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования детализируют различные грани и возможности выбора личности и общества в детализированных представлениях и продуктах повышения качества педагогической деятельности и образовательных услуг. Традиционные и инновационные конструкты определения, описания и визуализации нюансов моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования раскрывают в линейных и нелинейных моделях, кейс-условиях и системах детерминант практику адаптивно-акмепедагогического, персонифицировано-продуктивного, функционально-трудового решения задач повышения качества педагогической деятельности и персонифицированного уровня развития личности обучающегося. Системность научного поиска гарантирует целостность и унифицированность, корректность и точность, гибкость и востребованность получаемых решений в структуре определения, уточнения и модификации педагогических условий оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования.

Ключевые слова: фасилитация, педагогическая методология, педагогическое моделирование, педагогическая деятельность, конструкт, повышение качества

Для цитирования: Чудинова С. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 21–28. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-21-28

Введение

Особенности использования педагогического моделирования в детерминации и уточнении педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования – одна из интересных практик современного образования, определяющего свои продукты в интересах государства и личности, включенной в систему образования, науки, культуры, профессионально-трудовых и досуговых отношений.

Понятие педагогических условий оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования в иерархии детерминант современной научной педагогики может быть уточнено в широком, узком, локальном смыслах (традиционная педагогика), а также унифицированном, персонифицированном и здоровьесберегающем (инновационная педагогика).

Основные положения современной педагогики как средства фасилитации

Для уточнения понятия и визуализации уточненных педагогических условий оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования определим теоретико-эмпирические положения современной педагогики в качестве средств фасилитации объяснения и визуализации проводимой работы. Основы профессиональной педагогики в структуре детализации качества формирования культуры самостоятельной работы личности на ступени среднего профессионального образования (техникум) могут определить специальные условия реализации идей поддержки и фасилитации с учетом всех составных продуктивного поиска оптимальной модели получения образования личностью, включенной в систему непрерывного образования [1].

Педагогическая поддержка [2] как гуманная технология развития личности раскрывает перспективность детализации основ и моделей педагогической деятельности, в своей структуре и продуктах учитывающих условия и специфику нормального распределения способностей и возможностей продуктивного и персонифицированного развития личности, уточняемых в моделях и технологиях деятельности и общении, характеризующих личность с позиции самостоятельности, зрелости, компетентности, конкурентоспособности и пр. Детерминированные модели понятия *педагогическая поддержка* [3] раскрывают перспективность использования традиционного и инновационного научно-педагогического знания для повышения качества выделения и решения задач педагогической деятельности в целом. Сущность понятия *педагогическая поддержка* [4] позволяет подойти к процессу и моделям реализации возможностей педагогической поддержки с различных сторон детерминированных ресурсов современного развития личности и педагогики как науки.

Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе [5] определяет грани исследуемого нами объекта в структуре детализации основ, особенностей и возможностей образовательного процесса, располагающего потенциалом акмеверификации качества развития личности как ценности и продукта современного образования, культуры, науки, спорта и пр.

Педагогическая поддержка учащихся с признаками одаренности [6] в теории и моделях позволяет определить направление акмеперсонификации развития личности основой для гуманистического проектирования целостного педагогического процесса и профессионально-трудовых отношений в системе непрерывного образования и государственного обновления цели и приоритетов развития государства и личности, включенной в государственно-правовые отношения.

Педагогические условия оптимизации качества формирования культуры самостоятельной работы личности в модели дополнительного профессионального образования [7] раскрывают уточненные особенности детализации основ и продуктов педагогической деятельности и поддержки в актуализации специфики развития и становления личности обучающегося и педагога, включённых в совместную деятельность и сотрудничество, позволяющих обучающемуся в дальнейшем самостоятельно решать аналогичные и вариативные задачи, позволяя найти самостоятельный путь к продуктивному становлению и самоутверждению через продукты единоличной деятельности и коллективного сотрудничества.

Разработка и апробация концепции формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования [8] определяет учет модели и специфики развития личности через принадлежность к детализируемой и реализуемой педагогической поддержке и самостоятельный поиск личностью своего уникального решения той или иной задачи деятельности

и общения. Теоретико-методологические основы формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования [9] раскрывают возможности использования современной педагогической методологии в структуре формирования культуры самостоятельной работы личности, определяющей продуктивную деятельность и адаптивное обеспечение педагогической поддержки системно-составными функциями самоорганизации качества выделяемых и решаемых противоречий и задач педагогической деятельности. Возможности моделирования и реализации концепции формирования культуры самостоятельной работы личности [10] раскрывают теоретико-эмпирический материал в структуре продуктивного поиска оптимального решения детерминированной задачи, в которой уделяется должное внимание проблеме учета разных уровней развития обучающихся, создания персонифицированных условий и возможностей социализации и самореализации обучающимся с различными способностями и возможностями продуктивного и адаптивного становления и решения детерминированных социальным и профессиональным пространством задач.

Формирование культуры самостоятельной работы студентов техникума [11] является важной составной целостного развития личности, в системе приведенных моделей и возможностей педагогическая поддержка обучающегося определяется в структуре описания адаптивной модели формирования культуры самостоятельной работы студентов техникума. Например, тренажер для обучения сварщиков в модели непрерывного образования [12] является средством фасилитации развития личности, что грамотно и целостно позволяет в процессе имитации создать условия для качественного решения задач современного инженерно-технического образования.

Возможности педагогического моделирования в системе непрерывного образования [13; 14] гарантируют повышение качества задач научного поиска и оптимизации выделенных проблем и противоречий всех составных в системе непрерывного образования. Педагогическая поддержка будущего педагога в адаптивном обучении [15] определяется в структуре актуализации возможностей социализации и самореализации личности, гарантирующих обществу повышение всех составных развития и модифицированного решения задач реализуемой деятельности и общения. Генезис феномена *педагогическая поддержка школьника* [16] позволяет отметить важность обобщения и систематизации материала о педагогической поддержке личности, включенной в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений. Понятие педагогической поддержки в современной науке [17] раскрывает перспективы организации деятельности педагога в системе непрерывного образования и персонифицированного решения задач развития личности обучающегося в системе, моделях, технологиях и приоритетах непрерывного образования. Педагогическая

поддержка в поликультурном социально-воспитательном пространстве [18] является продуктом моделируемой среды и уточняемых возможностей развития личности и общества в целом, причем гуманизм является функцией самоорганизации качества всех детерминируемых и реализуемых изменений. Педагогическая поддержка и фасилитация в модели развития обучающегося в системе непрерывного образования раскрывают необходимость учета изменений, происходящих в структуре реализации моделей и технологий современного образования.

Профессионализм личности определяется как продукт персонификации развития и непрерывного образования, создает предпосылки для целостного понимания важности учета нормального распределения способностей обучающихся, включённых в любой образовательный процесс, гарантирующий повышение качества любой составной социально и профессионально значимой деятельности, визуально и системно раскрывающей личность с позиции современного выбора и продуктивности, гуманизма и конкурентоспособности, здоровьесбережения и гибкости, востребованности и самосохранения.

Воспитание в профессиональной подготовке педагогов раскрывает теоретико-эмпирические грани использования основ педагогического моделирования в продуктивном поиске основ и возможностей планируемой и реализуемой педагогической деятельности, в структуре которой педагогическая поддержка определяет адаптивную составную педагогики как науки или самостоятельную отрасль педагогической науки – адаптивную педагогику.

Целостность постановки проблемы и возможностей детерминации и реализации педагогической поддержки обучающегося может создать условия для повышения качества всех составных педагогического поиска и педагогической деятельности педагога и педагогического коллектива. Педагогическая поддержка как модель и продукт педагогической деятельности и непрерывного образования выделяет модели и системные конструкты педагогической деятельности, раскрывающие важность и социальную востребованность педагогической поддержки в системе непрерывного образования.

Понятие педагогических условий оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

В широком смысле – это система конструктов и приоритетов, технологий и унифицированных форм решения задач педагогической деятельности в иерархии выделяемых и решаемых противоречий, в основе которых на базовой или адаптивно-базовой отметке-уровне достижений личности рассматриваются основы адаптивного выбора личностью обучающегося возможности достижения персонифицированных достижений, где педагог средствами и продуктами педагогического моделирования повышает качество включения личности обучающегося в образовательный процесс и целостное развитие личности в социальном, образовательном, профессиональном ракурсах

развития, самореализации и самоутверждения, определяющих положение личности в обществе за счет решения задач развития и самоутверждения, сотрудничества и общения, самовыражения и самоактуализации, понимания и совершенствования основ и практики реализуемой деятельности в различных рассматриваемых конструктах, моделях, направлениях, масштабах и пр.

Широкий смысл является уникальным традиционно определяемым конструктом, который раскрывает перспективность и востребованность макропедагогического рассмотрения целостности процесса или явления, а также тех или иных составных педагогической деятельности в педагогической науке и науке в целом.

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования (**узкий смысл**) – процесс выбора конструктов, методов и методологических подходов в постановке и решении задач реализации педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования, раскрывающий и уточняющий все составные продуктивного поиска персонифицированной системы доминант и моделей в системе приоритетов *хочу, могу, надо, есть*, позволяет качественно и своевременно обновлять все составные педагогического поиска и продуктивного выбора оптимальных решений задач педагогической деятельности в целом, в структуре которой наш рассматриваемый и уточняемый процесс определяет базу всех минимальных решений в пользу личности, включенной в систему непрерывного образования, отражая перспективы максимальных в иерархии приоритетов персонификации и самореализации, социализации и сотрудничества достижений на протяжении всего периода развития личности.

Узкий смысл – конструкт, который определяет все составные научного поиска и его продуктов в системе мезоуровневого выбора условий и возможностей постановки и решения задач педагогической деятельности.

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования (**локальный смысл**) – процедура уточнения решений задач создания определённых продуктов деятельности педагога, в которых педагогической поддержке личности в системе непрерывного образования отводят конкретное место с определёнными и реализуемыми способами, методами, формами, технологиями деятельности, гарантирующими повышение качества решения задач развития личности обучающегося в процессе реализуемой педагогом работы с группой (классом) или индивидуально с конкретным обучающимся.

Локальный смысл является конструктом микроуровневого построения и уточнения различных задач педагогической деятельности, где согласованность и привязанность задачи к ситуации и условиям поиска решений является механизмом самоорганизации качества педагогической деятельности на базовом уровне, где конкретный педагог определяет и решает задачи современного образования средствами, методами, формами и технологиями,

способствующими оптимально выполнять и реализовывать условия трудового договора и регламентированных в деятельности трудовых функций.

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования (**унифицированный смысл**) – механизм качественного решения задач обогащения ресурсов продуцирования различных идеальных и материальных объектов в работе педагога традиционными и инновационными системами, конструктами, алгоритмами и прочими сложными способами решения проблем и противоречий развития личности в системе непрерывного образования, где учет уровня развития и продуктивности личности востребован в персонифицированном оказании личности педагогической поддержки, особенности которой разрабатываются в соответствии с поставленной педагогом и задачей и возможностями системы образования.

Унифицированный смысл является конструктом обобщающего выбора и системного решения, который удовлетворяет в своем представлении решений всем выделенным в задаче условиям и способам ограничений и предпочтений как личности обучающегося, так и общества в определенном его объединении (школа, семья, класс, группа и пр.).

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования (**персонифицированный смысл**) – продукт качественного решения поставленной педагогом задачи – задачи разработки и реализации основ и моделей педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования, раскрывающей достижения личности в системе образования, деятельности и общения.

Персонифицированный смысл определяется через систему модифицируемых предпочтений личности в иерархии противоречий *хочу, могу, надо, есть*.

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования (**здоровьесберегающий смысл**) – способ и конструкт наиболее целесообразного решения задач педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования, особенно уточнения и модификации которых непосредственно связаны с деятельностью педагога, возможностями обучающегося, ограничениями и приоритетами системы непрерывного образования.

Здоровьесберегающий смысл определяет повышение качества всех составных деятельности личности и общества через учет возможностей сохранения здоровья личности и общества, создание условий для качественного оздоровления всех звеньев и составных реализуемых процессов и особенностей решения тех или иных задач, специфика которых связана с личностью и благополучием личности и общества.

Педагогические условия оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования

Кроме того, качество детерминаций и моделей педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования определяется в структуре используемых адаптивно-акмепедагогического, персонифицировано-продуктивного, функционально-трудового методологических подходов, раскрывающих направленность научного поиска и визуализации решений поставленных в работе задач.

1. Адаптивно-акмепедагогическое направление:

- учет условий нормального распределения способностей и здоровья личности, включенной в систему непрерывного образования, в выборе потенциально реализуемых макроуровневых объектов и функций, гарантирующих в системе образования повышение качества решения задач педагогической деятельности в целом;
- построение процесса адаптивно-акмепедагогического поиска личности основ и продуктов оптимизации качества решения задач развития в различных направлениях деятельности и общения;
- уточнение процедуры оптимизации процессов социализации и самореализации личности в выделенных направлениях поиска и регламентируемых конкурентоспособных отношениях;
- унификация перехода от одного типа адаптивного или акмепедагогического построения педагогической поддержки личности к другому, возрастосообразности и целостности реализации которого объективно повышает качество деятельности личности обучающегося;
- персонификация стимулирования педагогов в системе непрерывного образования за качественные решения постановки и реализации процессов и процедур моделирования педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования;
- разработка и внедрение уровня проекта (модели) включения личности в процесс адаптивно-акмепедагогического решения задач развития личности и оздоровления всех сфер антропологически обусловленного выбора, уточнения приоритетов становления личности через деятельность, гуманизм, продуктивность и конкурентоспособность.

2. Персонифицировано-продуктивное направление:

- определение возможностей проектирования и реализации проекта деятельности личности, включенной в систему непрерывного образования, где процессы персонификации и продуктивного становления переопределяют выбор всех составных макроуровневого поиска и решения задач педагогической деятельности;
- построение процесса учета особенностей персонификации личности и персонифицировано-продуктивного решения задач развития (*хочу, могу, надо, есть*) в единоличной и коллективной деятельности;

- уточнение процедуры персонифицировано-продуктивного становления личности через системность задач самопрезентации, рефлексии, продуктивности, гуманизма, здоровьесбережения и прочих составных целостного выбора антропологически целесообразных ценностей и конструкторов самоорганизации качества развития и самосохранения единиц и целостности антропосреды;
 - унификация модели становления личности в деятельности и общении за счет качественного уточнения возможностей социализации и самореализации личности в различных направлениях поиска;
 - персонификация моделирования и уточнения карьеры личности, включённой в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;
 - стимулирование процессов самопознания личности и оздоровление личности в процессе коллективного и индивидуального творчества (самовосстановление личности средствами продуктивности и креативности в деятельности).
3. *Функционально-трудовое направление:*
- стимулирование деятельности педагога в выборе перспектив и технологий моделирования различных конструкторов и средств, продуктов и моделей построения и реализации на макроуровне педагогической деятельности особенностей педагогической поддержки личности, включённой в систему непрерывного образования;
 - построение процессов саморазвития и самореализации педагога, уточнение которых определяется в системе конструкторов доминирующей культуры, ФГОС, персонифицированных потребностей личности педагога и обучающегося;
 - уточнение процедуры самопрезентации развития и достижений педагога, фасилитация включения педагога в процесс конкурсного самоутверждения и самореализации через включение в систему участия в различных номинациях и конкурсах, непосредственно связанных с педагогической деятельностью;
 - унификация стимулирования педагогов за качественное моделирование продуктов педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования;
 - персонификация реализации условий самоанализа и самопрезентации в определённом продукте (например, портфолио или профессионально-педагогический кейс, или резюме или разработка и обновление сайта и пр.);
 - определение модели здоровьесбережения за счет переключения или сочетания различных видов интеллектуальной и физической деятельности и пр.

Заключение

Социальная, профессиональная и образовательная направленности поиска генерации и уточнения положений педагогических условий оптимизации процесса моделирова-

ния основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования детализируют различные грани и возможности выбора личности и общества в представлениях и продуктах повышения качества педагогической деятельности и образовательных услуг.

Социальная составная направленности поиска генерации и уточнения положений педагогических условий оптимизации процесса моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования детерминируется через системность социального знания, раскрывающего тонкости и общность социальной системы, регламентирующей воспроизводство социального типа отношений, направленных на учет интересов не только личности, но и коллектива. В таком проецировании особенностей и возможностей моделирования основ педагогической поддержки личности социальная среда и социум в целом определяют те доминирующие стереотипы, которые сохраняют общество в целостности и неделимости, мирном сосуществовании и учета интересов всех, кто составляет общество как систему.

Профессиональная составная направленности поиска генерации и уточнения положений педагогических условий оптимизации процесса моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования может быть уточнена в возрастосообразной модели (молодой специалист, зрелый специалист, профессионал и пр.) за счет детализации возможностей качественного решения задач педагогической деятельности и педагогической поддержки в иерархии формируемых способов и форм решения задач деятельности и общения.

Образовательная составная направленности поиска генерации и уточнения положений педагогических условий оптимизации процесса моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования определяется уровнем и качеством получаемого образования, являющегося механизмом самоорганизации качества жизни личности и общества в целом.

Традиционные и инновационные конструкторы определения, описания и визуализации нюансов моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования раскрывают в линейных и нелинейных моделях, кейс-условиях и системах детерминант практику адаптивно-акмепедагогического, персонифицировано-продуктивно-функционально-трудового решения задач повышения качества педагогической деятельности и персонифицированного уровня развития личности обучающегося.

Системность научного поиска гарантирует целостность и унифицированность, корректность и точность, гибкость и востребованность получаемых решений в структуре определения, уточнения и модификации педагогических условий оптимизации моделирования основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования.

Практика исследования качества моделирования и реализации педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования сложна, особенности определяемых

и реализуемых решений необходимо уточнять в определенной системе и на определенной ступени образования (возрастосообразность) для поиска решения поставленной проблемы необходимо разработать технологию мониторинга

и диагностики качества моделирования и реализации основ педагогической поддержки личности в системе непрерывного образования.

Литература

1. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Boikova I. V., Gutak O. Ya. Models and ways of developing self-study culture of college students // *Mechanics, Materials Science & Engineering (MMSE Journal)*. 2018. Vol. 17. DOI: 10.2412/mmse.34.90.847
2. Абашина Н. Н. Педагогическая поддержка как гуманная технология развития личности // *Известия Волгоградского государственного технического университета*. 2012. № 11. С. 10–13.
3. Албитова Е. П. Современное звучание понятия «педагогическая поддержка» в образовании // *European Social Science Journal*. 2013. № 4. С. 28–34.
4. Герман Ю. А. Сущность понятия «педагогическая поддержка» // *Актуальные проблемы современной науки*. 2011. № 4. С. 79–83.
5. Губанова А. В. Педагогическая поддержка становления и развития в образовательном процессе // *Омский научный вестник*. 2006. № 7. С. 301–305.
6. Зонина О. Ф. Педагогическая поддержка учащихся с признаками одаренности // *Человек и образование*. 2010. № 3. С. 35–38.
7. Козырева О. А. Педагогические условия оптимизации качества формирования культуры самостоятельной работы личности в модели дополнительного профессионального образования // *Концепт*. 2018. № 8. С. 11–25.
8. Козырева О. А. Разработка и апробация концепции формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 3. С. 421–429. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.311
9. Козырева О. А. Теоретико-методологические основы формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2018. № 4. С. 114–125.
10. Козырева О. А., Козырев Н. А. Возможности моделирования и реализации концепции формирования культуры самостоятельной работы личности // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 4. С. 37.
11. Коновалов С. В., Бойкова И. В., Козырева О. А. Формирование культуры самостоятельной работы студентов техникума: модели и возможности // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 4. С. 117.
12. Шевченко Р. А. Тренажер для обучения сварщиков в модели непрерывного образования // *European Social Science Journal*. 2018. № 4. С. 261–268.
13. Свиarenко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
14. Свиarenко В. Г., Сорокин С. В., Тарасевич М. В. Возможности педагогического моделирования в системе непрерывного образования. М.: МИФИ, 2017. 148 с.
15. Судьина Л. Н., Козырева О. А. Педагогическая поддержка будущего педагога в адаптивном обучении как ресурс социализации и самореализации личности // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2016. № 1. С. 152–156.
16. Туктагулова М. Н. Генезис феномена «педагогическая поддержка школьника» // *Преподаватель XXI век*. 2013. № 4-1. С. 144–148.
17. Шудегова Ю. В. Понятие педагогической поддержки в современной науке // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2009. № 2. С. 376–379.
18. Щур Е. Д. Педагогическая поддержка в поликультурном социально-воспитательном пространстве // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 3. С. 470–475.

Basic Pedagogical Support in the System of Continuous Education: Optimization of Pedagogical Conditions Modeling

Svetlana A. Chudinova^{a,b}; Nikolai A. Kozyrev^a; Elena V. Mitkina^{a,b,@}

^a The Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007

^b Secondary school № 26 in Novokuznetsk, Kemerovo region, 36, Pionersky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654007

@ dpo-nvkz@yandex.ru

Received 24.09.2018. Accepted 18.01.2019.

Abstract: The paper clarifies the pedagogical conditions for improvement of pedagogical support modeling in the system of continuous education and provides some practical examples. The quality of determinations and models of pedagogical support in continuous education is determined by the adaptive, acme-pedagogic, personified-productive, and functional-labor approaches, which reveal the direction of scientific inquiry and visualize solutions. Social, professional, and educational orientation of the search for optimal pedagogical conditions of optimization reveals various facets and opportunities of the individual and society to improve the quality of education. Traditional and innovative constructs define, describe, and visualize the nuances of the modeling, thus revealing linear and nonlinear models, case conditions and system determinants of the adaptive, acme-pedagogics, personalized, productive, and functional solutions. The systematic character of the scientific research ensures its integrity, uniformity, correctness, accuracy, flexibility, and relevance of the resulting solutions aimed at improving the modeling the basics of the pedagogical support in the system of continuous education.

Keywords: facilitation, pedagogical methodology, pedagogical modeling, pedagogical activity, construct, quality improvement

For citation: Chudinova S. A., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Basic Pedagogical Support in the System of Continuous Education: Optimization of Pedagogical Conditions Modeling. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(1): 21–28. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-21-28

References

1. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Boikova I. V., Gutak O. Ya. Models and ways of developing self-study culture of college students. *Mechanics, Materials Science & Engineering (MMSE Journal)*. 2018, 17. DOI: <http://seo4u.link/10.2412/mmse.34.90.847>
2. Abashina N. N. Pedagogical support as a humane technology of personal development. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, (11): 10–13. (In Russ.)
3. Albitova E. P. Modern sounding concepts "pedagogical support" in education. *European Social Science Journal*, 2013, (4): 28–34. (In Russ.)
4. German Yu. L. The essence of the concept of "pedagogical support". *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*, 2011, (4): 79–83. (In Russ.)
5. Gubanova A. V. Pedagogical support to establishment and development of professional self-consciousness in gifted senior school pupils during educational process. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2006, (7): 301–305. (In Russ.)
6. Zonina O. F. Pedagogical support of students with attributes of endowments. *Chelovek i obrazovanie*, 2010, (3): 35–38. (In Russ.)
7. Kozyreva O. A. Pedagogical conditions for optimizing the quality of the formation of a culture of independent work of the individual in the model of additional professional education. *Kontsept*, 2018, (8): 11–25. (In Russ.)
8. Kozyreva O. A. Development and approbation of the concept of culture formation of independent work of the individual in the system of continuous education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 2018, (3): 421–429. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.311
9. Kozyreva O. A. Theoretical and methodological basis for forming the culture of self-dependent work of the person in the system of continuous education. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2018, (4): 114–125. (In Russ.)
10. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Possibilities of modeling and realization of the concept of formation of culture of independent work of the person. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2018, (4): 37. (In Russ.)
11. Konovalov S. V., Boykova I. V., Kozyreva O. A. Formation of a culture of independent work of students of the technical school: models and opportunities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2018, (4): 117. (In Russ.)
12. Shevchenko R. A. Simulator for training welders in the model of continuing education. *European Social Science Journal*, 2018, (4): 261–268. (In Russ.)
13. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education*. Moscow: MIFI, 2014, 92. (In Russ.)

14. Svinarenko V. G., Sorokin S. V., Tarasevich M. V. *Possibilities of pedagogical modeling in the system of continuous education*. Moscow: MIFI, 2017, 148. (In Russ.)
15. Sud'ina L. N., Kozyreva O. A. Pedagogical support of the future teachers in adaptive learning environment as a resource of socialization and self-realization. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2016, (1): 152–156. (In Russ.)
16. Tuktagulova M. N. Genesis of the phenomenon of "pedagogical support of a schoolboy". *Preodavatel' XXI vek*, 2013, (4-1): 144–148. (In Russ.)
17. Shudegova Yu. V. The concept of pedagogical support in modern science. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (2): 376–379. (In Russ.)
18. Shchur E. D. Pedagogical support in a multicultural social and educational space. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, (3): 470–475. (In Russ.)

УДК 130.2

Инновации и проектирование

Павел И. Балабанов^{а, @}; Лариса Т. Зауэрвайн^а^а Кемеровский государственный институт культуры, 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17[@] philosov416@kemguki.ru

Поступила в редакцию 16.10.2018. Принята к печати 25.02.2019.

Аннотация: Во введении к статье указывается на взаимосвязь двух процессов в проектировании: первый – во все возрастающем числе областей культуры обнаруживается их проектный характер, второй – в проектной деятельности фиксируется возрастание ее инновационности. Это обусловлено увеличением внимания к проектированию в науке и практике, в частности в культурологии. Интерпретируется указанная взаимосвязь в качестве отдельного предмета исследования, частями которого как целого постулируются: а) культурные условия и факторы, б) процесс внедрения технико-технологических инноваций в социокультурную ткань общества и человека. Тем самым встает проблема их взаимной детерминации, которая исследуется методами анализа, идеализации, моделирования.

В основной части статьи в качестве предварительного условия изучения указанной проблемы подчеркивается, что она репрезентирует творчество как одно из проявлений культуры в целом, находящее свое выражение в концептуальном видении проектирования, конкретизирующее непрерывность социокультурного проектирования. Конкретизируя эту тему на примере проблемы социокультурного сопровождения и эффективного обеспечения внедрения и ассимиляции культурой, обществом, человеком технико-технологических инноваций посредством создания определенных условий и факторов, используется представление о проектном конфигураторе как модели процесса, репрезентированного в представленной проблеме. Указываются функциональные черты предметности управления, прагматичности, эффективности, креативности, эвристичности и др., позволяющие акцентировать внимание на методологических подходах не только в решении проблемы, но и аргументировать значимость проектного подхода в осмыслении взаимосвязи указанных сторон социокультурного бытия человека.

В заключение подчеркивается, что проектный конфигуратор – не только синтез разнопредметных знаний, но и отправная точка в методологической работе по формированию эпистемологического портрета создаваемого артефакта – технико-технологических инноваций – с использованием таких методологических средств, как социокультурный и проектный подходы.

Ключевые слова: культура, взаимосвязь, концепция, проблема, конфигуратор, синтез, функция

Для цитирования: Балабанов П. И., Зауэрвайн Л. Т. Инновации и проектирование // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 29–34. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-29-34

1. Введение

В истории проектирования наблюдаются два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, во все возрастающем количестве в различных областях культуры выявляются, осознаются, исследуются, а затем используются на практике разнообразные процедуры и средства деятельности, интерпретируемые как проектные, а с другой – в самой деятельности проектировщиков, ее результатах возрастает уровень инновационности. Эти процессы в реальности дополняют друг друга, делая проектирование востребованной и эффективной деятельностью.

Успешность проектирования в различных сферах культуры неизбежно обращает внимание на само проектирование, на его структуру и функции с целью дальнейшего повышения его эффективности и результативности, что обусловлено усложнением проблем в современной культурной, социальной и технологической деятельности.

В данной статье в качестве объекта исследования выступает диалектика культуры в ее целостности с ее

важнейшей составляющей – проектировочной деятельностью, т. е. диалектика части и целого. Гранью этой взаимосвязи часто выступает взаимосвязь культурных условий и факторов, помогающих реализоваться или препятствующих реализации процесса внедрения инноваций в социокультурную ткань общества, т. е. процессу развертывания и реализации культурного творчества в его технико-технологическом аспекте, в форме технико-технологических инноваций (ТТИ). Проблематизированный таким образом предмет исследования в данной статье изучается посредством методов анализа, идеализации, моделирования.

2. Инновационность проектной деятельности

2.1. Непрерывность проектирования

Интерпретация и исследование взаимосвязи культурных условий и факторов и процессов внедрения ТТИ в качестве отдельно взятого предмета предполагает, что «предмет можно рассматривать как простую сумму частей только

тогда, когда части берутся уже как имеющиеся, как наличные. Но если исходить из признания развития объекта, то части должны быть взяты как его моменты, выделяемые в ходе движения данного объекта в целом. "Сумма" этих позиций – понятие, характеризующее предмет с внешней стороны, или внешняя сторона целого» [1, с. 226].

Детерминация культурными факторами и условиями процесса внедрения ТТИ в различных областях культуры репрезентирует непрерывность культурного бытия людей. Непрерывность культурной ткани бытия естественным образом присуща проектировочной деятельности как культурному феномену, которая в силу этого обречена впитывать, ассимилировать, осваивать ТТИ. В этом плане в качестве предварительного условия для исследования процесса внедрения ТТИ в различные сферы культуры необходимо уточнить, что есть непрерывность собственно проектировочной деятельности.

Осознание непрерывности проектной деятельности представлено в различных вариантах концепций непрерывного проектирования. Концептуальные основы такой интерпретации проектирования начали складываться в 60–80-е гг. в сфере архитектурно-строительного проектирования в работах О. И. Генисаретского, В. Г. Горохова, В. Я. Дубровского, Л. П. Щедровицких и Г. П. Щедровицких, Б. Г. Юдина и др.

В обсуждаемом аспекте понятие *непрерывность* интерпретируется следующим образом:

а) непрерывность проектирования означает, что отдельные стадии проектных работ опосредуются, уточняются либо на основе наблюдения закономерностей функционирования уже эксплуатируемых объектов, либо с помощью знаний из других отраслей науки, например, в градостроительное проектирование привлекаются знания из социологии – корректировочный аспект, содержание которого ассимилирует проблемы управления проектировочными процедурами и проблемы гносеологического обеспечения этих процедур;

б) непрерывность проектирования означает «непрерывное творческое пересоздание действительности на основе имеющегося заказа», что подчеркивает В. Ф. Сидоренко, – творческий аспект [2, с. 92]. Содержание данного аспекта ассимилирует проблемы проектировочного творчества и основания проектировочного замысла;

в) непрерывность проектирования означает, что процесс проектирования включает как фазы собственно проектирования в его традиционном понимании, так и фазы ассимиляции артефакта: социальный заказ; предпроектное научное исследование социального заказа; построение идеализированного объекта будущего артефакта; материализация идеализированного объекта артефакта в некоторой вещественной, энергетической, информационной, социальной, культурной структуре; исследование его функционирования, эксплуатации, а также востребованных на современном этапе процессов утилизации для несоциокультурных (технических) объектов и транс-

формации социокультурного артефакта (социальных, культурных и др. учреждений) посредством перераспределения, переобучения и т. п. для занятых ранее в прежней структуре артефакта работников – континуальный аспект, ассимилирующий как проблемы внутреннего структурирования проектирования, так и проблемы его функционирования в системе более общего порядка [3, с. 148–149, 278–279];

г) указанная интерпретация понятия непрерывности в проектировании есть в определенном смысле непрерывность культурного процесса. Тем самым перечень приведенных аспектов содержания понятия непрерывности в проектировании пополняется еще одним аспектом – культурологическим, являющим собой диалектику устойчивости и изменчивости, диалектику процедур учета культурных констант, т. е. конкретно-исторических культурных ценностей, наличного уровня индивидуально-личностного развития в определенную историческую эпоху, а также умения, мастерства, творчества человека в эту эпоху и учета необходимости проблематизации социокультурного бытия человека, ибо «постановка проблемы – результат критики и расширения границ известной социально-культурной ситуации. Проблема трансформируется в задачу, сформированную в новом проектном языке, предмете и средствах деятельности» [2, с. 99];

д) еще одним аспектом непрерывности проектирования выступает кибернетический, который выражает обратную связь в процессах функционирования, эксплуатации, утилизации, социальной трансформации артефакта, которые после создания артефакта выступают отдельным блоком в проектной модели. Данные процессы ставят вопрос не об эффективности создаваемой вещи, предмета, технологии, а о последствиях его включенности в ткань социокультурного бытия. Она должна носить не формальный характер, т. е. реализовываться через опосредующие звенья – организации общественного и государственного контроля, рекламы потребителей, некую «книгу жалоб и предложений» и т. п. по поводу функционирования и эксплуатации артефакта в системе социокультурного бытия человека, а содержательный характер, который становится предметом деятельности субъекта проектирования.

Таким образом, представления о непрерывности проектирования вне зависимости от процессуальной, деятельностной или технологической интерпретации являются его имманентной, сущностной характеристикой. Она в определенной степени детерминирована теми условиями и факторами, той внешней социокультурной средой, в которые творческая деятельность субъекта проектирования вносит изменения, иногда даже болезненные, которые вначале воспринимаются как случайные малые флуктуации, но в дальнейшем могут приобрести лавинообразный, глобальный характер. Иными словами, непрерывность и творчество в проектировании взаимосвязаны и являются формами ТТИ.

2.2. Внедрение инноваций в социокультурное бытие

Существенной чертой изменений, вносимых в социокультурное бытие человека проектированием, выступают условия и факторы процесса внедрения инноваций в социокультурное бытие. В этом плане еще раз подчеркнем акцентированность внимания на проблеме социокультурного сопровождения и эффективного обеспечения внедрения и ассимиляции культурой, обществом и человеком ТТИ. В этом случае процессы внедрения и ассимиляции выступают в качестве составных частей проектирования. Проблема может быть конкретизирована указанием на конкретную страну, на конкретно-исторический период в ее развитии, выражая собой внутреннюю имманентную черту культуры, ее непрерывность, ее детерминирующий характер как целого по отношению к проектированию, как части культуры, как репрезентации творчества в культуре.

Подобная постановка вышеприведенной проблемы, формулировка самой проблемы не являются уникальными. Ее можно найти у предшественников. Например, обратим внимание на работу В. И. Разумова «Методология подготовки и интеллектуально-технологического сопровождения научных исследований». В своей постановке проблемы автор акцентирует внимание на следующем: а) не выделены в предмет исследования сами процессы подготовки и сопровождения; б) до сих пор сохраняется разрыв между оказываемыми за пределами специальных наук процедурами по выделению предмета исследования и формированием такого его представления, на базе которого можно использовать специальные методы познания; в) нет программ сопровождения познания от первичной фиксации объекта субъектом до получения практических рекомендаций [4, с. 5]. Разумеется, что прямой перенос подобной постановки проблемы, как и самой проблемы, невозможны в силу иного характера нашего исследования, но обратить внимание на трактовку интерпретаций подобной проблемы и ее постановки, на наш взгляд, имеет смысл.

В нашем случае указанную интерпретацию можно конкретизировать следующим образом. В общем плане взаимосвязь науки, техники, технологии, с одной стороны, и культуры, общества, человека – с другой, весьма многогранна и исследуется многими учеными. В нашей работе представлен лишь один из ее аспектов – это процесс внедрения и ассимиляции инновации как составляющих частей проектирования в культуру, общество, человека в качестве предмета исследования. В общем плане предметная область науки, техники, технологии исследуется комплексами естествознания (естественные науки) как системой научного знания о природе, а также технoзнания (технические науки, технология) как системой научного знания о технических системах, наук, ориентированных на реализацию естественнонаучного знания. Предметная область культурных процессов, социальных отношений, феномена человека исследуется человекознанием (социальные и гуманитарные науки) как системой научного о человеке и обществе, социокультурной среде

его обитания [5, с. 9]. Эти два плана взаимосвязи науки и культуры часто игнорируются. Но практика культурных процессов, например в такой форме духовно-практической деятельности, как проектирование, указывает на фундаментальность этой взаимосвязи.

Такое представление о науке, ее структуре с небольшими различиями характерно для мировоззрения практически всех ученых в настоящее время. Но для нашей проблемы в указанных терминах ее формулировка и постановка носят слишком абстрактный характер и требуют дополнительной конкретизации.

Проблема находится в предметном поле культурологии, имеющей междисциплинарный характер, а исследование проблемы имеет наддисциплинарный характер, т. е. в качестве методологического средства привлекаются социокультурный и проектный подходы, объединяемые в единую методологическую стратегию конкретного культурологического исследования, но которые сформированы в других науках (научных дисциплинах). Социокультурный подход – это результат методологии философии и социологии культуры, а проектный подход – это результат методологии и теории проектирования как складывающегося нового научного направления (комплекса научных дисциплин).

Программа научного исследования процессов внедрения и ассимиляции ТТИ в культуру, общество, в формирование человека, т. е. в программу их социокультурного сопровождения, такова, что в целях адекватности будущих результатов надо иметь в виду необходимость ее дополнения исследованием проектных процедур, ибо в качестве одной из своих функций проектирование имеет функцию управления в культуре, обществе, в формировании человека. В этом случае в качестве основополагающих сторон следует выделить, с одной стороны, динамику творчества в проектировании как духовно-практической деятельности, выраженной в проектах ТТИ – это социальный заказ; его исследование; нахождение идеи будущего артефакта, ТТИ; совокупность теоретических конструктов, идеализированных и абстрактных объектов, конкретизирующих идею артефакта, ТТИ; опытный образец (прототип, экспонат в случае его публичной демонстрации); проектируемый функционал артефакта, ТТИ; его функционирование в определенных социокультурных условиях; эксплуатант, в содержании которого выражены требования к его эксплуатации и утилизации; а с другой – динамику субъектности проектирования, т. е. иерархию субъектов, его социальный аспект, который выражает то, в какой мере формируются готовность к участию в создании артефакта, ТТИ; готовность восприятия ТТИ, их позитивная оценка на уровне личности (индивида), коллектива (группы), корпоративной общности (профессиональной структуры общества), социальной страты и, наконец, на уровне общества в целом в той или иной стране, государстве. Помимо двух отмеченных сторон следует обратить внимание на то, как и в какой форме материализуются ТТИ в реализации становящейся и развивающейся взаимосвязи

указанных сторон в процедуре социокультурного сопровождения при их внедрении и ассимиляции – онтологический аспект, собственно сам процесс материализации идеи артефакта.

Не дискутируя по отношению к интерпретациям личности, коллектива, корпорации и другим формам субъектности проектирования, а это темы отдельных обсуждений, аналогично укажем на ступени динамики новизны (творчества) в материализующейся структуре ТТИ в процессе проектирования – рацпредложение, новаторство, модернизация, автоматизация и др. на пути предметного, материального воплощения ТТИ, на пути от идеи как таковой в материализованный артефакт, а также обретение ТТИ их социокультурных функций, значимости, результативности функционирования и эксплуатации и, конечно, экологичности, энергозатратности и т.п., на утилизацию артефакта как инженерного объекта или социокультурную затратность, на переобучение, переквалификацию, реформатирование деятельности культурных и социальных субъектов в случае ликвидации созданного артефакта.

2.3. Проектный конфигуратор

Взаимосвязь указанных трех сторон, трех аспектов обсуждаемой проблемы – творческого (креативного), социального, онтологического (предметного); проблема социокультурного сопровождения и эффективно-го обеспечения внедрения и ассимиляции культурой, обществом, человеком ТТИ может быть представлена в виде модели – проектного конфигулятора, с помощью которого «многопредметное знание снимается в едином теоретическом представлении некоторого сложного, системного объекта. Конфигуратор служит идеальным изображением структуры объекта, объясняет и обосновывает существование знания, показывает, проекциями каких сторон они являются» [6].

Термин *конфигуратор* – это термин математический, который обозначает взаимное расположение объектов [7]. В методологии проектирования он был впервые использован В. А. Лефевром в 70-е гг. XX в. Проектный конфигулятор можно представить в виде схемы или рисунка, которые передают в общем виде его структуру. Например, в форме усеченной трехгранной пирамиды, описание которой можно представить следующим образом. Верхняя грань CDE усеченной пирамиды репрезентирует социальный заказ как начальной фазы проектных работ и в качестве концепта имеет свое содержание, которое в зависимости от вида проектирования – архитектурно-строительного, инженерного, генетического, социокультурного и др. – имеет свое специфическое содержание, которое в свою очередь выполняет функции управления в социокультурном проектировании через реализацию конкретных проектов, программ, планов, директив. Нижняя грань AFB представляет практику, т.е. области деятельности человека, в которые в большей степени содержание социального заказа вносит изменение, трансформацию, нововведения. В случае нашей

проблемы это промышленность, энергетика, сельское хозяйство, публичные и бытовые сферы культуры (культурная революция), образование и воспитание, а в случае необходимости привлекаются иные сферы социокультурного бытия человека в СССР в 20–30-е гг. XX в.

Грань ABCD – материализованные результаты творческой проектной деятельности ТТИ – усовершенствование, рационализация, механизация, автоматизация, роботизация и др. Грань BDEF означает наличие, организацию, структурирование субъекта проектирования в зависимости от сложности, значимости, роли проектирования в социокультурном континууме – личность (индивида); коллектив (группа); корпоративность (корпоративная общность либо в рамках одной профессии, либо в объеме сопряженных с проектированием профессий – управленцев, экономистов, финансистов, ученых, инженеров, техников и др.); социальная стратификационность, выражающая процесс принятия, ассимиляции ТТИ; профессионально-образовательная общность; общность, согласие структур гражданского общества по поводу ассимиляции результатов проектирования и, наконец, общество в целом (в той или иной стране, государстве). Грань ACEF указывает и представляет ступени проектного творчества – концепт социального заказа; идея будущего артефакта; синтез теоретических конструкций, идеализированных и абстрактных объектов, конкретизирующих идею артефакта; техническое открытие; техническая теория; проектный прогноз; социокультурный сценарий функционирования и эксплуатации артефакта, ТТИ.

Подчеркнем, что проектный конфигулятор в качестве модели процесса (деятельности) по социокультурному сопровождению и эффективному обеспечению процесса внедрения и ассимиляции культурой, обществом, человеком ТТИ акцентирует внимание на следующих выполняемых ею функциях: а) предметности; б) управляемости; в) прагматичности; г) эффективности; д) креативности; е) эвристичности и др., т.е. ее использование для исследования не только в период 20–30-х гг. XX в., но и 50–60-х гг. XX в. (эпоха НТР) и др.

В этом плане приведем слова известного российского методолога В. М. Розина. Он пишет, что «конфигурирование нельзя рассматривать как простой синтез разнородных представлений, оно всегда опосредованно методологической работой, в рамках которой задается предполагаемый объект, подход к его построению, типы и особенности знаний о нем» [8]. Автор в своей работе также акцентирует внимание на том, что «конфигурирование предполагает переосмысление и перестройку всех содержаний, вовлекаемых в новый синтез» [8]. В данном случае вполне можно солидаризоваться с автором.

3. Заключение

Таким образом, эффективным методологическим средством при решении проблемы социокультурного сопровождения и эффективного обеспечения внедрения

и ассимиляции культурой, обществом, человеком ТТИ может являться проектный конфигурактор. Он в качестве элемента методологической стратегии конкретного культурологического исследования позволяет синтезировать

знания из разных научных дисциплин, синтезировать разнообразные методологические средства, созданные и используемые в разных науках, в том числе социокультурный и проектный подходы.

Литература

1. Материалистическая диалектика как научная система / под ред. А. П. Шептулина. М.: Изд-во МГУ, 1983. 295 с.
2. Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 87–99.
3. Балабанов П. И. Философско-методологические основания: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 1992. 410 с.
4. Разумов В. И. Методология подготовки и интеллектуально-технологического сопровождения научных исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 1997. 39 с.
5. Лось В. А. История и философия науки. Основы курса. М.: Дашков и К°, 2004. 404 с.
6. Бабайцев А. А. Конфигурирование // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. С. 330.
7. Сидоров Л. А. Конфигурация // Математическая энциклопедия. В 5 т. / гл. ред. И. М. Виноградов. М.: Советская энциклопедия. 1977–1985. Т. 2. С. 1076.
8. Розин В. М. Конфигурирование: проектирование или методологическая стратегия? // Некоммерческий институт развития «Научный фонд Г. П. Щедровицкого». Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/56> (дата обращения: 21.09.2018).

Innovation and Design

Pavel I. Balabanov^{a, @}; Larisa T. Sauerwein^a

^a Kemerovo State University of Culture, 17, Voroshilova St., Kemerovo, Russia, 650056

[@] philosov416@kemguki.ru

Received 16.10.2018. Accepted 25.02.2019.

Abstract: The present research features the relationship between the two processes in design. First, more and more areas of culture reveal their design character. Second, design activity is getting more and more innovative. This is due to the increasing attention to design in science and practice, in particular, in cultural studies. This relationship is interpreted as a separate subject of research, which has the following constituents: a) cultural conditions and factors, b) the process of implementation of technical and technological innovations in the socio-cultural fabric of society and man. Thus, there is a problem of their mutual determination, which can be investigated by such methods of analysis as idealization and modeling. Creativity is represented as one of the manifestations of culture as a whole and is expressed in the conceptual vision of design and continuity of socio-cultural design. The authors focus on the matter of socio-cultural support and effective implementation and assimilation technical and technological innovations by culture, society, and man by creating certain conditions and factors. The concept of the design configurator is used here as a model of the process represented in the problem. The paper enumerates the functional features of management objectivity, pragmatism, efficiency, creativity, heuristics, etc., which make it possible to focus on methodological approaches not only in problem solving but also to argue the importance of the design approach in the understanding of the relationship of these socio-cultural sides of human existence. The design configurator is not only a synthesis of different types of subject knowledge, but rather a starting point in the methodological work on the formation of epistemological portrait of the created artifact, i.e. technological innovations using such methodological tools as socio-cultural and design approach.

Keywords: culture, relationship, concept, problem, configurator, synthesis, function

For citation: Balabanov P. I., Sauerwein L. T. Innovation and Design. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 29–34. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-29-34

References

1. *Materialistic dialectics as a scientific system*, ed. Sheptulin A. P. Moscow: Izd-vo MGU, 1983, 295. (In Russ.)
2. Sidorenko V. F. Genesis of project culture. *Voprosy filosofii*, 1984, (10): 87–99. (In Russ.)
3. Balabanov P. I. *Philosophical and methodological foundations*. Dr. Philos. Sci. Diss. Tomsk, 1992, 410. (In Russ.)

4. Razumov V. I. *Methodology of preparation and intellectual technological support of national research*. Dr. Philos. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1997, 39. (In Russ.)
5. Los V. A. *History and philosophy of science. Course basics*. Moscow: Dashkov i K°, 2004, 404. (In Russ.)
6. Babaitsev A. A. Configuration. *Newest Philosophical Dictionary*, comp. Gritsanov A. A. Minsk: Izd. V. M. Skakun, 1998, 330. (In Russ.)
7. Sidorov L. A. Configuration. *Mathematical Encyclopedia*, ed. Vinogradov I. M. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1977–1985, vol. 2, 1076. (In Russ.)
8. Rozin V. M. *Configuration: design or methodological strategy?* Available at: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/56> (accessed 21.09.2018). (In Russ.)

УДК 001.8

Методологический аспект взаимосвязи науки и научного исследования

Павел И. Балабанов^{а, @}; Лариса Т. Зауэрвайн^а^а Кемеровский государственный институт культуры, 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17

@ philosov416@kemguki.ru

Поступила в редакцию 16.10.2018. Принята к печати 13.02.2019.

Аннотация: Объектом исследования в данной статье выступает взаимосвязь науки и научного исследования в качестве внутренних элементов научного познания. Предмет – методологический аспект в изучении данного объекта, т. е. теоретическое самосознание науки в конкретно-историческом периоде, анализ эволюции социокультурных форм бытия науки – монодисциплинарной, междисциплинарной, трансдисциплинарной, наддисциплинарной, каждая из которых имела исторически сформированный методологический потенциал – приемы, методы, принципы, идеалы, нормы познания. На каждом из этапов происходит становление и утверждение новых способов понимания, создание новых смыслов, революционизирующих науку, практику, культуру в целом. Увеличение методологической оснащенности науки расширяет не только познавательный, но и мировоззренческий горизонты человека. Изменение социокультурных форм науки и характера научного исследования не синхронизированы, но внутренне детерминированы. Соединительным звеном в этом случае выступает такое методологическое средство, как подход. Выбор методологического подхода обусловлен методологической культурой исследователя и, как правило, отражает динамику научного познания. В статье использованы следующие методологические средства: диалектика исторического и логического, диалектика содержания и формы. В качестве исследования, отраженного в содержании данной статьи, можно привести следующее. 1. Актуализирована имманентная связь научного исследования и науки в качестве важнейших компонентов специфической формы познания – науки. 2. Проанализирована взаимосвязь социокультурной формы науки и ее эпистемологического содержания. 3. Представлена динамика усложнения методологических средств в истории науки – от приемов и методов исследования до такого методологического феномена, как подход, который, в свою очередь, еще предстоит исследовать.

Ключевые слова: монодисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, наддисциплинарность, инновация, научное познание, исследование, эпистемология

Для цитирования: Балабанов П. И., Зауэрвайн Л. Т. Методологический аспект взаимосвязи науки и научного исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 35–41. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-35-41

Введение

Расширение и усложнение функционирования науки в обществе и культуре, осознание этого факта в период со второй половины XX в. и по настоящее время вызвало повышенный интерес к методологии науки. В самой методологии сформировались различные точки зрения на ее природу и функции. Одни исследователи считают, что методология есть рефлексия над средствами познания, над наукой; другие – что методология есть совокупность ряда уровней ее осознания – философского, общенаучного, методологии практики, методологии духовной деятельности и т. п., представляющая собой некое учение. В целях успешности раскрытия заявленной тематики считаем целесообразным солидаризоваться с позицией Н. В. Михалкина, который интерпретировал понятие методологии следующим образом. «Методология – это наука о законах и закономерностях формирования, развития и использования в познании и в практике регулятивов, которые предписывают, регламентируют, обуславливают, направляют движение различных субъек-

тивов познания и практически-преобразовательной деятельности к цели в соответствии с поставленными задачами и сформированными социальными условиями» [1, с. 190]. В этом плане можно согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что методология – это своего рода теоретическое самопознание науки в определенном аспекте [1, с. 189].

Мы же акцентируем внимание на том, что подобная трактовка методологии науки отличается тем, что имеет значительный познавательный потенциал, а именно: а) любой тип теоретического самосознания объективирует не только предмет деятельности, но и саму деятельность; б) любой тип теоретического самопознания есть способ самоопределения объекта, в том числе и субъекта познания, не только в сфере теории, но и в области конкретной деятельности, ее методах и средствах, которая представлена в этой сфере теории. В нашем случае – в методах научного исследования. В таком случае предметом исследования в данной статье является методологический аспект взаимосвязи науки и научного исследования в плане

взаимоотношения динамики внутренней гносеологической структуры науки и ее внешней представленности, ее социокультурной формы. Это, в свою очередь, детерминирует методы описания и изучения данного предмета исследования – диалектику исторического и логического, детерминацию социокультурной формы науки конкретно-историческими факторами и условиями ее социокультурного бытия.

Становление методологии научного исследования

С момента своего возникновения (конец XVII – начало XVIII в.) наука прошла определенный исторический путь, на котором меняла в силу объективных обстоятельств свою форму дисциплинарная наука, междисциплинарная наука, трансдисциплинарная наука, наддисциплинарная наука и др. В структуре науки ее важнейшим элементом является научное исследование, которое естественным образом в силу эволюционных преобразований науки также меняло свой характер. Эти изменения происходили как в силу вовлечения в орбиту науки новых предметных областей природы, культуры, общества, человека, так и в силу возрастающего опыта исследователей, эффективности средств научного исследования, т. е. методологической оснащенности субъекта познания, науки и практики. Взаимосвязь науки и научного исследования непрямолинейная, неоднозначная. Иногда наука в своей социокультурной форме бытия вырывалась вперед, не имея собственной методологической оснащенности, что не позволяло достаточно быстро и эффективно решать поставленные перед ней обществом соответствующие проблемы. Например, атомная проблема в СССР в 40–50-е гг. XX в. Порой, наоборот, новые теоретические и практические алгоритмы созданы, а соответствующая предметная область еще не входит в актуальные проблемы развития культуры и общества. Например, создание механических устройств, в том числе на процессе действия силы пара, в эпоху античности не было востребовано обществом в силу дешевизны рабского труда, и они так и остались в истории в форме игрушек. Таким образом, можно согласиться с рядом исследователей в том, что развитие методологии научного исследования определяется двумя основными факторами: формой социокультурного бытия науки в обществе и потребностями самого процесса познания, т. е. внешними и внутренними факторами в эволюции науки.

Этот тезис находит подтверждение на современном этапе эволюции, а именно: достаточно обратить внимание на то, что с изменением форм социокультурного бытия науки – монодисциплинарной, междисциплинарной, трансдисциплинарной, наддисциплинарной и др. – меняется методологическое обеспечение научного исследования вообще и культурологического в частности.

С XVIII в. и практически до второй половины XX в. наука имела монодисциплинарный характер. Монодисциплинарную науку, например, А. П. Огурцов определяет следующим образом: «Научная дисциплина может

быть определена как определенная форма систематизации научного знания, связанная с институционализацией знания, с осознанием общих норм и идеалов научного исследования, с формулированием научного сообщества, специфического типа научной литературы (обзоров и учебников), определенными формами коммуникации между учеными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров» [2, с. 44].

Оставляя за скобками рассмотрение социокультурного бытия науки, отметим, что методология научного исследования в этом случае являла собой на эмпирическом уровне методы наблюдения, сравнения, классификации, эксперимента и др., на теоретическом уровне была представлена в основном индуктивно-дедуктивным методом, методом идеализации (Галилей), аналитико-синтетическими методами (Ньютон), гипотетико-дедуктивным методом, методом синтеза гипотез и теории вероятности (Джевонс) и, наконец, гипотетико-индуктивным. Указанные методы формировались в основном на материалах естествознания и математики.

На материалах социокультурных и гуманитарных наук методами научного исследования выступали методы описания, сравнения, исторический, логический, а на современном этапе к ним добавились герменевтический, игровой и пр. В рамках конкретных дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, вышеуказанные методы на достаточном уровне обеспечивали результативность научного исследования в этих науках.

В начале XX в. и далее познавательная ситуация стала меняться. В орбиту отдельных научных дисциплин стали втягиваться не только конкретные вещи, процессы, предметы, но и их связи с другими явлениями, изучение которых часто находилось в компетенции иных научных дисциплин или которые еще не стали предметом исследования науки вообще. Возникает междисциплинарная наука. «В современной науке междисциплинарные взаимодействия обрели статус повседневного дела, но тем не менее все еще не стали предметом серьезного философского и научного осмысления (пусть публикации на эту тему исчисляются тысячами) ... В частности, как нам представляется, следует различать "м-взаимодействия" и "м-исследования". Первое понятие относится к области науковедения и объемлет собой отношения внутри науки как социального института, а также ее связи с иными социальными институтами, производящими знания. Второе понятие позиционируется в эпистемологии и философии науки и выражает особенности познавательного процесса, взятого в контексте коммуникации субъектов, производящих и потребляющих знания» [3, с. 62].

Как отмечают некоторые авторы, «на заре междисциплинарности пересечение исследователями дисциплинарных границ носило по большей части инструментальный характер, то есть было продиктовано необходимостью использования заимствованных теорий, концепций

и методов для решения конкретной проблемы, при этом сами исследователи были немногочисленными» [4, с. 72]. В настоящее время междисциплинарные исследования, по мысли И. Т. Касавина, следует трактовать как неклассический тип рациональности, в русле которого осмысливаются проблемы контекста открытия, несоизмеримости теорий, конфликт интерпретаций и т.п., в рамках обсуждения которых в свою очередь реализуются ситуации понимания и творчества смыслов [3, с. 72]. Иными словами, результатом междисциплинарного исследования становится новое понимание (или новый способ понимания), создание новых смыслов, в которых находит свое выражение предшествующий опыт исследователя, потенциал культуры и общества в тех научных дисциплинах, которые вовлечены в конкретное научное исследование. Формирование нового понимания или нового способа понимания, создание новых смыслов естественно означает более глубокое, по сравнению с монодисциплинарными исследованиями, осознание значимости места и роли научного исследования как в отдельной науке, так и в системе наук, одним из факторов которого выступает использование новых методологических средств – подходов, методов, приемов и т. д.

Как подчеркивает академик В. С. Степин, в настоящее время «наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности» [5, с. 626]. И далее автор подчеркивает, что целями такой деятельности все в большей степени становятся цели экономического и социально-политического характера [5, с. 627].

В качестве методологических средств в таких исследованиях выступают в большей степени комплексный подход, функционально-структурный, системный, синергетический и др. То есть феномен подхода начинает играть роль серьезного методологического средства в современной науке, ее междисциплинарной форме. В этом плане он требует своего более глубокого осознания в настоящее время, на что обратим внимание в дальнейшем.

Феномен трансдисциплинарности

Эволюция междисциплинарных исследований служит основой, на которой возникает феномен трансдисциплинарности, который, по мысли В. М. Розина, можно трактовать следующим образом. Трансдисциплинарность понимается, во-первых, основанной на междисциплинарных исследованиях, во-вторых, предполагающей трансцендентальный переход в «жизненный мир» или практики, отличные от науки, наконец, в-третьих, требующей решения проблемы целостности (синтеза конфигурирования разнородных дисциплинарных представлений) [6, с. 108]. Далее автор при развертке содержания понятия трансдисциплинарности приводит слова известного методолога В. Поруса: «Если в "дисциплинарную эпоху" пропуском в научную деятельность было овладение всеми возможностями, какие "дисциплина" обеспечивала ученому, и компетентное их использование, то в "постдисци-

плинарной" науке таким пропуском стала постоянная готовность ученого к мыслительному процессу, организованному "мультидисциплинарно", и к тому же используемому идею, концепты, оценки, взятые не из научной сферы (морали, религии, искусства, обыденной практики» [6, с. 108].

Автор конкретизирует приведенный тезис следующим образом: «"Трансдисциплинарность" нужно рассматривать как новый тип связи между наукой и культурой. Связи, которая так же необходима современной науке, как и современной культуре. Она влияет на внутреннее устройство науки и на ее отношения с обществом. Она влияет на культуру, на формирование ее ценностных универсалий. "Трансдисциплинарность" заставляет вспомнить давно известное, но позабытое в методологических спорах: наука есть орган познания человечества. И этот орган служит интересам человечества до тех пор, пока оно в состоянии адекватно сознавать свои интересы» [цит. по: 7, с. 62].

В этом случае следует заметить, что в трансдисциплинарном исследовании концептуальное сопровождение исследовательской деятельности в науке осуществляется часто духовно-теоретическими, духовно-практическими средствами иннаучного или вненаучного характера, т.е. методология не только пополняет свой багаж, но и его переструктурирует, отдавая зачастую приоритет либо моральным, либо религиозным, либо искусствоведческим и т.п. факторам.

Феномен наддисциплинарности

Не менее важным аспектом имманентной взаимосвязи науки и научного исследования выступает феномен наддисциплинарности. Дискуссии по поводу феномена наддисциплинарности были порождены основоположниками такой науки, как синергетика – И. Пригожиным, Г. Хакеном, в которую затем вступили специалисты различных наук – философии, физики, химии, а затем биологии, социологии и др.

Не вдаваясь в детали подобной дискуссии, обратим внимание на следующее. Во-первых, как подчеркивает А. И. Липкин, наддисциплинарность не является ни «мостом» между дисциплинами, ни «метанаукой» [8, с. 424]. Синергетика, по его мнению, является естественной наукой, которая имеет дело со специфическими объектами [8, с. 424]. Их черты академик В. С. Степин характеризует следующим образом: «Для того чтобы система могла рассматриваться как саморазвивающаяся, она должна удовлетворять по меньшей мере четырем условиям: 1) система должна быть термодинамически открытой; 2) динамические уравнения системы являются нелинейными; 3) отклонения от равновесия превышают критические значения; 4) процессы в системе происходят кооперативно (В. Эбелинг). Самоорганизация начинается как одно из основных свойств движущейся материи и включает все процессы самоструктурирования, саморегуляции, самовоспроизведения. Она выступает

как процесс, который приводит к образованию новых структур» [5, с. 650–651].

«Синергетика позволяет перейти от "линейного" мышления, сложившегося в рамках механической картины мира, к нелинейному, соответствующему новому этапу функционирования науки. Большинство изучаемых ею объектов (природные, экологические, социально-природные комплексы, экономические структуры) являются открытыми, неравновесными системами; управляемыми нелинейными законами. Все они обнаруживают способность к самоорганизации, а их поведение определяется предшествующей историей их эволюции» [5, с. 657]. При этом автор подчеркивает, что «синергетика создала условия для интенсивного обмена парадигмальными принципами между различными науками» [5, с. 657–658].

Тем самым наддисциплинарность с самого начала отличается от обсуждаемых феноменов междисциплинарности и трансдисциплинарности, которые так или иначе связывают разные науки (дисциплины) с социокультурным контекстом в большей или меньшей мере. Во-вторых, для синергетики важны не свойства элементов (как в статистической физике), а характер связи между элементами, ответственными за характер нелинейной среды. В результате физические, химические, биологические и др. типы движения играют роль конкретного материала для динамических структур синергетики. В этом ее (и теории колебаний) наддисциплинарность [5, с. 414]. То есть наддисциплинарность выражает принципиально иной взгляд на природу уже известных явлений, поднимаюсь над ставшими привычными научными и философскими, в том числе культурологическими парадигмами.

Выбор методов и приемов в науке

Представленный обзор социокультурных форм бытия науки позволяет сделать некоторые выводы в методологическом плане. В монодисциплинарной науке под разными образными объектами, входящими в ее предметное поле, в соответствии с целями и задачами подбирались соответствующие методы и приемы исследования из того методологического арсенала, который уже имелся к этому моменту. В качестве субъекта науки выступал конкретный индивид, оснащенный всеми теоретическими и эмпирическими методами, составляющими корпус соответствующей научной дисциплины. Миграция методов из различных дисциплин проходила спонтанно, не меняя характер самого метода. Так, например, метод спектрального анализа перекочевал в конце XX в. из физики в астрономию, криминалистику и др. Правда, выступал он уже в этом случае средством решения нефизических задач научного исследования.

В междисциплинарной науке происходит не только миграция отдельных методов, но и их ассимиляция и интеграция в рамках другой научной дисциплины. Это происходило вследствие вовлечения в предметную область традиционной дисциплины более сложных объектов, и тем самым она расширялась и углублялась, требуя

более адекватного методологического оснащения. Так, в культурологии находят свое место и играют значительную роль методы истории, социологии, демографии и др., которые начинают объединяться в так называемые подходы или группы конкретных методов, приобретающих самостоятельную методологическую роль и значение.

В качестве субъекта науки, в частности в культурологии, выступают в большей мере коллективы исследователей при решении комплексных культурологических задач. В трансдисциплинарной науке часто происходит ассимиляция методологических средств из вненаучных областей – морали, искусства, религии и др. Термин *подход* часто становится привычным, но еще не подвергается научному исследованию.

Субъект науки в этих исследованиях обнаруживает еще один аспект своего функционирования – динамическую сращенность, единство, связь с объектом исследования в процессе познания, и тем самым себя с ним идентифицирует. Особенно это проявляется в культурологических исследованиях и приводит к закономерности вопроса: кто я? Как подчеркивает Л. П. Киященко, «"транскультура" – культура, осознающая целостность своих дисциплинарных составляющих (научных, художественных, политических, религиозных) и творящая себя сознательно в формах этой целостности. Транскультура есть культура, творимая не внутри отдельных своих областей, а непосредственно в формах самой культуры, в поле взаимодействия разных ее составляющих» [7, с. 62]. Тем самым актуализируются герменевтика, социо-психологические методы и др.

В корне отличная от предыдущего ситуация в наддисциплинарных исследованиях, например, берущих начало в синергетике, тектологии (всеобщей организационной науки Богданова и др.). Так, в предметное поле синергетики вовлекаются сложноорганизованные саморазвивающиеся объекты. Соответственно, исследователи создают не только новые методы исследования, в основном математические, но и формируют достаточно обширную методологию с новым набором понятий, теоретических методов и т.п., которая призвана решать задачи, не имеющие аналогов в предшествующей науке. Формируется новая исследовательская парадигма, которая оказывается востребованной в других научных дисциплинах, в которых она становится доминирующей. Так, основные понятия синергетики – диссипативная система, точка бифуркации, странный аттрактор и др. – из синергетики перекочевали в историю, культурологию и др. научные дисциплины. Иными словами, наддисциплинарность фиксирует ассимиляцию частных методов, например синергетики, тектологии и др. научных дисциплин в другие науки, в которых они в силу своей всеобщности получают название методологического подхода – синергетический, системный, функционально-структурный и др., а также их модификации.

Определение «подхода» в методологии

Сама этимология данного термина при его анализе позволяет выделить его доминантное значение в языке. Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет *подход* несколькими значениями, эту же ситуацию мы видим у Е. В. Ушакова.

1. Подход – это не менее оформленное методологическое образование. Поэтому понятие *подход* нередко употребляется в тех ситуациях, когда та или иная предметная область науки методологически еще несовершенна. В этом случае мы видим лишь подходы к проблеме. Вполне возможна ситуация, когда уже обозначен подход, но еще нет четко проработанного метода.

2. Подход – не менее директивное методологическое образование. Как правило, подход заведомо имеет или предполагает альтернативы в виде других подходов. Поэтому понятие *подход* нередко употребляется в тех ситуациях, когда исключены сама возможность единственной методологии (например, в некоторых гуманитарных направлениях).

3. Подход – это более крупное методологическое образование. В рамках одного подхода может использоваться целая совокупность методов. Поэтому понятие *подход* нередко употребляется в тех ситуациях, когда исходная методологическая идея может быть реализована разнообразными методами. Например, может идти поиск оптимального метода в рамках того или иного подхода.

4. Подход – это не менее разработанное в методологической литературе понятие. В целом подход представляет собой категорию более общую, чем метод. Ядро подхода составляют те или иные теоретические тезисы, допущения или понятия. Подход вступает теоретическим основанием для более конкретных методологических предписаний [9, с. 58].

Обратимся к трактовке понятия *подход*, например, в Словаре русского языка С. И. Ожегова. Несмотря на ряд указанных значений данного термина, можно выделить следующие: а) место, где подходят к чему-нибудь, например, удобный подход к позициям; б) совокупность приемов, способов в воздействии на кого-нибудь, на что-нибудь, в изучении чего-нибудь, в ведении дела и т. п.¹

Среди акцентированных смыслов в толковании понятия подхода обратим внимание на один, а именно: подход выступает теоретическим основанием для более конкретных методологических предписаний. Это будем называть функцией обоснования подхода или некоторого метода. По этому поводу в условиях интенсивного развития знания, где стоит задача открыть новые, наиболее общие на данном уровне познания, законы исследуемой реальности проблему обоснования метода усложняют. Сначала необходимо найти значение, способное служить его обоснованию. Оно, во-первых, по определению должно быть истинным и относительным к предмету исследова-

ния; во-вторых, должно обладать степенью общности, достаточной для того, чтобы посредством построенного на его основе метода открыть новые, наиболее общие на данном этапе познания законы исследуемой реальности. Второе требование означает, что в основу разрабатываемого метода должно быть положено знание, по степени общности равное или превышающее общность тех выводов, которые необходимо получить посредством данного метода. В противном случае построенный метод окажется не способным генерировать искомую информацию с необходимой логической достоверностью. Поскольку в исходной совокупности сведений, прямо и непосредственно относящихся к исследуемому объекту, требуемое знание отсутствует, встает вопрос: каким знанием в этом случае может быть обоснован строящийся метод? [10, с. 116–117]. И далее можно заключить, что «в методе реализации предметных ресурсов творческого потенциала субъекта познания функционально подчинено развитию его операциональных ресурсов путем опережающего отражения исследуемого объекта и совокупности познавательных действий (операций, процедур) объекта, т. е. при построении метода характер использования предметных ресурсов творческого потенциала субъекта детерминирован необходимостью развивать его операциональные ресурсы. Направление развития задается спецификой познавательной задачи, отражающей исследуемый объект и степень его изученности. О самой же методике правомерно говорить как о форме функционального синтеза предметного и нормативного знания. Развитие предметного знания во всех его форматах предполагает обратную ориентацию» [10, с. 113–114]. Автор обращает внимание, что «создавая "онтологию" метода, познающий субъект вправе мысленно задать такую совокупность отношений и связей исследуемого объекта, в которой сопрягаемые с ним объекты будут иметь гипотетический статус или свойства, и соответственно, способ возможного взаимодействия с исследуемым объектом, неправомерный с точки зрения известных законов реальности, общепринятых идеалов и норм научного исследования» [10, с. 119–120].

Иными словами, автор утверждает необходимость конструктивных процедур в методологии. Завершая данный фрагмент изложения, обратим внимание на то, что концептуальная методология фактически выполняет функцию теоретического обоснования подхода, когда его наличие фиксирует либо отсутствие наличного проработанного «эффектного» метода, либо задает несколько альтернатив в использовании тех или иных подходов, либо в рамках подхода используется целая совокупность методов частных, монодисциплинарных научных дисциплин.

Из вышеприведенного можно и по-иному выразить основные концептуальные положения.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1985. С. 471.

1. Подход выполняет теоретическое обоснование метода (или методов).

2. Подход детерминирован спецификой задачи, что выражается в обусловленности предметного знания в содержании подхода направлять, ориентировать, формировать операциональную сторону метода.

3. Подход формирует веер возможных методов в конкретных науках и тем самым теоретически, а затем, возможно, и практически некий гипотетический (или возможный, виртуальный) предмет исследования конкретной науки (или объединением ряда конкретных монодисциплинарных наук).

Значение подхода как теоретического обоснования метода в данном случае отнесено к дисциплинарной науке. Но его значимость сохраняется и в период формирования междисциплинарных исследований.

В самом деле, человечество в середине XX в. столкнулось с необходимостью решения таких проблем, которые для своего разрешения потребовали привлечения самых разных наук, их взаимодействия – атомная проблема, ракетная техника, ПВО страны и др. Это заставило по-иному взглянуть на саму проблему их взаимодействия. Например, А. Д. Урсул по этому поводу высказывается следующим образом: «Взаимодействие основных подразделений науки не может быть представлено как соединение в единое целое входящих в их отраслей науки с утерей их специфики, самостоятельности. Синтез знаний будет происходить не только в слиянии научных дисциплин в одно целое, сколько будет выступать как опосредованное взаимодействие через решение совместных комплексных научных проблем и народохозяйственных задач, через усиление

взаимосвязи внутри науки как целого, имеющего дифференцированные части, компоненты. Думается, что в ходе развития интеграционных процессов в науке будет происходить развитие форм синтеза, скажем, от комплексности к более зрелым, каким является такая органическая целостность научного знания, как научная теория. Однако представлять стремление к единству научного знания по типу создания единой науки как единой теории было бы в корне неверно» [11, с. 156].

Определившись, таким образом, с понятием *подход* как методологическим средством, следует обратить внимание на такой важный пункт: подход выражает связь между наукой и научным исследованием, между гносеологией и методологией. Это особенно важно для тех наук (дисциплин), которые в силу сложности познавательных задач вынуждены не только привлекать методы иных наук, но и их парадигмальные доктрины. В частности, это в значительной мере относится к такой науке, как культурология, в которой до сих пор процессы становления ее как науки все еще продолжаются.

Заключение

В качестве итоговых результатов по содержанию данной статьи можно отметить следующее.

1. Актуализирована имманентная связь научного исследования и науки в качестве важнейших компонентов специфической формы познания – науки.

2. Проанализированы взаимосвязь социокультурной формы науки и ее эпистемологического содержания.

3. Представлена динамика усложнения методологических средств.

Литература

1. Михалкин Н. В. Генезис, философия и методология науки. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 363 с.
2. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1988. 256 с.
3. Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.
4. Ажимов Ф. Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 70–77.
5. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
6. Розин В. М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 106–116.
7. Киященко Л. П. Личность как голограмма в трансдисциплинарной культуре // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 58–67.
8. Философия науки / под ред. А. И. Липкина. М.: Эксмо, 2007. 608 с.
9. Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки. М.: Экзамен, 2005. 528 с.
10. Лукашевич В. К. Научный метод: структура, обоснование, развитие / науч. ред. А. Н. Елсуков. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 206 с.
11. Урсул А. Д. Методологические проблемы взаимодействия естественных, общественных, технических наук // Диалектика в науках о природе и человеке. Т. 3. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания / отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1983. С. 149–193.

Methodological Aspect of the Interconnection between Science and Research

Pavel I. Balabanov^{a, @}; Larisa T. Sauerwein^a

^a Kemerovo State University of Culture, 17, Voroshilova St., Kemerovo, Russia, 650056

[@]philosov416@kenguki.ru

Received 16.10.2018. Accepted 13.02.2019.

Abstract: The present research features the relationship between science and scientific research as internal elements of scientific knowledge. The subject is the methodological aspect in the study, namely, the theoretical self-consciousness of science in a specific historical period, the analysis of the evolution of socio-cultural forms of life of science – monodisciplinary, interdisciplinary, transdisciplinary, supra-disciplinary. Each of these forms once had historically formed methodological potential-techniques, methods, principles, ideals, and norms of knowledge. At each stage, new ways of understanding are formed, and new meanings that revolutionize science, practice, and culture are created. The increase in methodological equipment of science expands cognitive horizons. The changes in socio-cultural forms of science and the nature of scientific research are not synchronized, but they are internally determined. Approach as a methodological tool acts as a connecting link. The choice of methodological approach is determined by the methodological culture of the researcher and, as a rule, reflects the dynamics of scientific knowledge. The authors use the following methodological tools: dialectics of the historical and the logical, dialectics of content and form. They highlight the immanent connection of scientific research and science as the most important components of a specific form of cognition, i. e. science; show the interrelation between the socio-cultural form of science and its epistemological content; demonstrate the dynamics of the complexity of methodological tools in the history of science – from techniques and methods of research to such a methodological phenomenon as the approach, which, in turn, has yet to be investigated.

Keywords: monodisciplinarity, interdisciplinary, transdisciplinarity, supra-disciplinarity, innovation, scientific knowledge, research, epistemology

For citation: Balabanov P. I., Sauerwein L. T. Methodological Aspect of the Interconnection between Science and Research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 35–41. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-35-41

References

1. Mikhalkin N. V. *Genesis, philosophy and methodology of science*. Moscow: Izd-vo MGOU, 2007, 363. (In Russ.)
2. Ogurtsov A. P. *Disciplinary structure of science. Its genesis and rationale*. Dr. Philos. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1988, 256. (In Russ.)
3. Kasavin I. T. Interdisciplinary investigation: to conception and typology. *Voprosy filosofii*, 2010, (4): 61–73. (In Russ.)
4. Azhimov F. E. What is interdisciplinarity today? (Experience of cultural and historical interpretation of foreign studies). *Voprosy filosofii*, 2016, (11): 70–77. (In Russ.)
5. Stepin V. S. *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2000, 744. (In Russ.)
6. Rozin V. M. Discussion of the phenomenon of transdisciplinarity – the event of the new scientific revolution. *Voprosy filosofii*, 2016, (5): 106–116. (In Russ.)
7. Kiyashchenko L. P. Personality as a Hologram in the Transdisciplinary Culture. *Voprosy filosofii*, 2017, (11): 58–67. (In Russ.)
8. *Philosophy of science*, ed. Lipkin A. I. Moscow: Eksmo, 2007, 608. (In Russ.)
9. Ushakov E. V. *Introduction to the philosophy and methodology of science*. Moscow: Ekzamen, 2005, 528. (In Russ.)
10. Lukashevich V. K. *Scientific method: structure, study, development*, ed. Elsukov A. N. Minsk: Navuka i tekhnika, 1991, 206. (In Russ.)
11. Ursul A. D. Methodological problems of the interaction of natural, social, and technical sciences. *Dialectics in the sciences of nature and man*. Vol. 3. *Unity and diversity of the world, differentiation and integration of scientific knowledge*, ed. Frolov I. T. Moscow: Nauka, 1983, 149–193. (In Russ.)

УДК 140.8

Социально-экономический и социокультурный аспекты инновационного подхода к управлению мотивацией персонала

Галина С. Билюченко^а; Владимир М. Золотухин^{а, @}^а Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28[@] zvm64@mail.ru

Поступила в редакцию 21.01.2019. Принята к печати 13.02.2019.

Аннотация: В статье рассматриваются социально-экономические и социокультурные аспекты инновационных процессов в управлении организациями. Проведено сравнение современных методов управления и мотивации персонала. Выявлены их экономические преимущества и недостатки. Сформулированы проблемы, представлены пути решения по управлению крупными организациями. Подчеркнуто влияние социокультурной среды на использование различных методов трудовой мотивации. Акцентируется внимание на том, что при трансформации различных сфер деятельности, связанных с использованием цифровых технологий, происходит изменение ценностных стереотипов и различных критериев экономического поведения. Предмет исследования – современные методы управления и мотивации персонала организации. Цель – изучить современные практики эффективного управления организацией. Методологической базой исследования являются системный и сравнительный анализ, анализ причинно-следственных связей, наблюдение, сравнение и группировка, а также использование индуктивного и дедуктивного методов научного познания. Общими явились методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, наблюдения и сравнения. Область применения результатов – малый, средний и крупный бизнес на любой стадии его развития для построения эффективной модели управления и различных критериев мотивации персонала. Акцентируется внимание на том, что наиболее эффективные и успешные зарубежные и отечественные компании применяют нестандартные, инновационные подходы к управлению и мотивации персонала, что позволяет развиваться более эффективно по сравнению с теми организациями, которые применяют общепринятые подходы к менеджменту и мотивации персонала.

Ключевые слова: менеджмент, открытое пространство, эффективность, информационные технологии, талант, организация, нестандартный подход, знания, команда

Для цитирования: Билюченко Г. С., Золотухин В. М. Социально-экономический и социокультурный аспекты инновационного подхода к управлению мотивацией персонала // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 42–48. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-42-48

Введение

В современном быстро меняющемся мире происходят значительные изменения в большинстве сфер деятельности, и менеджмент не является исключением. Изменения, происходящие в менеджменте, являются результатом изменения отношения к использованию трудовых ресурсов, раскрытию интеллектуальных возможностей человека, а также использованию цифровых технологий, информационных систем, Интернета, росту значимости информации. Распространение цифровых технологий в повседневной жизни позволяет максимально использовать новые возможности, повышающие востребованность новых навыков, а использование в своей деятельности информационных технологий способствует эффективной адаптации к новым и нестандартным подходам. Как подчеркивает С. Боулз, высокопроизводительная экономика знаний требует культурной основы [1, с. 102], социокультурного пространства, формирующего соответствующие стереотипы экономического поведения [2, с. 39].

В настоящее время крупные компании уходят от традиционного типа управления, подразумевающего наличие большой филиальной сети и сотрудников, подчиненных вышестоящему начальству. Предпочтение отдается проявлению таких свойств и качеств, как ответственность, самостоятельность сотрудников и их творческое мышление, формируемых в результате применения инновационных методик в образовательных процессах [3, с. 51]. Проведен анализ современных методов управления и мотивации персонала организаций как отечественных, так и зарубежных менеджеров, основные тенденции нашли своё отражение в работах Э. Шмидта, Дж. Розенберга, А. Игла, М. Дорофеева и М. Батырева.

Компания Google как пример использования инновационных подходов к управлению и мотивации персонала

Компания *Google Inc.* – яркий пример использования инновационных подходов к управлению и мотивации персонала, является в первую очередь создателем новой цифровой реальности. Представляя собой американскую

транснациональную публичную корпорацию, реорганизованную 2 октября 2015 г. в международный конгломерат *Alphabet Inc.*, компания в составе холдинга *Alphabet* инвестирует в Интернет-поиск, облачные вычисления и рекламные технологии. *Google* поддерживает и разрабатывает ряд Интернет-сервисов и продуктов и получает прибыль прежде всего от рекламы через свою программу *AdWords*¹.

В своей недавно выпущенной книге «Как работает *Google*» бывший главный исполнительный директор компании Э. Шмидт рассказал о многих интересных фактах из жизни одной из известнейших компаний в мире. Э. Шмидт пишет о том, на какие качества обращают внимание при найме новых сотрудников, о безразличном отношении к иерархии и о том, каково это – работать в *Google* [4].

Устройство сотрудников на работу начинается с проверки резюме, биографии, социальных сетей и рекомендаций с бывшего места работы. Смотрят на образование кандидата и его GPA (американский аналог ЕГЭ и ЗНО). На собеседовании кандидатам задают вопросы об их интересах и хобби, не забывая и о провокационных вопросах. Например, о том, каким образом они платили за учебу. Если в процессе собеседования принимает участие Э. Шмидт, то он также представляет себе такую ситуацию: «Если бы я застрял в аэропорту с этим человеком, смог бы он поддержать интересную беседу?». В зависимости от этого он решает, стоит ли брать кандидата на работу.

Так как в *Google* берут самых достойных и умелых профессионалов, то возникает логичный вопрос: как потом удержать их в компании? Э. Шмидт говорит, что основная цель «корпорации добра» – давать сотрудникам максимально сложные и интересные задачи, которые будут стимулировать их двигаться дальше.

В *Google* существуют три основных правила, определяющие отношение компании к своим сотрудникам: 1) постоянное общение (взаимодействие) с коллегами; 2) свобода высказывания своих мыслей и идей; 3) самостоятельность принятия сотрудниками решений. Последний пункт – самый важный: «Вы должны дать своим сотрудникам возможность принимать решения самостоятельно. Если вы не можете себе этого позволить, то хотя бы убедитесь, что у вас есть хорошие причины сказать "нет"».

В большинстве современных компаний имеет место быть строгая иерархия. Сотрудники подчиняются вышестоящему начальству, а те в свою очередь подчиняются своим боссам и т. д. В компании *Google* всё обстоит иначе. Работая с творческими людьми, компания поняла, что приказывать сотрудникам делать то, что им не нравится – бесполезное занятие. Они не будут вкладывать все свои силы для достижения результата, если им не нравится то, что они делают. Поэтому в *Google* каждый имеет право голоса, проявлять свою индивидуальность, быть открытым и вос-

примчивым не только в отношении себя, но и к другим. Отсутствие строгой субординации, самостоятельность и доверие – это то, что заставляет сотрудников любить свою компанию и мотивирует их работать на максимуме своих усилий.

Инновационные подходы к управлению и мотивации персонала

Интересный подход к устройству мышления человека с позиции управления ресурсами мозга изложен в книге М. Дорофеева «Джедайские техники. Как воспитать свою обезьяну, опустошить инбокс и сберечь мыслетопливо» [5]. Работники умственного труда знакомы с постоянными спадами и подъемами продуктивности. Иногда работа не продвигается ни на шаг пару дней, а потом сложный проект выполняется за несколько часов. М. Дорофеев называет мыслетопливом определённый запас умственных сил, который помогает человеку оставаться рациональным и собранным.

Когда мыслетопливо заканчивается, сотрудник становится импульсивным и, как правило, ничем не занимается. Основное количество этого ресурса теряется впустую. Человек не замечает, когда это произошло, но ощущает неприятные последствия: с трудом сидит на работе до конца рабочего дня; понимает, что нужно что-то сделать, но не представляет, как именно; чувствует себя усталым и бесполезным. Практики, которые помогают экономить мыслетопливо и отлично справляться с ежедневными обязанностями, М. Дорофеев называет джедайскими техниками. Среди них такие полезные действия, которые при регулярном выполнении помогают быть продуктивнее: регулярное восстановление, очищение инбоксов, правильная формулировка задач, использование внешних хранилищ. Существенным элементом при этом являются социокультурные практики, позволяющие формировать инновационные (креативные) культурные стереотипы.

Например, интересна рекомендация о наличии «резервной копии мозга», т. е. вся информация о встречах, задачах, проектах и личных делах должна храниться где-то ещё, а не только в памяти человека. Как правило, внешнее хранилище должно состоять из четырёх компонентов. Например, список задач, список проектов, календарь, система хранения справочной информации. М. Дорофеев рекомендует регулярно проводить обзор системы, уменьшать вредные переключения, использовать метод «шкаф – балкон – дача». Все эти методики предполагают как ежедневную, еженедельную, так и спонтанную проверку используемых информационных данных, основными целями такой деятельности являются возможность проведения постоянного контроля за существующим объемом информации и в случае необходимости ее корректировки. Это способствует дифференциации имеющейся

¹ Урюпин И. В. Гугл // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/economics/text/1934685> (дата обращения: 05.04.2018).

информации по степени значимости, степени востребованности и актуальности.

Ещё одна книга, отражающая инновационный подход к управлению и мотивации персонала организации, это монография М. Батырева «45 татуировок менеджера» о правилах общения с коллегами и принципах достижения успеха в карьере. Вызывает интерес уже то, что каждую главу автор называет татуировками, которые в виде настоящих шрамов на теле оставили след в его жизни [6].

Татуировки – это набор правил, принципов и житейского опыта автора. Будучи менеджером по продажам, М. Батырев прошел этапы карьерной лестницы и вырос до управленческой должности. Сейчас Максим Батырев (Комбат) – известный в России менеджер, член правления фирмы «Что делать Консалт». По версии издательского дома «Коммерсантъ» М. Батырев входит в Топ-100 лучших российских менеджеров, а Международная академия менеджмента и Вольное экономическое общество России признали его «Менеджером 2012 года». В 2014 г. его книга «45 татуировок менеджера» стала бестселлером и в номинации «Бизнес-книга года» получила литературную премию «Электронная буква 2014».

В книге автор рассказывает, как необходимо действовать в определенных ситуациях и какое влияние на него оказали татуировки. Они проявляются в радости, боли, удаче, опыте, подъёме и падении, увольнении, лидерстве и касаются не только управления подчинёнными, но и учат осмысленным действиям в бизнесе. Автор утверждает: если человек будет помнить о татуировках, ему удастся избежать неприятных ситуаций и добиться желаемого результата посредством расширения социокультурного пространства.

Основные тенденции в управлении организацией для ее успешного функционирования

Проанализировав основные современные методы управления и мотивации персонала, можно сформулировать тенденции в управлении организацией для ее успешного функционирования в эпоху цифровых технологий. В организации не должна соблюдаться строгая иерархия, каждый сотрудник должен чувствовать себя частью системы, иметь возможность самостоятельно принимать решения. Сотрудники должны нести ответственность за принятые решения, а также возникающие последствия и / или возможность возникновения которых является потенциальной реальностью. Авторский взгляд сводится к тому, что только в этом случае персонал организации будет мотивирован и заинтересован в результате, который получит организация.

При этом руководство должно постоянно стимулировать сотрудников как материально, так и нематериально. В большинстве организаций руководство заиклено

на материальном стимулировании или вовсе забывает о поощрении персонала, что в корне неверно. В современном мире открытости и доступности информации, веке доминирования двойных стандартов и двойной реальности ценности приобретают совершенно иные ресурсы. Речь идет о таких элементах, как время, создание вокруг себя креативного пространства, усилия, затраченные на то или иное действие и т. д. Руководство должно создавать социально-экономические и социокультурные условия для сотрудников, чтобы они могли относиться к своей работе не как к формальным (механическим) действиям, а как к творческому процессу, сочетающему удовлетворение личных и общественных потребностей.

Технология открытого пространства

Одним из методов, который поможет работать коллективу в организации лучше – это технология открытого пространства (*Open Space Technology*). Ее создателем считается Х. Оуэн². С его точки зрения, для раскрытия потенциала коллектива требуется реализация следующих четырех правил.

1. Все, кто находится здесь и сейчас – это нужные люди.
2. Все, что случится – это то, что должно было произойти.
3. Любое время начала – это то самое время.
4. Процесс заканчивается сам.

И есть один важный закон: если вдруг Вы понимаете, что вокруг Вас сложилась ситуация, в которой испытываете затруднение и не видите возможности научиться чему-либо или научить других, то Вы можете принять решение сменить обстановку, к примеру, перейти в соседнюю группу. Таким образом, происходит устройство самоорганизующегося процесса группы, который нацелен на поиск решения определенной задачи функционального подразделения или компании в целом.

Технология открытого пространства применяется в следующих ситуациях:

- необходимо срочно найти решение проблемы;
- вопрос сложный, требуется много ресурсов на его решение;
- в компании назрела глобальная бизнес-проблема, в решении которой заинтересованы все сотрудники;
- в команде имеются значительные статусные и возрастные различия;
- когда большой группе сотрудников необходимо ответить на много частных вопросов или найти решения проблем в рамках одной темы.

Субъектами процесса являются: 1) спонсор – тот, кому важен результат обсуждения, задает тему; 2) фасилитатор – тот, кто координирует работу групп, начинает и завершает процесс обсуждения; 3) участники – все те, кто заинтересован в обсуждении.

² Технология фасилитации «Открытое пространство» ("Open Space"). Режим доступа: <https://www.personalimage.ru/articles/facilitation/tekhnologiya-fasilitatsii-otkrytoe-prostranstvo-open-space/> (дата обращения: 14.04.2018).

Важное преимущество технологии *Open Space* – сбор большого количества мнений по заданной теме за короткий период времени. Кроме того, у участников команды формируется ощущение сопричастности к процессу и сплоченности. Центральным моментом является формулировка темы, которая должна звучать ярко и интересно, вдохновлять всех участников. Алгоритм технологии открытого пространства следующий.

1. Совместная работа начинается со знакомства участников друг с другом. Далее объявляется тема.

2. Создание свободной атмосферы творчества.

3. Работа самоорганизовавшихся групп; участники самостоятельно распределяют время, выделяют этапы работы. Участники групп могут работать по пять человек, по парам, другие могут состоять из десяти и более человек. Часть участников, как правило, переходит из одной группы в другую.

4. Каждая группа сама подводит итоги, дает рекомендации по решению задачи и презентует их для всех остальных на доске новостей.

5. Планирование и целеполагание.

6. Завершение, обмен опытом и впечатлениями.

Открытое пространство – это плодотворное и эффективное взаимодействие, усиление и совершенствование того, что уже существует в компании: планирование и действие, развитие и совершенствование, принятие ответственности за решения, участие и претворение планов в жизнь³.

Организации стоит также позаботиться о привлечении талантливых, умных и творческих сотрудников, стремящихся придумывать новые идеи и развивать их. В первую очередь речь идет о нехватке талантливых управленцев. Руководители среднего и высшего звена, как правило, приходят с открытого рынка или через внутренние переводы. Необходимо делать большой упор на развитие и переподготовку сотрудника, на сильную образовательную систему. Помимо проблемы количества, существует проблема качества персонала. Решение данной проблемы позволит ликвидировать острый дефицит квалифицированных кадров.

Управление талантами

Традиционные методы не позволяют увидеть управленческий потенциал кандидата на руководящую должность в полном объеме. Чаще всего требуются люди со стратегическим мышлением, умением управлять, вдохновлять и вести за собой команду (наставники, или тьюторы).

Столкнувшись с этими вызовами, организация вынуждена искать новые подходы. Стандартная фраза из кадровой стратегии компании звучит так: «привлекать, развивать, мотивировать и удерживать таланты». Неясным остается только одно – что такое талант и что именно с ним надо делать. Чёткого определения понятия *талант* не существует. Греческое слово *talanton* означает *выдающиеся способности*⁴. Талант – дарование, способность. Талант имеет несколько значений.

1. Талант – высокое природное дарование, выдающаяся способность к деятельности в какой-либо области: научной, художественной, практической (политика, техника и пр.). Талант нуждается в упражнении, чтобы достигнуть определённой степени совершенства. От гения отличается меньшей степенью творческой оригинальности⁵.

2. Талант – выдающиеся способности человека, проявляющиеся в той или иной области.

Выделяют следующие типы талантов:

- управленческие таланты;
- технические / профессиональные таланты;
- коммуникативные / сетевые таланты – строят сеть личных контактов в компании, связывают различные проекты и подразделения.

Управление талантами (*Talent Management*, УТ) – деятельность компании, позволяющая использовать вложения в талантливый персонал в области среднего и высшего менеджмента (Мак Кинзи)⁶. Управление талантами является частью политики управления человеческими ресурсами. Таланты стали объектом управления российских компаний, но чёткой системы УТ нет. Российский бизнес создаёт свою модель управления талантами. Выгоднее развивать свои таланты, т.к. приём талантливых сотрудников в организацию со стороны требует значительных усилий по адаптации. Управление талантами возможно при определённом уровне развития компетенций самих управленцев. Такие сотрудники разрешают руководить собой только тем менеджерам, которые заслужили их уважение. Одарённые профессионалы являются нематериальным активом и конкурентным преимуществом компании наряду с уникальными технологиями, услугами и ценовыми предложениями. Копировать их невозможно, поэтому привлечение и удержание талантливых людей позволяет компании сохранять и наращивать свои конкурентные преимущества.

Для удержания персонала среднего уровня достаточно применять универсальные методы, которые направлены на массовое воздействие. Такие методы часто включают

³ Примеры форматов обучающих событий и сессий. Часть 4: Open Space Technology. Режим доступа: <http://uxevent.com/kopilka-formatov-obuchajushih-sobytij-i-sessij-4/> (дата обращения: 14.04.2018).

⁴ Как удержать талантливых и ценных специалистов. Часть 1. Режим доступа: <https://sdo-regional.ru/prof-post/kak-uderzhat-talantlivykh-spetsialistov> (дата обращения: 14.04.2018).

⁵ Национальная психологическая энциклопедия. Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/talant.html> (дата обращения: 14.04.2018).

⁶ Технология фасилитации ...

в общую программу по удержанию персонала организации. Они эффективны для среднестатистических сотрудников, но не эффективны для особо редких специалистов, талантливых профессионалов.

Такие специалисты имеют особый статус, они ценны тем, что придуманные и реализованные ими идеи, инновационные проекты приносят организации высокий доход. Эти сотрудники умеют оперативно и успешно решать сложные задачи, предвидеть и предотвращать будущие проблемы, разрабатывать и вводить новшества, талантливо управлять коллективом и пр.

Ценные сотрудники требуют к себе индивидуальный подход, особое отношение. Для их удержания необходимо применять инструменты мотивирования и удержания, повышения уровня «качества жизни» [7, с. 153], учитывая потребности и мотиваторы личностей с более высоким уровнем развития.

Среди того, что привлекает талантливых сотрудников в организации, можно выделить:

- образ привлекательного работодателя;
- построение продуктивных отношений через создание вовлеченности, т.е. восприятия сотрудником целей и задач компании как своих собственных, для чего он должен увидеть возможность реализации своих интересов в компании;
- новая должность с более широкой сферой деятельности, возможность управления крупным проектом;
- переход в компанию более высокого уровня;
- «игра» в команде с самыми лучшими против самых лучших;
- возможность экспериментирования;
- солирование в окружении «звезд»;
- стиль управления, создающий определённый эмоциональный настрой и влияющий на развитие талантов в компании⁷.

Для удержания ценных специалистов организации необходимо:

- изучить практику удержания ценных сотрудников в своей организации, а также в организациях, которые являются эталонами в данном вопросе (мировые лидеры, сильные партнеры и конкуренты);
- оценить сотрудников и выявить, кто из них имеет наиболее сильное влияние на работу отдела, организации в целом, чьи идеи приносят максимальный доход, чья качественная работа выводит (или может вывести) организацию на более высокий уровень развития (дохода);
- выявить из группы ценных сотрудников наиболее подверженных риску увольнения;
- сделать приоритетом всех руководителей организации удержание и мотивирование ценных подчиненных. Для этого настроить руководителей уделять

ценным сотрудникам столько времени и внимания, сколько необходимо для того, чтобы они оставались работать в организации (особенно это актуально для сотрудников с высоким риском увольнения);

- разработать различные инструменты удержания ценных сотрудников, применяя индивидуальный подход, с учётом того, что у каждого из них свои стимулы;
- обучить руководителей использованию инструментов удержания ценных сотрудников и выбору необходимых из них для удержания конкретного сотрудника (команды).

Для удержания талантливого специалиста его руководителю совместно с сотрудником службы персонала, ответственным за мотивацию персонала, необходимо разработать для ценного сотрудника индивидуальный план удержания.

Для составления индивидуального плана удержания необходимо выявить:

- основные мотиваторы сотрудника;
- профессиональные мечты сотрудника;
- потенциальные проблемы, которые могут подвигнуть сотрудника к увольнению;
- болевое место карьеры;
- социокультурные потребности сотрудника.

Для выявления данных факторов необходимо провести интервью с сотрудником и опрос его коллег. В зависимости от уровня доверия сотрудника к руководителю, а также умения руководителя вести мотивационные беседы встреча для выявления мотиваторов, пожеланий и проблем может быть проведена с участием специалиста службы персонала или без него – только сотрудник и руководитель.

После того как проведено интервью, необходимо выбрать инструменты удержания, которые будут наиболее эффективны для данного сотрудника, продумать способы их внедрения, зафиксировать их в плане. Чтобы упростить составление индивидуального плана удержания, рекомендуется разработать шаблон и образец такого плана. После этого необходимо обучить руководителей подразделений использованию инструментов мотивирования и удержания, а также правилам составления плана.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования были выявлены наилучшие практики для применения российскими организациями и их эффективного функционирования. Можно сделать выводы, что наиболее успешные компании применяют нестандартные, инновационные подходы к управлению и мотивации персонала организации, что позволяет развиваться более эффективно по сравнению с теми организациями, которые применяют общепринятые подходы к менеджменту и мотивации персонала.

⁷ Управление талантами (Talent Management) для успешной работы с HiPo-сотрудниками. Режим доступа: https://www.cfin.ru/management/people/motivation/Talent_Management.shtml (дата обращения: 14.04.2018).

Литература

1. Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменяют хороших граждан // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 4. С. 100–128.
2. Золотухин В. М. Социально-философский и культурологический аспекты экономического поведения в российской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 36–41.
3. Золотухин В. М., Сьедина Н. В. Готовность студентов к самоконтролю как процесс педагогического взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 48–54.
4. Шмидт Э., Розенберг Д., Игл А. Как работает Google. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
5. Zolotukhin V. M., Zhukova O. I. Problem of relations between human and society in conditions of social transformations // RPTSS 2017 Intern. Conf. on Research Paradigm Transformation in Social Sciences. P. 1085–1091. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.127
6. Дорофеев М. Джебдайские техники. Как воспитать свою обезьяну, опустошить инбокс и сберечь мыслетопливо. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с.
7. Батырев М. 45 татуировок менеджера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
8. Золотухин В. М., Козлова М. В., Щенников В. П. Социально-философская интерпретация качества жизни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 151–155.

Social, Economic, and Sociocultural Aspects of Innovative Approach to Management and Motivation of Personnel

Galina S. Biljuchenko ^{a, *}; Vladimir M. Zolotukhin ^{a, @}^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennaya St., Kemerovo, Russia, 650000[@] zvm64@mail.ru

Received 21.01.2019. Accepted 13.02.2019.

Abstract: The paper features social, economic, and sociocultural aspects of innovative processes in management of various organizations. The research involved a comparative analysis of the main parameters of modern management methods and their advantages and disadvantages. The authors formulated some management solutions of several large organizations. The research features modern methods of organization management and the effect of the sociocultural environment on various methods of labor motivation. The main attention is given to the transformation of various fields of activity connected with use of digital technologies since there is a change of valuable stereotypes and various criteria of economic behavior. The research studied modern management conditions and revealed the best practices of effective organization management. The authors employed a system and comparative analysis, the causative-consecutive analysis, and such methods as observation, comparison, grouping, and scientific induction and deduction. The research featured small, medium, and large businesses at all stages of their development to create an effective model of human resource management. Thus, the most successful domestic and foreign companies apply non-standard, innovative approaches to management and motivation of personnel, which allows them to develop more effectively in comparison with those organizations which apply standard approaches to personnel management and motivation.

Keywords: management, open space, efficiency, information technologies, talent, organization, non-standard approach, knowledge, team

For citation: Biljuchenko G. S., Zolotukhin V. M. Social, Economic, and Sociocultural Aspects of Innovative Approach to Management and Motivation of Personnel. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(1): 42–48. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-42-48

References

1. Bowles S. The moral economy: why good incentives are no substitute for good citizens. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2016, 17(4): 100–128. (In Russ.)
2. Zolotukhin V. M. Socio-philosophical and culturological aspects of economic behavior in the Russian mentality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2018, (43): 36–41. (In Russ.)
3. Zolotukhin V. M., Sjedina N. V. Students readiness to self-control as the process of pedagogical interaction between the subjects of educational process. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2015, (3): 48–54. (In Russ.)

4. Shmidt E., Rozenberg D., Igl A. *How does Google work*. Moscow: Eksmo, 2015, 384. (In Russ.)
5. Zolotukhin V. M., Zhukova O. I. Problem of relations between human and society in conditions of social transformations. *RPTSS 2017 Intern. Conf. on Research Paradigm Transformation in Social Sciences*. P. 1085–1091. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.127
6. Dorofeev M. Jedi technology. *How to raise your monkey, empty inbox and save your thoughts*. Moscow: Mann Ivanov i Ferber, 2017, 352. (In Russ.)
7. Batyrev M. *45 manager tattoos*. Moscow: Mann Ivanov i Ferber, 2017, 304. (In Russ.)
8. Zolotukhin V. M., Kozlova M. V., Shchennikov V. P. Socio-philosophical interpretation of quality of life. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (2): 151–155. (In Russ.)

УДК 11+316.6

Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации

Юрий В. Грицков^{а, @}^а Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79[@] grickov50@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2018. Принята к печати 22.01.2019.

Аннотация: В настоящей статье страдание рассматривается, во-первых, как феномен экзистенциальной реальности человека, возникающий в результате взаимодействия сознания индивида с коллективным бессознательным; во-вторых, как социокультурный феномен, влияющий на содержание и характер антропо-, социо- и культурогенеза. Автор исходит из представления о страдании как о неустранимом свойстве человеческого бытия, обусловленном столкновениями между врождёнными бессознательно-иррациональными и генерируемыми культурой понятийно-рациональными программами поведения. Страдание обуславливает переживание человеком своих взаимоотношений с мирозданием и с самим собой как беспрецедентных, неблагоприятных, требующих радикального изменения, оно превращает его бытие в проблему как для него самого, так и для окружающих. Обосновывается вывод о том, что культурное своеобразие любой социальной общности, её жизнеспособность и исторические перспективы неразрывно связаны с функционирующими в ней практиками преодоления страдания. Статья содержит ключевые моменты диссертации автора «Феномен страдания и способы его освоения в культуре» (2006). Публикуется с целью расширения читательской аудитории.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, архетипическая программа, социальный инстинкт, страх смерти, вина, смысл

Для цитирования: Грицков Ю. В. Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 49–54. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-49-54

Страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека

К. Маркс

Страдание, боль – это вызов на борьбу, это сторожевой крик жизни, обращающий внимание на опасность

А. И. Герцен

Страдание – первое, чему надо учиться, и что впоследствии больше всего понадобится

Ж.-Ж. Руссо

Введение

Этимологически слово *страдание* восходит к индоевропейскому корню (s)ter / (s)tre – коченеть (умирать), становится жёстким, твёрдым, тугим. Однокоренные слова: *страсть, страда, страх, стремление, старание, старь, стерва* (в первоначальном значении – мертвечина, падаль). Таким образом, изначально в понятии *страдание* фиксируются признаки перехода от бытия (жизни) к антибытию (смерти), т. е. оно осмысливается как переживание уязвлённости существования смертью и вместе с тем стремление к преодолению этой уязвлённости.

В мире человека страданию принадлежит одно из центральных мест. Его преодоление – величайшая проблема человеческого бытия. В любой культуре способам и вариантам решения этой проблемы придаётся огромное значение.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть сущность и генезис феномена человеческого страдания в дискурсе концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга [1; 2]. Статья содержит ключевые моменты диссертации автора «Феномен страдания и способы его освоения в культуре» [3].

Страдание как фактор эволюции человека и общества

С точки зрения зоопсихологии [4] страдание есть сильная негативная эмоция, сигнализирующая о препятствиях в реализации той или иной инстинктивной программы поведения, направленной на удовлетворение естественных биологических потребностей (в пище, тепле, мышечной активности, безопасности, продолжении рода и т. д.). Соответственно, успешное осуществление основных программ сопровождается противоположным ощущению страдания ощущением наслаждения, выполняющим функцию закрепляющего сигнала. Порождаемые такими программами переживания и реакции В. Чалидзе называются автоматизмами [5].

Особое место среди автоматизмов занимают социальные инстинкты – программы, регулирующие внутригрупповые отношения между животными одного вида: программы, задающие алгоритмы внутривидовой конкуренции и выстраивания внутригрупповой иерархии, и программы групповой солидарности, обеспечивающие альтруистические действия членов группы. В отличие от инстинктов, обеспечивающих выживание отдельной

особи, социальные инстинкты работают на упорядочивание отношений внутри сообщества и на выживание группы в целом.

Важно отметить, что в некоторых типических ситуациях социальные инстинкты могут вступать в противоречие с инстинктами, работающими на выживание отдельного индивида. Например, в ситуации, когда приходится защищать с риском для собственной жизни слабых членов группы, инстинкт самосохранения вступает в противоречие с инстинктом групповой солидарности. В таких случаях страдание становится неустрашимым, поскольку блокируется как минимум одна из инстинктивных программ поведения. Если данная ситуация сохраняется длительное время, то можно говорить об устойчивом *очаге страдания*: страдание, сигнализирующее о нереализованности индивидуального инстинкта, с необходимостью накладывающаяся на страдание, сигнализирующее о нереализованности социального инстинкта. Такое взаимоналожение отрицательных сигналов обуславливает потребность в выработке дополнительных программ, способных компенсировать отрицательные последствия подобного рода переживаний.

Очевидно, в доисторические времена негативные переживания предков человека мало чем отличались от негативных переживаний животного, поскольку их поведение регулировалось одними и теми же инстинктивными программами. Ситуация изменялась по мере того, как у человека развивалась способность рационально программировать свои действия. Поскольку искусственные программы поведения постоянно вступали в противоречие с инстинктивными программами, постольку возникали новые виды страданий и увеличивалась их сумма. Например, человек может страдать в том случае, когда его основные биологические потребности и инстинкты удовлетворены, но не реализованы рационально сконструированные и принятые им к исполнению программы. Или наоборот, реализация искусственной программы предполагает подавление программы инстинктивной. В обоих случаях возрастает экзистенциальный дискомфорт во внутреннем мире человека.

Умножение страданий заставляет интеллект конструировать новые искусственные программы защиты от негативных переживаний. Но чем интенсивнее эти усилия разума, тем больше возникает новых, усиливающих страдания «нестыковок», противоречий между рациональными и инстинктивными программами. Разрешение этих грозящих человеку катастрофой противоречий осуществляется в пространстве культуры. Таким образом, страдание превращается в фактор, определяющий характер эволюции человека и общества. В частности, возникновение и бурное развитие религии, философии и искусства в древнем мире со всей очевидностью представляет собой культурный ответ на эскалацию страданий.

Развитие рациональной составляющей в сознании человека привело к тому, что его страдание, в отличие от страдания животного, представляет собой уже не просто «сильную эмоцию, полярную наслаждению», но *чувство* – форму психического отражения, «при которой отражаемым являются объективные отношения феноменов к нуждам личности»¹, причём это психическое отражение представляет собой *единство эмоции и мысли*.

Иными словами, страдание становится вполне человеческим только тогда, когда оно осознано и названо, когда оно соотносено с другими феноменами мира человека и осмыслено как составная часть этого мира.

В соответствии с изложенным условимся понимать под человеческим страданием сильное негативное чувство, в котором наличная ситуация рефлексивно осмысливается и переживается как угрожающая осуществлению какой-либо из актуализированных инстинктивных или рационально сконструированных программ. Похожее понимание данного феномена можно найти у А. Шопенгауэра, определявшего страдание как *неисполненное и пресечённое хотение* [6].

Как мы отмечали в работе [3], такое предельно общее понимание страдания является инвариантным по отношению к другим представлениям, имеющим хождение в общественном сознании. Оно не противоречит ни атеистическим, ни религиозным, ни бихевиористским, ни марксистским, ни каким-либо иным концепциям страдания, что даёт основания надеяться на построение целостной теоретической модели, в которой могут быть учтены результаты, достигнутые в различных, часто конфликтующих между собой школах и направлениях.

Вследствие того, что поведение человека определяется не только естественными (инстинктивными), но и искусственными программами, в создании которых принимает участие разум, человек может страдать и в том случае, когда его основные биологические потребности и инстинкты удовлетворены, но не реализованы сконструированные и принятые им к исполнению рациональные программы.

Появление рациональных программ поведения не могло не повлечь роста страдания ещё и потому, что осуществление этих программ сопряжено с повышенной степенью риска наступления не предусмотренных разумом негативных последствий, причём таких, с которыми не в состоянии справиться инстинктивные программы. Ведь инстинктивные программы есть результат длительного эволюционного отбора форм поведения именно в тех ситуациях, которые уже *бывали* несчётное количество раз, а новаторские интеллектуальные решения чреваты именно *небывальными* последствиями. То есть, научившись рационально программировать своё поведение, человек стал заложником у собственного мышления, он обрёл *свободу вмешиваться разумом в будущее*, и тем

¹ Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. С. 167.

самым сделал свой разум ответственным за то, за что раньше отвечали природные инстинкты.

Итак, в рукотворной социальной реальности врождённые способы реагирования стали неэффективными, на смену им пришли культурные поведенческие программы, превращающие личность в источник страданий для самого себя и источник *социального зла* для окружающих, в средство и арену эволюционного отбора культурных поведенческих программ.

В новой социальной реальности соотношение страдания и счастья в бытии человека заметно смещается в пользу страдания. В результате страдание начинает переживаться им не столько как следствие постигающих его трагедий и неудач, сколько как атрибут бытия: все периоды жизни оказываются в той или иной степени отравлены отрицательным мироощущением, возникает *эффект постоянного присутствия страдания*. Человек определяет себя как *страдающее существо* и задаётся вопросом о причинах страдания и о путях его преодоления. Полярное по отношению к чувству страдания чувство счастья (высшего удовлетворения своим бытием, результатами своей деятельности), напротив, становится труднодостижимым, исчезающе мимолётным, эфемерным. Возникает *эффект постоянного присутствия* страдания. Человек переживает трагический разлад с миром, ощущает себя чуждым наличному бытию существа, он захвачен негативными экзистенциальными чувствами страха, тоски, одиночества и т. п. При этом выпавшие на его долю несчастья представляются ему противоестественными, несправедливыми, ненормальными, неоправданными. Иными словами, страдание понимается человеком не столько как следствие постигающих его трагедий и неудач, сколько как существенное свойство его бытия в мире. В результате мир человека хаотизируется, обесмысливается, оборачивается адом.

Подчеркнём ещё раз, что «очеловеченное» страдание, порождаемое конфликтом инстинктивных и рациональных программ поведения, обуславливает необходимость культурных механизмов адаптации к бедственному положению человека в мире. Разработка и совершенствование культурных программ по обузданию и контролю социального зла с различной степенью эффективности осуществляется такими социальными институтами, как религия, философия, право, искусство, семья и др. Недостаточная эффективность этих институтов – ещё один постоянно действующий источник страданий для человека.

В работе [3] мы выделили пассивную и активную экзистенциальные составляющие страдания.

Пассивная составляющая (я страдаю!) заключается в переживании наличного бытия как несчастья – не потребного, угрожающего, бедственного положения в мире. Страдать в этом смысле – значит, *претерпевать* душевную боль, муку, тоску, страх и т. п. Именно эту

составляющую абсолютизировал Будда Гаутама, когда разрабатывал свою программу избавления от страданий, её имел в виду А. Шопенгауэр, утверждая, что тысяча наслаждений не искупают одного страдания.

Пассивная составляющая страдания обнаруживает себя:

- как *скорбь*, когда переживается уже произошедшая (непоправимая) утрата;
- как *страх*, когда дело касается грядущей (неотвратимой) утраты;
- как *горе*, когда претерпевается дьящаяся в настоящем (непоправимо-неотвратимая) утрата;
- как *тоска*, если переживается невозможность обретения желаемого;
- как *забота*, если приходится брать на себя ответственность выбора, связанного с утратой ценных возможностей и с риском не достичь желаемого.

Активная составляющая (я страдаю!) данного чувства выражается в устремлённости к иному, отсутствующему положению дел, к позитивному переживанию. В этом смысле страдание обнаруживает себя как устойчивое и острое чувство *протеста* (отказа от наличного бытия) или как страсть (устремлённость к предмету воделения как к отсутствующему бытию). Активная составляющая страдания побуждает к рефлексивному мышлению и к деятельности.

В соответствии с этим страдание может восприниматься либо как «ненормальное», бедственное состояние индивидов и социальных групп, либо как естественное, необходимое условие и средство функционирования и развития социальных систем.

В первом случае страдание осмысливается как *результат действия* на человека враждебных ему природных, социальных или сверхъестественных сил. Во втором случае – как *источник и причина* совершаемых субъектом социальных действий. Иногда само страдание осмысливается как социальное действие (например, *пострадать за правду*) или его составная часть. Так, в словаре живого великорусского языка В. Даля *страда* есть «связанная со всякого рода лишениями тяжёлая, натужная, ломовая работа»².

Среди множества форм проявления страдания в экзистенциальной реальности человека особое внимание обращают на себя такие, как страх смерти, чувство вины, чувство порабощённости злом, чувство несвободы, чувство отчуждения (от общества, природы и от самого себя). Эти виды страдания можно назвать базисными: они обнаруживаются в любой известной нам культуре и находятся в отношениях взаимной зависимости (образуют систему). Ключ к пониманию природы этих чрезвычайно болезненных переживаний даёт теория архетипов К. Г. Юнга.

Архетипы, согласно Юнгу, представляют собой «нечто вроде органов дорациональной психики», имеющие универсальную и безличную природу «бессознательные образы инстинкта», «образцы инстинктивного поведения»,

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1982. Т. 4. С. 334.

«бессознательные праформы, принадлежащие унаследованной психической структуре», которые «служат духу образцом, когда он организует своё содержание». Порождаемые коллективным бессознательным образы имеют «не личностную, но сверхличностную природу и присущи всем людям» и, таким образом, могут спонтанно заявлять о себе повсюду». Они присутствуют во всех мифах и сказках всех времён и народов, являются предпосылкой религиозных воззрений [7]. Эти образы имеют предельно интенсивную и амбивалентную эмоциональную окраску, благодаря им судьба души превращается в «небеса и ад»: «без проживания этой противоречивости нет опыта целостности, а тем самым нет и внутреннего доступа к священным образам» [2].

Как природное явление архетип имеет, согласно Юнгу, морально амбивалентный, а точнее, *внеморальный характер*. Это значит, что к порождаемым архетипическими программами переживаниям, как и к природным явлениям, не применимы нравственные критерии. Например, изначально внеморальный характер имеет архетипический образ бога Яхве, приобретающий признаки человеколюбия, справедливости и т.п. лишь впоследствии, в результате трудной и продолжительной работы коллективного разума.

В дальнейшем условимся понимать под архетипами существующие на уровне коллективного бессознательно-го матрицы – прошедшие эволюционный отбор *программы построения типических экзистенциальных феноменов субъективной реальности – образов, видений, переживаний*.

Как мы показали в работе [8], архетипические программы коллективного бессознательного можно рассматривать как становящиеся в процессе эволюции социума социальные инстинкты, определяющие восприятие человеком «новых типических ситуаций» и экзистенциальные реакции на них. В данном контексте страдание представляется необходимым условием и средством для выполнения экзистенциальной работы по освоению происходящих в социальной реальности изменений и реформированию способов коммуникации с собой и с миром. Наиболее значимыми *архетипами страдания* в экзистенциальном пространстве личности являются *страх смерти и чувство вины*.

Архетип страха смерти – генетически закреплённая программа, способная проецировать в любую экзистенциальную ситуацию человека активизирующий переживание угрозы небытия *образ смерти*, будь то видение старухи в саване и с косой, или образ умершего друга, ноздри которого проели черви, или любой другой ассоциируемый со смертью символический образ³.

Архетипом вины условимся называть действующую на уровне коллективного бессознательного *программу, побуждающую личность истолковывать любое неблагопри-*

ятное с её точки зрения событие как наказание за собственный проступок (проступки). То есть запускаемая архетипом вины программа побуждает субъекта выстроить для объяснения произошедшей неприятности (беды) такой нарратив, в дискурсе которого он ответственен за случившееся.

Задаваемый архетипом вины паттерн осмысления любого неблагоприятного события включает в себя следующие этапы.

1. Сначала это событие воспринимается как наказание, свидетельствующее о ранее совершённом субъектом «неправильном» действии или намерении.

2. Если для субъекта не очевидно, какое именно «неправильное действие» манифестируется данным нежелательным происшествием, архетипическая программа активизирует поиск собственно *вины* – совершённых (или якобы совершённых) субъектом действий или намерений, ставших причиной «наказания». Этот поиск протекает в *теневой зоне* психики, во взаимодействии между сознательно конструируемыми и бессознательно действующими программами. В результате такого взаимодействия возникают *архетипические образы переживаемого события*, из которых и выстраивается «проявляющий вину» нарратив.

Таким образом, архетип вины программирует в сознании протекание спонтанных, зачастую фантастических образов (видений, вещих снов, внутренних голосов и тому подобных явлений психики), которые сообщают субъекту о его (или чьей-то) *ошибке*, а также о действиях, которые необходимо предпринять, чтобы «искупить вину».

3. После того как *вина* заявила о себе в выстроенном нарративе, паттерн исправляющего возникшую неурядицу поведения понуждает раскаяться, продемонстрировать готовность к наказанию и принять его, а затем ожидать прощения и восстановления благополучного течения дел [9].

В соответствии с принципом амбивалентности каждой из этих программ соответствует программа-антипод. Так, архетипической программе страха смерти противостоит программа *любви к жизни*, а программе вины – программа *поиска виноватых* (архетип зла).

Противостоящая страху смерти архетипическая программа любви к жизни внедряет в страдающее сознание нуминозные образы, способствующие переживаниям радости бытия, мистического восторга перед красотой окружающей природы и величием мироздания, сочувствия ко всем формам и проявлениям жизни.

Программа поиска виноватых проецирует в страдающее сознание чувство «уязвлённости злом», заставляющее переключить внимание с событий внутреннего мира на события мира внешнего, т.е. свернуть поиски внутренних причин страдательного состояния и начать поиск причин внешних (внешнего врага). Именно так, как мы помним, обстояло дело с библейским Иовом: когда он не смог

³ Очевидно, именно архетип страха смерти даёт начало буддийской идее «жизнь есть страдание»: всё, что с нами случается в жизни – лишь напоминание о смерти, «ибо оно пройдёт».

обнаружить за собой никакой вины, то в первую очередь стал обвинять в своих страданиях того, чьё главенство над собой до этого безоговорочно признавал и чьи указания так добросовестно и беспрекословно выполнял.

В результате страдающее сознание выстраивает образ порабощённого злом мира и переживает связанные с этим образом чувства несвободы, одиночества, отчуждения. В контексте данного образа любая ситуация, в том числе самая по видимости счастливая, *может восприниматься человеком как зло*, как источник незаслуженного, «неправильного» страдания. Лежащий во зле мир переживается как испорченный, находящийся в неправильном состоянии, из-за чего субъекту приходится заняться поисками объяснения такого неблагоприятия и изобретением технологий позиционирования себя в этом мире (смирения, ухода или конфронтации).

В соответствии с изложенным вырисовывается следующий механизм воздействия страдания на внутренний мир человека и на развитие его личностных качеств.

Обусловленное противоречиями между программами различных уровней страдание становится в психической реальности личности постоянно действующим центром беспокойства, точкой концентрации внимания. Именно постоянно присутствующее в экзистенциальном пространстве личности страдание оказывается предпосылкой зарождения и центром формирования феномена рефлексивного сознания (*страдаю, следовательно, существую!*), осуществляющего и контролирующего процесс разработки неинстинктивных рациональных программ, направленных на изменение наличного положения дел в сторону удаления от страданий.

Само-стоящая, обладающая само-сознанием личность (самость) есть в этом смысле сформировавшаяся во взаимодействии подсознания и сознания субъекта структура, программирующая (упорядочивающая и оптимизирующая) взаимодействие биологических и социальных инстинктов таким образом, чтобы свести к минимуму сумму страданий. Эта программа обнаруживает себя то как звучащий внутри субъекта «голос Бога», то как голос совести, то как голос рассудка, предупреждающий об опасностях, связанных с нарушением запретов на действия, вызывающие одновременный запуск противоречащих друг другу программ.

Выводы

Страдание как социально-антропологический феномен возникает вследствие несбалансированности матричных поведенческих программ коллективного бессознательного и конституируемых личностью индивидуальных поведенческих программ.

Постоянными поставщиками страдания в экзистенциальную реальность человека являются архетипические программы страха смерти и вины. Первая представляет собой нечто вроде программы-вируса, способной проецировать образ смерти на любые жизненные ситуации. Возникновение данной программы в коллективном бес-

сознательном связано с открытием человеком собственной смертности: такое преждевременное знание о неизбежной кончине воспринимается бессознательным как неустранимая угроза, на защиту от которой оно мобилизует все имеющиеся резервы. В результате работы данной программы человек утрачивает чувство гармонии с окружающим, в его душе поселяется ощущение катастрофичности происходящего, трагической отчуждённости от мира.

Вторая программа, в естественных условиях регулирующая деятельностную активность животного, конституирует в экзистенциальной реальности личности чувство вины за негативное изменение в его жизненной ситуации и организует *проект искупления*, реализация которого должна исправить ситуацию.

Ещё один постоянный источник страдания – столкновение человека с негативными последствиями своей рациональной целеполагающей деятельности, которые он по большей части не в состоянии предвидеть и эффективно разрешать.

Становление и развитие человеческой личности может быть понято как направленный на преодоление страданий процесс взаимодействия и взаимоулучшения инстинктивных, архетипических и рациональных программ восприятия человеческих ситуаций и позиционирования в них. Магистральные направления саморазвития личности задаются базовыми архетипами страдания и их антиподами – бессознательными программами, выстраивающими зеркальные положительные эмоции. Так, пара «*страх смерти – любовь к жизни*» формирует шкалу отрицательных и положительных ценностей бытия, ориентирующую личность на преодоление деструктивного отношения к жизни и культивирование любви к ней и её проявлениям. *Архетипы вины и удаления от зла* формируют вектор, устремляющий личность к развитию нравственных качеств, наличие которых обеспечивает ей контроль над архетипическими программами и, таким образом, защищает от страданий, связанных со спонтанным запуском этих программ и проистекающим из этого экзистенциальным хаосом, превращающим бытие если не в крестную муку, то в повседневную тяжёлую ношу.

Архетип смысла есть программа, мобилизующая индивида на подвиг бытия в несущем страдания, враждебном и жестоком мире. Потребность в такой программе обусловлена, как уже отмечалось, бедственным положением человека во вселенной, которое ему приходится *рационально объяснять, нравственно оправдывать, практически осваивать*.

Собственно говоря, человек как явление цивилизации и культуры начинается именно с постановки вопроса о смысле своего бытия, т. е. о своём предназначении и о причинах своего неблагоприятного положения в мире. *Обрести смысл – значит найти способ противостоять страданию*.

Литература

1. Юнг К. Г. Тавистокские лекции. СПб.: Астер-Х, 2015. 122 с.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1994. 343 с.
3. Грицков Ю. В. Феномен страдания и способы его освоения в культуре: дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2006. 322 с.
4. Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М.: МГУ, 1976. 463 с.
5. Чалидзе В. Иерархический человек. Социобиологические заметки. М.: Терра, 1991. 223 с.
6. Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. С. 81–132.
7. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1995. 320 с.
8. Грицков Ю. В. Львов Д. В. Архетип корпоративности в глобализационном процессе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 71–78.
9. Грицков Ю. В. Вина, свобода и ответственность как экзистенциальные феномены // Инновативность и ответственность: парадигмы преобразований: материалы науч.-практ. симп., 9–10 июля 2012 г. М.: НЕИЭиМО, 2012. С. 17–23.

Suffering as an Ontological Property of the Human ConditionYury V. Gritskov^{a, @}^a Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

@grickov50@mail.ru

Received 16.11.2018. Accepted 22.01.2019.

Abstract: In this article, suffering is considered as 1) a phenomenon of existential reality that results from the interaction of individual consciousness with the collective unconscious; 2) a sociocultural phenomenon that influences the content and character of anthropo-, socio-, and cultural genesis. The author proceeds from the notion of suffering as an unavoidable characteristic of human existence, caused by collisions between inborn unconsciously irrational and culture-generated conceptual and rational behavior programs. Through suffering one experiences one's relationship with the universe and with oneself as unprecedented, dysfunctional, and requiring a radical change: it turns one's being into a problem both for the individual and for others. The author believes that cultural identity of any social community, as well as its viability and historical perspectives, are linked with the local practices of overcoming suffering. The paper covers the key points of the doctoral dissertation "The Phenomenon of Suffering and Ways of its Development in Culture" (2006).

Keywords: archetype, archetypal image, archetypal program, social instinct, fear of death, guilt, meaning

For citation: Gritskov Yu. V. Suffering as an Ontological Property of the Human Condition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 49–54. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-49-54

References

1. Jung C. G. *The Tavistock lectures*. Saint-Petersburg: Aster-X, 2015, 122. (In Russ.)
2. Jung C. G. *Archetype and symbol*. Moscow: Renessans, 1994, 343. (In Russ.)
3. Gritskov Yu. V. *The phenomenon of suffering and ways of its development in culture*. Dr. Philos. Sci. Diss. Omsk, 2006, 322. (In Russ.)
4. Fabri K. E. *Fundamentals of zoopsychology*. Moscow: MGU, 1976, 463. (In Russ.)
5. Chalidze V. *Hierarchical person. Sociobiological notes*. Moscow: Terra, 1991, 223. (In Russ.)
6. Shopengauer A. Death and its relation to the indestructibility of our being. *Selected works*. Moscow: Prosveshchenie, 1992, 81–132. (In Russ.)
7. Jung C. G. *Analytical Psychology. Past and present*. Moscow: Martis, 1995, 320. (In Russ.)
8. Gritskov Yu. V., Lvov D. Archetype of corporativity in globalization process. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science*, 2017, (38): 71–78. (In Russ.)
9. Gritskov Yu. V. Guilt, freedom and responsibility as existential phenomena. *Innovation and responsibility: transformation paradigms*: Proc. Sci.-Prac. Symp., July 9–10, 2012. Moscow: NEIEiMO, 2012, 17–23. (In Russ.)

УДК 130.2

Человек как Вечное Дитя

Евгений Ф. Казаков^{a, @, ID}^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ kemcitykazakov@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Поступила в редакцию 19.11.2018. Принята к печати 17.12.2018.

Аннотация: В статье раскрывается проблема метафизики детства, рассматриваемая в контексте поиска человеком идентичности через выявление своей соразмерности миру. Детство рассматривается не столько как стадия взросления, сколько как сущностная характеристика, неотъемлемая от человека на протяжении всего существования как в онтогенезе, так и в филогенезе. Детское органично чувствует себя в эпоху обустроенности, пребывая во Вселенском Доме. Начиная с Нового времени человек живёт в эпоху бесприютности. Он разрушает Дом, сочтя себя Взрослым, способным обойтись без Дома. Адекватные Детско-Родительские отношения человека с миром разрушаются. Отказавшись от Детского, человек не обрёл Взрослое. Перед человеком разверзлись бесконечности, относительно которых он почувствовал себя брошенным, одиноким, крошечным, как никогда. Человек низверг стены Дома, почувствовав себя большим, сильным, самостоятельным Взрослым. В результате навалившегося вдруг на него абсурда, безмерности, незащитности он неожиданно для себя опять очнулся Ребёнком. Взрослость (точнее подростковый бунт) проявилась только в способности разрушить старый Дом; неведение, инфантильность – в непонимании необходимости и неспособности построить новый Дом. Человек может представить новый Дом (научная картина мира), но не может жить в нём. Современный человек – это потерянный Ребёнок на развалинах разрушенно-недостроенного Дома. Острейший разрыв между вечной детскостью (своей сущностью) и иллюзией собственной сверхвзрослости (своим квазисуществованием) усиливается тем, что исторический маятник в настоящее время замер на Детскости. Вечная (сущностная) и конкретно-историческая Детскость человека контрарно противостоит репрезентируемому симулякру его сверхвзрослости (что и предстаёт кризисом идентификации). Сквозной для обозначения пути разрешения кризиса идентичности предстаёт широко вошедшая в мировую культуру тема возвращения блудного сына. Адекватный итог этого пути выражен в образе Богородицы с младенцем. Многовековая сопричастность человека этому образу заключается и в том, что он идентифицирует себя с вечным Божественным Ребёнком в родных десницах вечной Божией Матери. В этих Божественных Лицах воплощён метафизический идеал выстраивания гармоничных Детско-Родительских отношений человека с миром.

Ключевые слова: детство, взрослость, родитель, метафизическое, земное, душа, история, отчуждение

Для цитирования: Казаков Е. Ф. Человек как Вечное Дитя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 55–60. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-55-60

*И плаваю везде, малёк блестящий – я
А. Ибрагимов*

Введение

Проблема метафизики детства – это проблема поиска человеком идентичности через выявление своей соразмерности миру. «Я рыдал у моря, оно не переполнилось», – говорится в дзенском коане. Человек и меньше (как капля относительно океана), и равен (как микрокосм макрокосму), и больше мира (неся в себе ту уникальность, которой больше в мире нигде нет). Бог или червь, – так формулирует дилемму соразмерности Г. Державин. Будучи равен миру, и будучи больше мира, и даже будучи «богом», человек тем не менее остаётся Дитём. «Говорить об "открытии" детства – всё равно, что говорить об открытии человека как такового» [1, с. 13].

Детство чаще воспринимается не как самосущий феномен, а через «призму взрослости» [2, с. 3] как беспомощ-

ное, неполноценное состояние, смысл и цель которого – внешние, негативные для него. Детство понимается нередко лишь как стадия взросления человека (человечества) в онтогенезе или филогенезе, как средство, подлежащее полному «отбрасыванию» после его использования [3, с. 40]. Тем самым теряется понимание детства как самоценного явления, как сущего, как важнейшей онтической характеристики, неотъемлемой от человека на протяжении всего его существования.

Одним из зачинателей метафизики детства был Гераклит: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки. Царство над миром принадлежит ребёнку» [4, с. 178]. Если время способно стареть, то вневременная вечность всегда юна. Вечность – это Ребёнок, а Ребёнок – это вечность. Человек – это *вечное дитя*,

рождённое *дитём вечности*. Философское видение детства нашло выражение в творчестве Платона, Аристотеля, Эпикура, Августина Блаженного, М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, А. Белого, В. В. Зеньковского, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, А. Г. Платонова, Ж.-П. Сартра.

Детское как сущность человека

Детское определяется через соотнесение со своей противоположностью – Взрослостью. Взрослое есть ставшая, зрелая, оформленная ступень развития. Одним из критериев вступления на неё является обретение способности быть Родителем (не просто продуцировать подобное себе, а возвращать его, нести за него ответственность, вплоть до самопожертвования).

Метафизическое Взрослое несёт в себе такие качества, как разум, деятельную мощь, свободу и власть. Оно сфокусировано в образе Бога и, например, в христианской традиции неотделимо от Родительского, несущего в себе любовь, сострадание, милосердие и жертвенность. *Метафизическое Родительское* несёт в себе ответственность, заботу обо Всём: не только о ближнем, но и о дальнем (вплоть до любви к врагу), о природе, всех живых существах, планете, мироздании. *Метафизическое Взросло-Родительское на земле* наиболее полно выражается в жизни святых и праведников.

Земная Взрослость выражается через расчётливость (стремление к пользе, выгоде), активность (целеустремлённость), свободу, силу и власть. *Земное Родительское* выражается в рождении, возвращении потомства (прежде всего своего), заботе, ответственности за его жизнь. В отличие от метафизической нераздельности Взрослого и Родительского, на земле первое может существовать обособленно от второго, представляя самодостаточным, самоценным.

Метафизическое Детское выражается в таких качествах, как искренность (откровенность), невинность (неспособность на зло, незапамятность), миролюбивость (терпимость, способность прощать), чувствительность (вплоть до отторжения) к несправедливости и лжи, сострадание любому живому существу. *Земная Детскость* выражается в слабости (беззащитности), несамостоятельности, малом знании (понимании) и умении.

Детство неизбежно, как неизбежны, с одной стороны, человеческая чистота и возвышенность, с другой – непонимание и бесчувствие. Сократ утверждал, что зло – от невежества [5, с. 96]. Но разве невежество не от незнания, наивности и инфантильности (безответственности)? Подобное читаем и в Библии: «помышление сердца человеческого – зло от юности его»¹; «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят»². *Невежество ума* заключается в неспособности просчитать разрушительные последствия (в том числе и для себя самого) дурного проступка (видится лишь ближайшая его выгода). *Невежество души*

выражается в неспособности почувствовать свою собственную боль, приносимую другому существу. Но ведь неведение онтически свойственно именно неразвитой природе ребёнка.

Неслучайно святые (олицетворяющие *метафизическое Взросло-Родительское на земле*) в один голос называют себя грешниками, чувствуя неизбежность расстояния между собой (своей метафизической родительской взрослостью) и всесовершенной Родительской Взрослостью Бога, относительно которой и святые – дети. Эту антинормичность природы человека (он одновременно и дитя, и не дитя) почувствовал Аврелий Августин: «Младенчество не исчезло... и всё-таки, его уже не было» [6, с. 29].

Неизбежность детства выражается и в том, что Старик как итог жизни возвращается (впадает) в Детство (*старый, что малый*). И Взрослость тоже есть Детство – ушедшее в основание, отвергнутое (преданное), отчуждённое, забытое. Это стремление *казаться* Взрослым, но не *быть* им. Мотив ребенка «репрезентирует *аспект детства коллективной души*» [7, с. 21], в связи с чем можно говорить об «*архетипической непродолимости детства*» [1, с. 28].

Невозможно дать завершённое раз и навсегда определение человека, потому что не завершён сам человек. Человек – существо не ставшее, а становящееся. В этом смысле вся история человека – ещё предыстория. Человек – «мост», «путь», а не итог [8, с. 36]. Но ведь именно ребёнок – «путь» [1, с. 186]. Вечная неопределённость человека и объясняется тем, что он – Вечное Дитя (*относительно Бога, вселенной, природы, вечности, законов мироздания, самого себя, ставшего «богом»*). А дитя потому и дитя, что замысел, заложенный в нём, далеко не очевиден, сущность не оформлена, а значит и не может быть отчётливо выражена.

Кроме *вечно возвращения* к вечному Богу в человеческой истории происходит и *вечное возвращение к вечному Ребёнку*. Исторический маятник (в большей степени истории Запада) качается от Детского к Взрослому и обратно (с разной силой и периодичностью), придавая истории циклический характер. Каждый раз, возвращаясь к Детскому, человек приносит с собой важный (как положительный, так и в ещё большей степени отрицательный) опыт. В результате происходит восхождение на новую ступень неизбежной Детскости. А если данная ступень существенно отличается от предыдущей, то это и рождает иллюзию-искусение считать её Взрослостью.

В филогенезе человек пребывает в состоянии Вечного Детства (имеющего бесконечное множество остановок в пути). В онтогенезе человек может считать себя Взрослым (*сверхчеловек, человекобог*), бунтуя, с одной стороны, против своей Детскости (родовой сущности); с другой – против метафизической (подлинной) Родительской Взрослости (бунт против Бога). Здесь Взрослость предстаёт

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Междунар. издат. центр православной литературы, 1994. С. 18.

² Там же, с. 107.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-55-60

в своей отчужденности как симулякр. В онтогенезе человек может приблизиться к метафизической Взрослости (*святой, праведник, богочеловек*) насколько это возможно для человека (в этом случае человеческая Взрослость предстает в своей подлинности).

Детское комфортно, защищено, предсказуемо чувствует себя в «эпоху обустроенности» [9, с. 171], пребывая во Вселенском Доме. Все древние культуры и создают такой Дом из обычаев, традиций, мифов и религий. Детское пребывает (вращается) в прочном, уютном Родительском Доме. В «эпохи обустроенности» между человеком и миром складываются адекватные Детско-Родительские отношения. В Новое время человек живёт в эпоху неприютности. Он разрушает Дом, сочтя себя Взрослым, способным без Дома обойтись (или построить свой собственный Дом, или самому стать Домом). Адекватные Детско-Родительские отношения человека с миром разрушаются.

Отказавшись от Детского, человек не обрёл Взрослое. Перестав быть Ребёнком и не став Взрослым (отказавшись от своей сущности и не обретя чужую сущность), человек стал *Ничто* (меж Ребёнком и не-Ребёнком). Маятник от Детского к Взрослому – это движение от потенциального Всё к актуальному Ничто. Вечная историческая дилемма человека – или Детское или Ничто (паскалевское: человек – «середина между всё и ничто»). Дом редуцируется со вселенских масштабов до родственно-семейных (*мой дом – моя крепость*) и индивидуальных (*атомизация* превращает семью в три одиночества, когда я сам себе дом).

Вся история человека – стремление к Взрослости, средством достижения чего служит обретение свободы. Ступени обретения Взрослости: освобождение от природной зависимости, от «деспотического» государства, от прошлого (традиций, обычаев, культурной памяти), от Бога, от другого человека, от самого себя. Вся история – это попытка избыть, забыть свою Детскость, бунт против неё. Бунт против *своего* Детского и идентификация себя с *не-своим* Взрослым (симулякром *своего* Взрослого) – отличительная особенность подростка. Со всей очевидностью этот бунт развёртывается с Нового времени (ростки появляются раньше). Исключение – традиционный Восток, для которого не отторжение от Мирового Родительского Целого, а слиянность с Ним предстает традиционным культурным приоритетом.

Прошлое, вселенная, природа, патерналистское государство, традиционные ценности, Бог умерли. Во второй половине XX в. человек обрёл ту ступень взросления, которой у него никогда в истории не было. Достигается свобода от всего, в том числе и от самого себя (освобождение от *своей* сущности, пленённость её *не-своим* существованием). Результатами этого стали острое переживание *своей* отдалённости, частичности, несчастности, незащитности, сиротства. Взрослый – блудный сын, забывший Родительское, порвавший пуповину, связующую с ним. Потеря Детскости – это потеря *своей* соразмерности миру, соразмерности себе самому (*своей*

сущности). Потеря Детского как *своей* сущности есть рассуцивание, расчеловечивание. Начинается «бегство от свободы» [10, с. 67–68], т. е. бегство от Взрослости.

Бунт против Родительско-Взрослого предстает нередко как единственный путь к Нему. Надо потерять (природе, прошлому, Богу, себя), чтобы обрести, выстрадав возвращение как единственное спасение. Будущее человека – это возврат к своей Детскости, в новое Детство (впитавшее обретенный опыт взросления), в *моё* взрослое детство, где обретается новая старая соразмерность миру. Отголоски этой интенции слышны в призывах даосизма, христианства вернуться к Дао, Богу; Ж.-Ж. Руссо – назад к природе (точнее было бы сказать вперёд к природе); в сквозной для мировой культуры теме возвращения блудного сына. В идее будущего как нового средневековья [11, с. 260] присутствует в том числе интенция к восстановлению новых адекватных Детско-Родительских отношений с миром.

Человек многовекторен, в нём можно выделить проявления и «детского, и родительского, и взрослого» [12, с. 45–46]. В нём есть наивный, чистый (одновременно капризный и эгоистичный) Ребёнок; амбиционный бунтующий Подросток; ищущий пути вхождения в мир Юноша; полный сил, деятельный Взрослый; заботящийся о Другом (природе, Боге, человеке) не менее чем о себе Другой; умудрённый опытом, уставший Старик. Многовекторность человека гетерохронна, может иметь разные исторические доминанты (адекватно или отчуждённо проявляя тем не менее его неизбывную Детскую сущность).

Исторический маятник ещё больше качнулся в сторону непризнанной Детскости. Границы бытия раздвинулись настолько, что растаяли, утонули во тьме. Перед человеком разверзлись бесконечности, относительно которых он почувствовал себя брошенным, одиноким, крошечным как никогда. *Чем больше открывается бесконечность, тем меньше становится человек. Он такой маленький, что сам себя порой не видит (нульмерный человек).* Жизнь предстает как диалог одной малости с другой, как отсутствие диалога (даже с самим собой), как отсутствие монолога. Непроговоренное, неотрефлексированное, спонтанное действие (действие в чистом виде) свойственно именно ребёнку.

Человек низверг стены Дома, почувствовав себя большим, сильным, самостоятельным Взрослым. В результате навалившегося вдруг на него абсурда, безмерности, незащитности он неожиданно для себя опять очнулся Ребёнком. И вот результат: *Ребёнок есть, а Дома нет.* Драматизм существования современного человека обострился до крайней степени. Взрослость (точнее подростковый бунт) проявилась только в способности разрушить старый Дом; неведение, инфантильность – в непонимании необходимости и неспособности построить новый Дом. Взрослый человек довольно самодостаточен и силён, он может прожить какое-то время вне Дома, в голой вселенской степи; может сам стать Домом для себя. Ребёнок же слаб и незащитен и не способен построить новый Дом. Современный человек – это потерянный Ребёнок

на развалинах разрушенного-недостроенного Дома. Современная культура – экзистенциальный крик о всеобщей бесприютности Взрослого Дитя.

Человек может помыслить новый Дом (научная картина мира), но не может жить в нём. Антропный принцип (в том числе) предполагает, что вселенная формируется именно таковой, чтобы быть Домом, в котором мог бы родиться, жить и познавать человек. Но в отличие от христианского антропный Дом не наполнен любовью, справедливостью, милосердием и бессмертием, поэтому в нём холодно, темно и страшно. Мысль может «свернуть» бесконечность, но не может «свернуть» страх перед бесконечностью [13, с. 112].

Дом олицетворяет защищённость, предсказуемость, упорядоченность жизни человека. Разрушение Дома – следствие хаоса, обуславливающего новый хаос. Хаос нарастает в отношениях с природой, в междивизиционных, межличностных отношениях. Импульсивное, сумбурное, непредсказуемое, не желающее (и не могущее) вписываться в правила и нормы, больше характерно именно для Детского (точнее подросткового: бунт против отцовского порядка, стремление, самоутверждаясь, репрезентировать себя через великий отказ, состязание, доминирование). Эта тенденция проявляется и в нарастании хаоса *внутри* (доходящего до театра абсурда в сознании). Сознание современного человека не просто клипово-мозаичное, оно – эклектичная сумма пазлов (как и сознание ребёнка), не складывающихся в единую (мировоззренческую) картину.

Неотрефлексированное, импульсивное, бессознательное (Оно) [14, с. 74] выплёскивается за границы рационального; безрассудность человека (в отношениях с природой и друг с другом) слишком уж очевидна. Бессознательное, действующее по принципу хочу, дай (любимые глаголы ребёнка), выражает именно детское начало. Оно направлено на получение наслаждения (принцип удовольствия), что соответствует гедонистической направленности современной культуры. Развёртывается тенденция к безоценочному (до / после моральному) сознанию; а именно ребёнок и является тем *святым*, который не различает добро и зло. Происходит смазывание гендерной идентичности, нарастание андрогенности (до / после гендерной идентичности), что присуще именно маленькому ребёнку. Развитие процесса глобализации выражает тенденцию движения к новому синкретизму, в определённой степени возвращающемуся к синкретизму «детства человечества» (соотносящемуся со слитностью ребёнка с миром в начале онтогенеза).

У современного человека «*существование* впереди *сущности*» (Ж.-П. Сартр), т. е. как у Ребёнка: *существование* (уже) *есть*, а (оформленной) *сущности* (ещё) *нет*. Современный человек, как и Ребёнок, больше растворён в настоящем и самом ближайшем будущем. Настоящее для него самоценно; будущее и прошлое (особенно далёкое) тают в тумане. *Игра как онтическая характеристика Детского перестает быть только развлечением и обучением, превращаясь в сущностную характеристику человека*

вообще (шекспировское «жизнь – театр» звучит сейчас как нельзя более актуально).

Критерий родительского – чувство соучастия, ответственности (вины) за себя, другого (не только ближнего, но и дальнего), за страну, природу, планету, вселенную. Максима этой ответственности выражена Ф. М. Достоевским (*все виноваты во всём*) и В. С. Высоцким (*я всю скорбь скорблю мировой*). Дефицит сострадания-ответственности – один из главных симптомов «детской болезни» современного человека.

Нынешнее репрезентируемое состояние человека – Взрослость – идентифицируется с интенцией властвовать над природными, божественными и человеческими законами. Человек предстал в своих глазах как всезнающий и всеповелевающий Господин, как Закон над Законом, как не только «царь природы», а Царь Всего («Историю Всего» [15] может написать только постигший Всё). Но границы человека не равны границам вселенной, а равны границам его желаний, переходящих частенько в капризы (*мои капризы – моя вселенная*). Оценивая себя как *Взрословечество*, человечество является, на самом деле, *Детством*. Острейший разрыв между желаемым и действительным, между *казаться* и *быть*; вечной детскостью (своей сущностью) и иллюзией собственной сверхвзрослости (своим квазисуществованием) усиливается тем, что исторический маятник в настоящее время замер на Детскости. Вечная (сущностная) и конкретно-историческая Детскость человека контрарно противостоит репрезентируемому симулякру его сверхвзрослости (что и предстаёт кризисом идентификации).

Кризис идентификации выражается в самомнении, самопревознесении, гордыне (высокомерный взгляд на природу, историю, Бога, дальнего и ближнего), взваливании на себя той ноши власти-свободы, которую человек нести не в состоянии. Апофеозом его явилось утверждение, что «Бог умер» (оборотной стороной чего было явное или скрытое занятие места Бога). Сверхчеловек Ф. Ницше (для которого «Бог умер») страдает «синдромом Взрослости», точнее Сверхвзрослости (на уровне массовой культуры эту линию продолжает вереница суперменов). Если надо мной нет Взрослого-Родителя, то значит, всё дозволено (Ф. М. Достоевский: *если Бога нет, значит всё дозволено*). А если всё дозволено, то значит, что я сам – «бог» (*король умер, да здравствует король*).

Заключение

Так или иначе, кризис идентичности рефлексирован, и предпринимаются попытки его разрешения. Синдром Питера Пена – это неадекватная идентификация себя с ребёнком, т. к. здесь происходит впадение взрослого (не старика) в детство, заключающееся в возвращении к инфантильности ребёнка, а не к его святости. Выражена тенденция и выстраивания адекватных сыновних отношений с Матушкой Природой. «А природа, она всё куда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакой человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это – царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так

разумным же будь, не вгоняй в гроб мамоньку»³. Сквозной для обозначения *пути* разрешения кризиса идентичности предстаёт широко вошедшая в мировую культуру тема возвращения блудного сына (нашедшая, например, выражение в одноимённой картине Рембрандта; фильме А. Тарковского «Солярис», созданном по роману С. Лема).

Адекватный итог этого пути (представляющий возвращением к началу) выражен также в архетипическом образе Богородицы с младенцем. Многовековая сопричастность человека этому образу заключается и в том, что он идентифицирует себя с вечным Божественным Ребёнком в родных десницах вечной Божией Матери (архетип Божественного ребёнка, по К. Юнгу, архетипичен для всего культурогенеза) [8, с. 211]. Образ Божественного Дитя

и Божественной Матери соединяются в нераздельное самодостаточное целое (Мате-Сын), в котором слиты метафизическое и физическое, настоящее и будущее, временное и вечное. В этих Божественных Лицах воплощён метафизический идеал выстраивания гармоничных Детско-Родительских отношений человека с миром.

В словах Христа – «Будьте как дети»⁴ – можно услышать призыв не просто «оправдать детство» [16, с. 23], а преодолеть отчуждённость своего (взрослого) существования от (вечно детской) сущности; предвещающий грядущий переход человечества от *псевдо-Взрословечества* (с апофеозом в рациоцентризме) – к *Детствовечеству* [17, с. 56], выстраивающему адекватные Детско-Родительские отношения с миром.

Литература

1. Нефёдова Л. К. Онтологическая семантика образов детства. Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2005. 194 с.
2. Удалых Е. Ю. Образы детства в русской культуре и философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2012. 25 с.
3. Батищев Г. С. Непреходящие ценности сокровенного детства // Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 38–44.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
6. Аврелий Августин. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 376 с.
7. Юнг К. Г. Божественный ребёнок. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Азбука, 2012. 352 с.
9. Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 592 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. 288 с.
11. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
12. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Бомбора, 2013. 576 с.
13. Паскаль Б. Мысли. М.: АСТ, 2011. 240 с.
14. Фрейд З. Я и Оно. М.: АСТ, 2018. 160 с.
15. Тайсон Н. Д., Голдсмит Д. История всего. 14 миллиардов лет космической эволюции. СПб.: Питер, 2016. 352 с.
16. Кислов А. Г. Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. 165 с.
17. Казаков Е. Ф. Сердцеанин. Кемерово: КемГУ, 2011. 303 с.

Humanity, or Childhood Forever

Evgenii F. Kazakov ^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ kemcitykazakov@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Received 19.11.2018. Accepted 17.12.2018.

Abstract: The article deals with the problem of metaphysics of childhood, which is considered in the context of the search for human identity, through the identification of its proportionality to the world. Childhood is considered not so much as a stage of growing up, but as an essential characteristic of man, integral to him throughout the existence of both ontogenesis and phylogenesis. Children feel organically in the "era of equipment", staying in the Universal House. Since Modern times, people live in the "era of homelessness." He destroys the House, considering himself an Adult, able to do without a House.

³ Васильев Б. А. Не стреляйте в белых лебедях. М.: АСТ, 2017. С. 113.

⁴ Библия... С. 213.

Adequate Parent-Child relationships with the world are destroyed. Abandoning the Child, man did not become an Adult but faced infinity of loneliness and insignificance. Man overthrew the walls of the House, feeling a big, strong, and independent Adult. Facing the absurd immensity of helplessness, he suddenly woke up a Baby again. "Adulthood" (more precisely, "teenage revolt") was manifested only in the ability to destroy the old House; ignorance, immaturity was manifested as a lack of understanding of the need and inability to build a new Home. A person can found a new House (scientific picture of the world), but cannot live in it. The modern man is a lost Child on the ruins of a destroyed and unfinished House. The largest gap between the eternal childishness (its essence) and the illusion of its own super-adulthood (its quasi-existence) is amplified by the fact that the "historical pendulum", at present, "froze" on Childishness. The eternal (essential) and specific historical Childishness of man is opposed to the simulacrum his super-adulthood (which appears as a crisis of identification). The theme of "the return of the Prodigal Son", which is widely included in the world culture, appears to denote the way of resolving the identity crisis. An adequate the end of this path is expressed in the image of Madonna and Child. The centuries-old involvement of man in this image lies in the fact that he identifies himself with the eternal Divine Child in the native hands of the eternal Mother of God. These Divine Faces embody the metaphysical ideal of building a harmonious Child-Parent relationship between man and the world.

Keywords: childhood, adulthood, parent, metaphysical, earthly, soul, history, alienation

For citation: Kazakov E. F. Humanity, or Childhood Forever. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 55–60. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-55-60

References

1. Nefedova L. K. *Ontological semantics of childhood images*. Omsk: Izd-vo Om. gos. ped. un-ta, 2005, 194. (In Russ.)
2. Udalykh E. Iu. *Images of childhood in Russian culture and philosophy*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Belgorod, 2012, 25. (In Russ.)
3. Batishchev G. S. *The permanent values of the secret childhood. Introduction to the dialectic of creativity*. Saint-Petersburg: Izd-vo RKhGI, 1997, 38–44. (In Russ.)
4. *Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From the epic theocosmogony to the emergence of atomism*, comp. Lebedev A. V. Moscow: Nauka, 1989, 576. (In Russ.)
5. Diogenes Laërtius. *About the life, teachings and sayings of famous philosophers*, transl. Gasparov M. L. Moscow: Mysl', 1986, 571. (In Russ.)
6. Aurelius Augustinus. *Confession*. Saint-Petersburg: Nauka, 2013, 376. (In Russ.)
7. Jung C. G. *The Divine Child*. Moscow: Olimp; AST-LTD, 1997, 400. (In Russ.)
8. Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra*. Moscow: Azbuka, 2012, 352. (In Russ.)
9. Buber M. *Two images of faith*. Moscow: AST, 1999, 592. (In Russ.)
10. Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow: AST, 2009, 288. (In Russ.)
11. Eko U. The Middle Ages have already begun. *Inostrannaia literatura*, 1994, (4): 258–267. (In Russ.)
12. Berne E. Games that people play. *People who play games*. Moscow: Bombora, 2013, 576. (In Russ.)
13. Paskal B. *Thoughts*. Moscow: AST, 2011, 240. (In Russ.)
14. Freud S. *Ego and Id*. Moscow: AST, 2018, 160. (In Russ.)
15. Tyson N. D., Goldsmith D. *History of everything. 14 billion years of cosmic evolution*. Saint-Petersburg: Piter, 2016, 352. (In Russ.)
16. Kislov A. G. *Justification of childhood: from morals to law*. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU, 2002, 165. (In Russ.)
17. Kazakov E. F. *Serditseanin*. Kemerovo: KemGU, 2011, 303. (In Russ.)

УДК 167.7

Идеализированный объект теории и ее логика: модель взаимосвязи*Владимир И. Красиков ^{a, @, ID}^a Всероссийский государственный университет юстиции, 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, кор. 1[@] KrasVladIv@gmail.com^{ID} <http://www.researcherid.com/rid/Y-8080-2018>

Поступила в редакцию 14.02.2019. Принята к печати 11.03.2019.

Аннотация: В статье исследуется соотношение между двумя уровнями теории: исходной теоретической основой и ее логикой. Характеризуются три возможных состояния исходной теоретической основы: потенциальное, состояние гипотезы и состояние актуального формообразования. Полагаем, что эти состояния различаются между собой степенью внутренней корреляции ингредиентов, которая зависит от активности исследовательского разума. Дается попытка определения онтологической дислокации исходной теоретической основой. В ходе анализа историко-философской литературы выявились следующие характерные позиции по этой теме: объективный идеализм, репрезентативизм, праксеологический априоризм, праксеологический субъективизм и культурологический трансцендентализм. Сопоставив эти позиции, каждая из которых имеет свою аргументацию и рациональные основания, мы останавливаемся на последней из них.

В соответствии с поставленной задачей рассматриваются возможные механизмы эпистемологического генезиса идеализированного объекта теории из потенциальной исходной теоретической основы, а именно выбор, изобретение и перенос. В свою очередь методологический уровень теории понимается в виде множества ее интерпретаций: в практическом опыте, семантике и духовно-теоретическом пространстве.

Определены основные формы взаимодействия исходной теоретической основы и логики теории. Во-первых, ученые изначально и зачастую безотчетно формируют общее потенциальное пространство исходной теоретической основы – посредством методологических операций идеализаций, конструирования и гипотетического ввода. Во-вторых, теоретики, целенаправленно создавшие развитую теорию, концептуализируют и соответствующие ей специфические методы – через эмпирическую проекцию теории, с помощью введения определений некоторых терминов теоретического языка в терминах эмпирического языка и наоборот.

Резюмируется, что оформленные в концептуальные каркасы исходные теоретические основания являются предписаниями научной деятельности и операторами рефлексивных актов над ней. Соответственно, мы утверждаем, что рациональность есть постоянный поиск пропорции и равновесия между постулируемым порядком (онтологической схемой) и порядком суждений о нем (методологией).

Ключевые слова: исходная теоретическая основа, логика теории, методология, модель реальности, объективный идеализм, репрезентативизм, праксеологический априоризм, праксеологический субъективизм, культурологический трансцендентализм

Для цитирования: Красиков В. И. Идеализированный объект теории и ее логика: модель взаимосвязи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 61–69. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-61-69

Введение в проблему исследования

Уже довольно хорошо известно, что мы создаем теории или же общие, краткие и содержательно емкие объяснения для понимания, контроля и предвидения в изменениях своего жизненного контекста. В основе же всего этого лежат картина и метод: как мы интерпретируем мир и как представляем (себе же) итоги подобной интерпретации.

Задачей данной статьи является исследование взаимосвязи между двумя уровнями теории: исходной теоретической основой (далее ИТО), или множеством первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализирован-

ный объект теории, и логикой теории (далее ЛТ), или множеством допустимых в рамках теории правил вывода и доказательства.

Разумеется, в современной философии науки имеются авторитетные работы, обсуждающие подобную тему, на которые опирается и данное исследование, однако в литературе отсутствует фокусированно целостное рассмотрение соотношения именно этих уровней и схематизация (модель) как его итог.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00075.

Постановка проблемы

Что означает построение модели чего-либо изучаемого? Как нам представляется, это значит эксплицировать его основные структурные составляющие, охарактеризовать его онтологическую дислокацию и механизм эпистемологического генезиса, показать основные взаимодействия, посредством которых осуществляются формы взаимоотношения основных элементов, т. е. собственно и раскрыть тем самым их *качество*, предложить вариант авторской интерпретации сути изучаемого.

Толкование ИТО в соответствующей отечественной литературе довольно плюралистично. Ее называют «идеализированными объектами, абстрактными моделями» [1]; «первичными идеальными объектами» [2]; «теоретическими объектами, теоретическими схемами» [3]; «ненаблюдаемым типом содержания физического знания» [4]; «идеальной моделью реальности, встроенной в структуру теории» [5] и др. Возникает впечатление, что говорят хотя и об одном, но находящемся в разных состояниях.

С одной стороны, подобное обилие довольно сходных в общем-то терминов говорит, вероятно, о препарадигмальном состоянии изысканий в этой области¹. С другой же стороны, в подобном терминологическом диапазоне присутствуют большие содержательные созвучия. Все согласны с тем, что ИТО представляет собой итог интенсивных операций абстрагирования, идеализации, конструирования, интуитивного схватывания. И хотя содержание ИТО *далеко отстоит* от чувственного опыта и жизненного мира, являясь ярким образчиком сверхэмпирического, тем не менее успешно *замещает* собой – в сознании специалистов познания – тот или иной реальный сектор действительности, а то и всю ее в целом.

Однако само это конвенциональное содержание еще довольно смутно и мало определено в отношении многих подразумеваемых важных вопрошаний относительно ИТО. Действительно, как бы ее не называть, надо все же сначала установить, что это такое – по виду и по сути.

По виду означает установление состава определяемого: каковы его основные ингредиенты и состав?

Проблема структуры ИТО

Для начала необходимо установить содержательные объемы используемых здесь понятий: ИТО и идеализированный объект теории. Эти объемы операциональны, т. е. зависимы от контекста и цели употребления. В самом общем виде, т. е. по отношению к характеристике одной (какой-либо конкретной) теории, их содержание совпадает, ИТО конкретной теории образует такой конкретный *рисунок* своих ингредиентов, что представляет именно описание изучаемой реальности или же *целокупный* идеализированный объект конкретной теории. Это уже *модель*

реальности, ее теоретическая схема или зрелая сформировавшаяся ИТО. Так, собственно, мы ее и понимаем. Вместе с тем нам необходимо разобраться и с этими понятиями по отдельности.

Будучи взяты в качестве отдельных самостоятельных понятий, они будут иметь разное содержание, по крайней мере, судя по имеющимся в литературе характеристикам.

Идеализированных объектов², или объектов, составляющих объем понятия, полученного в результате акта идеализации [6], в науке довольно много. Принято выделять два основных их типа: абстрактные объекты и конструкторы [7].

Абстрактные объекты представляют собой итог идеализации некоторых вполне реальных аналогов: идеальные газы, материальные точки, инерция, абсолютное пространство и время, бесконечно большая скорость, абсолютно упругая жидкость, абсолютно черное тело, абсолютно изолированная термодинамическая система, математический маятник, линия, плоскость, числа, бесконечно малая величина, актуальные бесконечные множества, бесконечно удаленная плоскость, бесконечно удаленная прямая и т. п. [8].

Конструкторы фиксируют ненаблюдаемые сущности, т. е. не даны нам непосредственно чувственно. В то же время они имеют онтологические соотношения: поле, элементарные частицы, гравитация, векторы электрической или магнитной напряженности, структуры химических соединений, гены и пр.

Таким образом, употребление понятия *идеализированный объект* в качестве обозначения, так сказать, *отдельных специфических* онтологических сущностей отличимо от его применения для целокупной характеристики изучаемой реальности в какой-либо теории. И будучи взятыми в качестве идеализированных конкретных сущностей, их можно назвать своего рода *простейшими составляющими* ИТО.

Вообще ИТО в качестве отдельного самостоятельного образования предстает содержательно весьма обширной категорией, куда включаются самые разные, в том числе и *идеализированные объекты* как своего рода *первичные термины*. Соответственно, мы увидим здесь целую иерархию усложняющихся сущностей: от простейших (идеализированных объектов – онтологических констатаций) до сложносоставных идей.

Так, *аксиомы (допущения, постулаты)* могут рассматриваться, в свою очередь, как скрытые определения первичных терминов [9].

Несомненно, к ИТО как таковой должен быть отнесен самый общий мыслительный инвентарь, который имеет, по всей видимости, априорный характер. Это основоположения, содержащие «в себе основания для других суждений, но сами они не имеют своего основания в высших и более общих законах» [10, с. 228]. Речь идет о 4 группах

¹ Хотя в последние два десятилетия наибольшее, можно сказать, уже почти *парадигмальное*, влияние начинает приобретать интерпретация В. С. Степина.

² Также часто употребляют «идеальные» как синоним.

категорий рассудка: качества (реальность, отрицание, ограничение); количества (единство, множество, цельность); отношения (причина и следствие, взаимодействие, субстанция и принадлежность) и модальности (существование и несуществование, необходимость и случайность, возможность и невозможность).

Наконец, это предположения о сущности исследуемой реальности, *фундаментальные идеи* о ее структуре. Еще их называют философскими основаниями науки. Это ключевые высказывания типа: «Числа – сущность вещей» (Пифагор); «Числа существуют объективно» (Платон); «Аксиомы евклидовой геометрии – интуитивно очевидны» (Аристотель); «Пространство и время в физике это отдельные субстанции» (Ньютон); «Научные законы – детерминистичны» (Лаплас); «Законы микромира – индетерминистичны» (Бор); «Пространство и время в физике – не субстанциональны, а атрибутивны и относительны» (Эйнштейн); «Распространение энергии квантами – свидетельство дискретной структуры мира» (Гейзенберг) и т.п. [11, с. 73–74].

Динамика ИТО

Насколько и как связаны друг с другом эти многочисленные элементы ИТО?

Трудности в их понимании, похоже, вызваны отсутствием необходимого различения ее (ИТО) возможных состояний. Исследователи говорят просто о качественно разных ИТО, зачастую не отдавая себе в этом отчет. Мы предлагаем выделять три ее возможных состояния: потенциальное, состояние гипотезы и состояние теории (актуального формообразования). Они отличимы мерой внутренней корреляции ингредиентов, которая вносит активностью исследовательского разума.

Потенциально все эти понятия, категории и идеи находимы в континууме научного знания, его *специализированной части*, которая часто обозначается в философии науки как метатеоретический уровень научного знания (общенаучного знания и философских оснований науки), куда включаются общенаучная картина мира; общенаучные методологические, логические и аксиологические принципы [11, с. 70].

Задача научной профессиональной социализации и заключается в интериоризации и освоении будущим ученым основного содержания подобного континуума. Потом они латентно присутствуют, прежде всего, в поисковой профессиональной научной деятельности, так же как подобное неявное знание языка, правил общежития и пр. базисно-органично инкорпорировано в любом нашем жизненном акте. Однако, как правило, они присутствуют именно в качестве незримого фона и контекста, но не входят в состав собственно конкретных ИТО.

Подборку необходимых, востребованных решаемой проблемой или же поставленной задачей ингредиентов обширного общенаучного и научно-философского континуума для последующих теоретических построений можно назвать *гипотетическим* состоянием ИТО, кото-

рая существенно сужается, однако еще достаточно объемна. Сюда включается все, что имеет как прямое, так и косвенное отношение к разъяснению имеющейся проблемы или же к реализации поставленной задачи.

И уже *реальное конструирование лимитирует актуальный вид* ИТО, или скорее концептуальный каркас, для формирующейся конкретной теории. Действительно, новый теоретик приступает к созданию своей теории, имея перед собой как четкую вереницу предшествующих теорий и традиций, так и некий мало определенный массив, из которого он исходит и конструирует свое. Здесь идет *завязь*, это тот *хаос*, из которого и возникают *структуры*, есть *питательный бульон* роста. Разумеется, возможны две разные ситуации: строится новая глобальная теория, тогда вряд ли теоретик будет осознанно исходить из предшествующей дискредитированной, однако, если создаваемая теория еще мыслится как частный случай имеющейся и еще не вызывающей недоверия общей (парадигмы), то здесь ИТО будет иметь вид научной картины мира, как о том говорит В. С. Степин.

Таким образом, сама ИТО как бы *движется* – в формообразующем усилии исследовательского разума – от простых объектов и конструкторов до модели реальности, концептуального каркаса.

Проблема онтологической локализации ИТО

Теперь попытаемся выяснить, чем является ИТО *по сути*, откуда берется сверхэмпирическое содержание в голове индивида, существует ли подобное в каком-то общем мыслительном пространстве или, суммативно, каков онтологический статус ИТО?

Анализ соответствующей литературы позволил выявить следующие характерные позиции на сей счет.

Объективный идеализм: Платон заложил традицию понимания нашего мысленного содержания как репрезентации вневременных и внепространственных сущностей особого нематериального мира, существующего наряду с материальным. Э. Гуссерль обозначал это *мировым горизонтом интенциональности*, или в современном духе его можно было бы назвать *мировым концептуальным каркасом*, определяющим формат существования теорий, абстракций и доказательств. Именно там и существуют исходные фундаментальные очевидно-необсуждаемые понятия, конституирующие теоретическую и эмпирическую предметность нашего познания [12, с. 272]. Позиция традиционно привлекательна именно своим объективизмом, гарантирующим приобщение к действительным космологическим универсалиям и санкционирующим истинность понимания сущего. Но, как и в случае с Богом, в этот мир нет свободного рационального доступа и нет возможностей его интересубъективного исследования, тем более верификации получаемых результатов.

Репрезентативизм (другая почтенная традиция): все наше мысленное содержание, в том числе и ее наиболее абстрактная часть, происходит посредством активно-деятельностного отражения. По сути – это есть мысленные

образы-понятия, знаки, существующие в сознании людей (индивидуальном, групповом, общественном), имеющие представительские отношения к обозначаемым материальным вещам, либо наиболее общим свойствам реального мира. Это весьма правдоподобная позиция, очень понятная и близкая здравому смыслу, однако она абстрактна, ибо предполагает некое фронтальное, открытое и по большей мере однозначное отношение между системой обозначений и миром вещей, подразумевающее также возможность нахождения в конце концов единственного и общего для всех людей образа мира. В ином случае, т. е. если мы допустим имманентные различия в познавательных возможностях (в зависимости от индивидуальных, групповых, культурных особенностей), тогда релевантность нашего познания именно как отражения ставится под большой вопрос.

Праксеологический априоризм: понятия, абстрактные объекты, категории – это акты мысленного конструирования в рамках фундаментальных очевидностей сознания, порожденные деятельностью, но не зависящие от опыта [13, с. 116, 59]. Это совокупность исторически сложившихся правил оперирования со знаками³, программ, реализующихся на постоянно меняющемся материале. Особенность теоретических понятий и абстрактных объектов, в отличие от знаков обыденного языка, состоит в том, что они являются оперативными системами, своего рода *конструкторами*, состоящими из исходных элементов, связанных определенными операциями, позволяющими создавать из исходных все новые и новые объекты [14]. Позиция довольно интересна: наше *видовое физиологическое априори* восприятия и мысли эволюционно настроено на успешное выживание в земных условиях, потому может самосовершенствоваться без прямого обращения к опыту. Это объясняет самодостаточность и внутреннюю потенциальную творческую безграничность в конструировании *миров и образов*. Однако, как представляется, в этой версии понимания онтологического статуса сверхэмпирического содержания сознания игнорируется, по сути, конкретная культур-субъектность любой формы нашей жизни, в том числе и научной. Хотя *история* и учитывается, однако ее *деятель* понимается абстрактно-монологично, вероятно, как человечество в целом.

Субъектность приобретает, однако, несколько гипертрофированно-плюралистичные формы в другой, сходной позиции, которую можно назвать *праксеологическим субъективизмом*. Здесь идеальные объекты – это полезные фикции, вводимые символы, придуманные детали и базовые элементы для составления мировоззренческих и профессионально-игровых пазлов⁴. Они являются

одновременно итогами и условиями идеалистических игр (специфических форм деятельности) многочисленных субкультур-сообществ. Абстрактные объекты – форма осознания определенных программ познавательной деятельности или вообще деятельности. К примеру, как в шахматах *понятия* ферзя или пешки представляют собой не что иное, как некий способ ввода, определения, конвенции в отношении *онтологического* описания этих фигур, задают их *способ существования* в нашем мире [15, с. 41]. Соответственно, мир шахматистов именно как шахматистов построен во многом на своей специфической ИТО, фундаментом которой выступают абстрактные объекты и набор разрешенных и допускаемых отношений между ними. Об этой версии понимания можно сказать следующее: если радикальный субъективизм (релятивизм и плюрализм) приемлем и даже приветствуем в творческой деятельности искусства и, может быть, отчасти и в философии, то в отношении деятельности научной он должен быть существенно лимитирован. Субъектное разнообразие в человеческой деятельности и познании несомненно присутствует, однако оно все же перекрывается в целом универсализмом и общей унификацией, которые только и создают созидательную синергию научного познания и преобразования реальности. Только так возможны видовая общность и единство. Тем самым мы подходим к позиции, синтетично объединяющей представленные выше взгляды.

Культурологический трансцендентализм: абстрактные объекты интерпретируются как специальный вид социально-культурно-исторических объектов. Это такие же культурные идеи, наподобие других, будь то литературные персонажи или же религиозные концепции [16, с. 45]. Они конструируются, являясь итогом многократных предшествующих абстрагирований и идеализаций, вначале без отчетно, потом с возрастающей степенью рефлексивности, разными группами специалистов. Они востребованы для нужд жизненной, профессиональной ориентации в мире, решения своих проблем – в качестве опорных значимостей своих картин мира, становясь по мере роста авторитета и значимости групп специалистов и общим достоянием обыденного массового сознания (мнения). По сути – они идеи широчайшей степени общности, ментального обеспечения культуры, сцепленной с той частью окружающей нас земной реальности, которая и составляет вкуче *антропореальность* или *наш символический мир*⁵. Как и мысли вообще, части ИТО существуют реально-онтологически каждый раз в индивидуальных головах (и только), но из-за запознания длящихся, социально и культурно, согласований и синхронизаций – в группах, субкультурах – они

³ Имеющих вместе с тем интенционально-априорное происхождение.

⁴ В том числе логических, математических, научных – возможных миров, универсумов.

⁵ Бессознательно созданный (объективированный-опредмеченный) нами как видом в ходе предшествующей истории, который мы же затем и познаем-распредмечиваем. Нетрудно заметить, что это, по сути, неокантианская позиция, проинтерпретированная еще и в культур-центристском духе, где субъект развития – культурно (многообразно) прогрессирующая антропосфера.

приобретают вид самостоятельных ментальных образований (онтологически самостоятельных сознаний групп, субкультур, сообществ, общества). Эта вера-предрассудок, будучи доведена до логического своего завершения, приобретает вполне платонистский вид. Кратко говоря, это человеческое изобретение, но имеющее частичную, исторически изменчивую онтологическую легитимизацию – посредством демонстрируемой прагматичной культурной эффективности.

Особенности эпистемологического генезиса ИТО

Выявив наиболее вероятную онтологическую дислокацию ИТО, рассмотрим особенности ее эпистемологического генезиса – в виде идеализированного объекта какой-либо конкретной теории.

Как бы *исходно*, т.е. чисто условно, вначале надо бы было каждый раз создавать первичные элементы ИТО. Однако в реальной практике познания современный теоретик всегда уже имеет перед собой огромные пространства готовой концептуальной информации. Как же можно представить себе в этих условиях взаимодействие деятельного научного разума с подобными пространствами – в реализации задачи оформления специфически-авторской ИТО?

Специальная литература и умозрительные рассуждения предлагают несколько путей форматирования ИТО как концептуального каркаса теории – из потенциального (и промежуточно-гипотетического) состояния имеющих множество абстрактных объектов, конструкторов, аксиом, категорий и фундаментальных идей, наличествующих в интертеоретическом пространстве. Полученные концептуальные сценарии лишь затем сопоставляются с релевантной частью новой эмпирической информации – для создания полезной видности *вывода из опыта* – для последующих задач продвижения этих сценариев-теорий в научном сообществе. Итак, каковы же эти пути?

Выбор, отчасти рациональный, отчасти интуитивный – подходящего в интертеоретическом пространстве, когда набор абстрактных объектов, конструкторов, аксиом, категорий и идей, находящихся в состоянии *вещи-в-себе*⁶, извлекается вниманием данного создателя теории, обрабатывается, концептуально отшлифовывается в нужном направлении и превращается уже в содержательно обозримые термины, *вещи-для-коллег*, образующие понятный концептуальный рисунок.

Изобретение (конструирование) новых идеализаций, предположений, связанных с данными опыта, но не зависящих от них и принимаемых на пробу как возможное руководство к дальнейшим предположениям. Они также есть свернутые планы действий и осуществляемых изменений в сочетании с опытом, ожидаемым в связи с этими изменениями, а новые понятия синонимичны соот-

ветствующему множеству операций, которые предстоит проделать или которые уже проделаны.

Перенос абстрактных объектов, полученных в других областях теоретического знания, в виде гипотез – в новые области, интерпретация их в новой сетке отношений, в ходе которой они наделяются новыми признаками [3, с. 100].

Научную теорию можно уподобить своего рода *машине* по производству знания [17], а инструменты, нормы, стандарты по *эксплуатированию* подобной машины – есть совокупность правил, называемых методом. В каких условиях и каким образом будет работать *машина*, зависит от того, какова она по своим характеристикам и как эти характеристики себя проявят в разных контекстах. В нашем случае *машина* – это ИТО (идеализированный объект теории), оформленная в виде некоей конкретной модели реальности, теоретической схемы, концептуального каркаса и т.п. В таком случае под методологическим уровнем теории понимается множество ее интерпретаций в разных средах: опыта, логики, семантики, междисциплинарном и духовно-теоретическом пространствах. Другими словами, как она будет проявлять себя в этих разных контекстах. Естественно, что ученый, создавший свою теорию, занимается и ее адаптацией – через нахождение правил соответствия или условий приложимости теоретического содержания в указанных средах. Таким образом, множество интерпретаций теории и есть ее методология.

Разумеется, правила соответствия не нужно вновь и вновь изобретать каждому ученому. Они уже когда-то были созданы и передаются от поколения к поколению в виде познавательных идеалов и норм: объяснения и описания, доказательности и обоснованности, построения и организации знаний. Вкупе они образуют своеобразную схему метода исследовательской деятельности, которая обеспечивает освоение объектов определенного типа [18, с. 243].

Общепризнанно, что основная интерпретация, которая формирует ЛТ – эмпирическая, в которой некоторые термины теории связываются с определенными процедурами измерения и приобретают особый характер величин. Термины теории обретают связь с опытными данными, а уравнения теории становятся высказываниями об объективных законах природы [18, с. 230].

Итак, прояснено в обозначенных рамках общее происхождение, содержание и состав двух основополагающих уровней теории: ИТО в форме идеализированного объекта и ЛТ. Теперь, следуя далее поставленной задаче, нам нужно определить основные формы их взаимодействия-взаимоопределяемости. Уже достаточно хорошо известно, что основу определенных стилей мышления составляют базовые (базисные) модели мира и его познания, а истинно научный метод – это теория в действии [19], но только ли этим исчерпывается подобное взаимодействие?

⁶ Речь идет о имманентной многозначности общенаучных, философских понятий и категорий.

Основные формы взаимодействия-взаимоопределяемости ИТО и ЛТ

Если мы расширим контекст рассмотрения взаимодействия, включив в него не только статичный аспект уже готовой теории, но и динамику ее формирования и эволюции, то сможем обнаружить и другие интересные формы. И в фокусе внимания оказывается воистину главное, постоянно дрящущее событие в теоретическом мире – активный конструирующий разум, являющийся потоком инициирования взаимных превращений онтологических полаганий-устанавливаний и гносеолого-методологических усилий.

Так, с одной стороны, умение теоретиков пользоваться методами высокоразвитого культивируемого мышления – при наличии соответствующего потенциала воображения – только и способно создать общее потенциальное пространство ИТО, т.е. именно логика изначально формирует его.

В первую очередь это идеализация как мысленный переход от наблюдаемых свойств эмпирических объектов к предельным логически возможным значениям их интенсивности. Также это метод конструирования идеальных объектов из эмпирических с помощью добавления к последним таких новых свойств, которые делают идеальные объекты принципиально ненаблюдаемыми и потому органичными элементами мышления. Наконец, это гипотетический ввод тех идеальных объектов, которые необходимы для решения теоретических и логических проблем [11, с. 65].

С другой стороны, уже развитая, т.е. сформированная под решение конкретных проблем и целей ИТО создает *под себя* специфические методы – через свою эмпирическую проекцию (интерпретацию) с помощью введения определений некоторых терминов теоретического языка в терминах эмпирического языка и наоборот. Речь идет об *интерпретационных* определениях, имеющих инструментальный характер, призванных связывать теорию с опытом.

Учитывая столь сильную взаимообусловленность ИТО (идеализированного объекта теории) и ЛТ, правомерно ли использование методологии, полученной в специфической онтологической ситуации, в других предметных областях? Ответ, по-видимому, будет двойственен или диалектичен.

Ожидаемо, что специфика исследуемых объектов определяет и характер соответствующих идеалов и норм в той или иной дисциплине. Они выражают определенный образ познавательной деятельности, представление об обязательных процедурах, которые обеспечивают постижение истины и обладают соответствующей социокультурной размерностью. Большинство наук обладает своим познавательным инвентарем, или, так сказать, «ткет» свою «сетку метода» (А. Эддингтон), чьи ячейки соразмерны лишь определенным объектам, и ее использование приведет лишь к тиражированию уже найденных ранее образов [18, с. 247, 250].

Вместе с тем в массовой повседневной практике нормальной науки возникает явление типизации и массиви-

зации методологии. Складывается мнение, что методы построения научных теорий относительно независимы от исследуемых объектов и определяются ими лишь частично, т.е. как бы берешь инструкцию по эксплуатации той или иной «научной машины» (А. Ракитов) и применяешь в общем виде – ведь и другие науки тоже ведь машины, значит имеются некие родственно применимые принципы.

Так, физические теории строятся при помощи трех основных методов: симметрий, математической гипотезы и мысленного эксперимента. Математика и логика используют в своей *строительной практике* также три общие методики: математическую индукцию, формализацию и аксиоматический метод. Вдобавок естествознание широко применяет генетически-конструктивный и дедуктивно-аксиоматический методы [20, с. 50]. Причем отсутствует жесткая привязка разных методов построения научных теорий к определенным областям науки (естествознанию, математике, социальным или же техническим наукам). Одни и те же методы могут применяться в самых разных областях Большой науки [21, с. 82]. Вероятно, все же речь идет здесь о самых абстрактных формах понятия *метод*, точно так же как мы показали ранее, ИТО может интерпретироваться и в потенциально-абстрактном виде – как существующий общенаучный контекст и как актуально сформированная ИТО (в виде идеализированного объекта той или иной конкретной теории).

Заключение

Важность, можно сказать *субстанциальность*, ИТО в том, что это (идеализированный объект, схема) и есть ее реальная *онтология*, фон, определяющий события, которые на нем осуществляются. Это концептуальные каркасы, несущие основы, организующие то или иное сознание – в его воззрении-понимании окружающего, понятно, что они объективируются, объявляются *сутью мира самого по себе*. Потому онтологии и понимаются описанием того, что есть, реально же они каждый раз оказываются предельной структуризацией-схематизацией того, как данный субъект представляет себе *обстояние дел*. Разумеется, сами подобные категориальные структуры генетически связаны с практикой, повседневностью, многократными предшествующими опытами абстрагирования и идеализаций – вещей, явлений, процессов, т.е. за ними все же всегда стоят материальный мир и чувственная очевидность в историко-генетическом плане. Понятно, что они имеют место быть – в виде наиболее простых и непротиворечивых суждений о реальности – эмпирических фактов. Дальнейшая их генерализация и комбинирование в невероятные теоретические пазлы, это уже другая история, они – уже самородки конструктивизма автономного группового научного-математического сознания [22, с. 161]. Потом категориальные структуры транслируются либо в виде традиций, либо в виде перечней конструкторов при крахе традиций.

Концептуальные каркасы или сформированные и организованные ИТО являются предписаниями научной деятельности, операторами рефлексивных актов над ней, возникшими вне сферы самой науки и до ее институционализации как своеобразные предварительные условия ее самоорганизации. Эти принципы не выводятся из самой научной практики и их смысловые пределы, как справедливо подчеркнул А. Н. Уайтхед [23, с. 282], невозможно

адекватно определить, если оставаться только в их границах, не выходить за их рамки, не выходить в сферу принципов более общего характера. Рациональность в этой связи представляет собой ориентацию на поиск пропорции, равновесия между постулируемым порядком (онтологической схемой) и порядком суждений о нем (методологией).

Литература

1. Кузнецов И. В. Избранные труды по методологии физики. М.: Наука, 1975. 296 с.
2. Липкин А. И. О месте моделей в современной физике // Философия науки. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. С. 40–47.
3. Степин В. С. Становление научной теории. Мн.: Изд-во БГУ, 1976. 320 с.
4. Алексеев И. С. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики. М.: Руссо, 1995. 528 с.
5. Мамчур Е. А. Анализ структуры научного знания в отечественной философии науки: 60–90 гг. // Философия естествознания: ретроспективный взгляд / отв. ред. Ю. В. Сачков. М.: ИФ РАН, 2000. Режим доступа: http://society.roblu.ru/sachkov_philo/ch08_i.html (дата обращения: 21.04.2018).
6. Субботин А. Л. Идеализированный объект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. Режим доступа: <https://iphras.ru/page21070618.htm#> (дата обращения: 21.04.2018).
7. Ледников Е. Е. Проблема конструкторов в анализе научных теорий. Киев: Наукова думка, 1969. 146 с.
8. Lebedev S. A. The Justification Problem of Scientific Theories // Вопросы философии и психологии. 2016. Т. 7. № 1. С. 20–28.
9. Баженов Л. Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М.: Наука, 1978. 232 с.
10. Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
11. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62–75.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 752 с.
13. Перминов В. Я. Априорность математики // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 103–117.
14. Пушкарев Ю. В. Способ бытия и процессы формирования математических объектов: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2005. 182 с.
15. Розов М. А. О природе идеальных объектов науки // Философия науки. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 40–51.
16. Целищев В. В. Философия математики. Новосибирск: Наука, 2002. Ч. 1. 212 с.
17. Ракитов А. И. Философские проблемы науки. Системный подход. М.: Мысль, 1977. 270 с.
18. Степин В. С. Основания науки // Теоретическое знание. М.: ИФ РАН, 2000. С. 184–292.
19. Сачков Ю. В. Научный метод: базовые компоненты и современные особенности // Vox. Философский журнал. 2011. № 11. С. 139–179. Режим доступа: <https://vox-journal.org/html/issues/166/177> (дата обращения: 21.01.2019).
20. Lebedev S. A. The three main methods of constructing physical theories // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2014. № 1. P. 49–61.
21. Lebedev S. A. Axiomatic and genetic-construction methods of theoretical cognition: comparative analysis // European Journal of Philosophical Research. 2015. № 2. P. 72–82. DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.72
22. Куликова О. Б. Генезис объективности как эпистемологической идеи и принципа научного познания // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7. № 2. С. 157–161.
23. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 718 с.

Idealized Subject of Theory and its Logic: Relationship Model*

Vladimir I. Krasikov^{a, @, ID}

^a All-Russian State University of Justice, Building 1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

@ KrasVladIv@gmail.com

ID <http://www.researcherid.com/rid/Y-8080-2018>

Received 14.02.2019. Accepted 11.03.2019.

Abstract: The paper explores the relationship between two levels of theory, i.e. its initial theoretical basis and its logic. The author describes three possible states of the initial theoretical basis: the potential, the state of the hypothesis, and the formation state. These states presumably differ in the degree of internal correlation of ingredients, which depends on the activity of the researcher's mind.

The author tries to determine the ontological location of the original theoretical basis. An analysis of historical and philosophical literature revealed the following characteristic positions, i.e. objective idealism, representationism, praxeological apriorism, praxeological subjectivism, and culturological transcendentalism. Each of the positions has its own argument and rational grounds. After a brief comparison, the author focuses on the last one. He analyses the possible mechanisms of the epistemological genesis of the idealized subject of theory from a potential initial theoretical basis, i.e. choice, invention, and transfer.

In this paper, the methodological level of theory is understood as a set of its interpretations, i.e. in practical experience, semantics, and spiritual-theoretical space.

Then the author identifies the main forms of interaction of the initial theoretical framework and the logic of theory. First, scientists, often unaccountably, shape the potential space of the original theoretical basis through the methodological operations of idealizations, design, and hypothetical input. In addition, theorists, who purposefully develop a theory, conceptualize the corresponding specific methods through the empirical projection of the theory, by introducing definitions of certain terms of the theoretical language in terms of the empirical language and vice versa.

Finally, the author summarizes that the initial theoretical foundations formed into conceptual frameworks are prescriptions of scientific activity and operators of reflexive acts. Thus, rationality is a constant search for proportion and equilibrium between the postulated order (the ontological scheme) and the order of judgments about it (the methodology).

Keywords: initial theoretical basis, theory logic, methodology, model of reality, objective idealism, representationalism, praxeological apriorism, praxeological subjectivism, culturological transcendentalism

For citation: Krasikov V. I. Idealized Subject of Theory and its Logic: Relationship Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 61–69. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-61-69

References

1. Kuznetsov I. V. *Selected works on the methodology of physics*. Moscow: Nauka, 1975, 296. (In Russ.)
2. Lipkin A. I. On the place of models in modern physics. *Philosophy of Science*. Moscow: IF RAN, 2000, iss. 6, 40–47. (In Russ.)
3. Stepin V. S. *Formation of scientific theory*. Minsk: Izd-vo BGU, 1976, 320. (In Russ.)
4. Alekseev I. S. Activity concept of cognition and reality. *Selected works on the methodology and history of physics*. Moscow: Russo, 1995, 528. (In Russ.)
5. Mamchur E. A. Analysis of the structure of scientific knowledge in the national philosophy of science: 60–90s. *Philosophy of natural science: a retrospective view*, ed. Sachkov Yu. V. Moscow: IF RAN, 2000. Available at: http://society.polbu.ru/sachkov_philo/ch08_i.html (accessed 21.04.2018). (In Russ.)
6. Subbotin A. L. Idealized object. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, ed. Kasavin I. T. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiia", 2009. Available at: <https://iphras.ru/page21070618.htm#> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)
7. Lednikov E. E. *The problem of constructs in the analysis of scientific theories*. Kiev: Naukova Dumka, 1969, 146. (In Russ.)
8. Lebedev S. A. The justification problem of scientific theories. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 2016, 7(1): 20–28. (In Russ.)
9. Bazhenov L. B. *The structure and functions of the natural science theory*. Moscow: Nauka, 1978, 232. (In Russ.)
10. Kant I. *Collected Works*. Moscow: Mysl', 1964, vol. 3, 799. (In Russ.)
11. Lebedev S. A. Levels of scientific knowledge. *Voprosy filosofii*, 2010, (1): 62–75. (In Russ.)
12. Husserl E. *Logical Studies. Cartesian reflections*. Minsk: Kharvest; Moscow: AsT, 2000, 752. (In Russ.)

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-011-00075.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-61-69

13. Perminov V. Ia. Apriority of Mathematic. *Voprosy filosofii*, 2005, (3): 103–117. (In Russ.)
14. Pushkarev Yu. V. *Way of being and the processes of formation of mathematical objects*. Diss. Cand. Philos. Sci. Novosibirsk, 2005, 182. (In Russ.)
15. Rozov M. A. On the nature of ideal objects of science. *Philosophy of Science*. Moscow: IF RAN, 1998, iss. 4, 40–51. (In Russ.)
16. Tselishchev V. V. *Philosophy of mathematics*. Novosibirsk: Nauka, 2002, part 1, 212. (In Russ.)
17. Rakitov A. I. *Philosophical problems of science. Systems approach*. Moscow: Mysl', 1977, 270. (In Russ.)
18. Stepin V. S. *Theoretical knowledge*. Moscow: IF RAN, 2000, 184–292. (In Russ.)
19. Sachkov Yu. V. The scientific method: basic components and modern features. *Vox. Philosophical Journal*, 2011, (11): 139–179. Available at: <https://vox-journal.org/html/issues/166/177> (accessed 01.01.2019). (In Russ.)
20. Lebedev S. A. The Three Main Methods of Constructing Physical Theories. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*, 2014, (1): 49–61. (In Russ.)
21. Lebedev S. A. Axiomatic and genetic-construction methods of theoretical cognition: comparative analysis. *European Journal of Philosophical Research*, 2015, (2): 72–82. (In Russ.) DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.72
22. Kulikova O. B. Genesis of objectivity as an epistemological idea and the principle of scientific knowledge. *Izvestia Vuzov. Series: Gumanitarnye naiki (Humanities)*, 2016, 7(2): 157–161. (In Russ.)
23. Whitehead A. N. *Selected works on philosophy*. Moscow: Progress, 1990, 718. (In Russ.)

УДК 130.2

Анализ чистого сознания как коррелят расширенной познавательной перспективы

Владимир Е. Семёнов^{а, @}^а Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ kemcitysemenov@mail.ru

Поступила в редакцию 25.11.2018. Принята к печати 22.01.2019.

Аннотация: *Введение.* Предпринимается попытка строгого исследования гуссерлианской философии познания для выявления на основе собственных размышлений не просто подлинного фундаментального ядра чистого сознания, а *динамической экзистенции* в рамках того пласта, куда мы попадаем при свершении феноменологической редукции. Для более объёмного понимания созерцаемых феноменов мы обозначили их как феномены-сущие. Это было сделано исходя из того, что интенция имеет дело не просто с идеальными данностями, но с сущим в полном смысле этого слова. В качестве *методологической основы* взято положение феноменологической теории чистого сознания Э. Гуссерля о том, что наш привычный повседневный опыт может быть подвержен редукции вплоть до открытия пласта чистых, априорных познавательных процессов. Сама же априорность познания взята нами из размышлений И. Канта о трансцендентальной эстетике и основоположениях чистого рассудка.

Результаты. Только благодаря выявлению скрытых возможностей чистого сознания путём анализа мы вправе утверждать, что даже в таком феноменологическом пласте, где исключена любая волевая произвольность, находится структура, или же своеобразная оформленная временем интеллектуализация.

Заключение. Полагаем, что половинчатое видение сознания как просто интенционального сущего ведёт к негативному упрощению субъекта познания. Новая, расширенная модель феноменально-экзистенциального сознания, предложенная в данной статье, показала, что разложение основных атрибутов чистого сознания имеет расширенную познавательную перспективу уже таких феноменов-сущих, которые не схватываемы простой и однобокой гуссерлианской интенцией, а напротив того, открываются ещё более сложные по своей комплектации феномены-сущие.

Ключевые слова: Эго, интенциональность, конституция, внутреннее время, гносеология, экзистенция, свобода, динамика, апперцепция, ноэма, ноэзис, феномены-сущие

Для цитирования: Семёнов В. Е. Анализ чистого сознания как коррелят расширенной познавательной перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 70–79. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-70-79

Введение

Мир как объективная понятность сопровождает повседневную жизнь каждого человека. Понятность воспринимаемых вещей не даёт усомниться в наших знаниях, т. к. эти знания являются не критичным следствием предварительного опытного накопления истинного знания за счёт всё более и более повторяющегося на практике подтверждения того, что узнаешь в процессе общения, мышления, приспособления и т. д. Некритичность повседневности выражается в том, что понятность всегда обладает естественностью, т. е. тем, что не требует разбирательства относительно себя. Однако, ставя под вопрос то, что и так казалось естественно, мы тем самым расшатываем уже давно закреплённое в опыте привычное восприятие мира. В истории философии такая попытка была сделана Р. Декартом, поставившим всё, что он знал, под радикальное сомнение, чтобы впоследствии вывести из этого то, что истинно само по себе. Несколькими столетиями позже подобную попытку произвёл создатель феноменологии Э. Гуссерль, включив в обиход философской мысли

идею феноменологической редукции к тому пласту знаний, которые считаются неизбежными.

Данное исследование имеет под собой каркас феноменологии в её классическом гносеологическом варианте, такой, какой её создал Э. Гуссерль. Мы должны вслед за этим философом внедриться мысленным взором в чистое сознание и посмотреть с позиции повседневного опыта на то, какие фундаментальные атрибуты чистого сознания откроются нам в результате феноменологической редукции, чтобы определить, какие именно априорные знания влияют на наш повседневный опыт [1, с. 57]. И это сопутствует нашей задаче, т. к. позволяет, во-первых, выявить собственные критические замечания, во-вторых, значительно расширить на основе этих замечаний основные аспекты его мыслей, а в некоторых ситуациях и вовсе преобразовать, ведь анализ сможет нам дать более расширенную перспективу столкновения с феноменами-сущими. Э. Гуссерль смотрел таким взором только на первых порах своих исследований. Впоследствии он попросту не покидал возникшего пласта феноменов, заняв тем самым позицию

чистого наблюдателя. Не стоит забывать, что он некоторым образом вскормлен картезианством, а также трансцендентальной философией И. Канта [2, с. 158]. К последнему нас зывают сами страницы его работ, говорящие о той же трансцендентальности, но только в несколько ином варианте. И всё же идеи априорности познания роднят их друг с другом. Мы не намерены заострять внимание на похожести обоих философов, т. к. трансцендентальная перспектива всегда будет считаться коррелятом эффективного феноменологического знания. С другой стороны, трансцендентальность может варьироваться в пределах не только одного лишь познания, но и в пределах экзистенции. Вспомним еще одного из величайших экзистенциальных философов в области феноменологии М. Хайдеггера, который рассуждал о *Dasein*'е как о трансцендентальности с экзистенциальным уклоном [1, с. 424]. Забегая вперёд, отметим, что отсылки к М. Хайдеггеру будут присутствовать на протяжении всей работы, особенно тогда, когда мы будем говорить о личном феноменологически-экзистенциальном пространстве Эго. И это неспроста, потому как личное пространство Эго напоминает антропологическое пространство *вот-бытия* (*Dasein*), но последним в полном смысле не является.

Феноменологическая философия Э. Гуссерля. Критические замечания

В первую очередь изложим общие критические замечания касательно феноменологической философии Э. Гуссерля, поскольку при изучении его творчества можно наткнуться на некоторые несостыковки в плане излишней гиперболы феноменологической материи, идеи первоначальности сознания и закрытия человека в мире смыслов. Следовательно, в рамках данной критики будут выделены два ключевых слова: *обезличивание* и *солипсизм*.

1. Обезличивание выражается в том, что Э. Гуссерль, выделив ядро Я, чья главная функция – объединять всю структуру сознания, всё же опустил это самое Я до уровня простого элемента феноменологической материи как созерцаемое нечто. Иными словами, наше несогласие выражается в том, что те же самые законы, какие используются при созерцании предмета, распространяются и на созерцание другого Я. Следовательно, обезличивание в феноменологии Э. Гуссерля заключается в том, что вместе с конституированием предметов мы можем якобы конституировать и Я другого человека по абсолютно тем же законам. И если в отношении вещей можно сказать: «Да, я конституирую их смысл, как и любой другой человек, потому как смыслы даны в пользование каждому», то сказать то же самое про другого человека значит уже делиться этим человеком, т. е. делиться его Я со всем миром, ибо, говоря о другом, я, таким образом, делаю его содержанием наполнения собственного смысла. И так как я, судящий, являюсь частицей громадного человеческого общества, смысловой объём того, о ком я сужу, будет либо наполняться далее, либо модифицироваться други-

ми судящими о нём людьми. Это значит, что абсолютно устойчивого содержания смысла, т. е. статичного, идентичного видения этого человека нет, т. к. оно синтетически вбирает в себя мнения различного качества. Это можно продемонстрировать на примере межличностной перцепции, когда человек есть то, что о нём думают и как его воспринимают другие люди. Получается, одно Я говорит о другом Я, не зная, какое это Я само по себе, поскольку в данной перцепции может присутствовать субъективная нотка не одного воспринимающего, а нескольких, в связи с чем мнения о данном конкретном лице соединяются, рождая тем самым один огромный смысл (ноэму). Далее сам воспринимающий в той же степени обладает подобным наполненным смыслом себя как результатом восприятия себя окружающими. Следовательно, Я – остаток в результате феноменологической редукции – амбивалентен, т. к. в одно и то же время является достоинством себя и достоинством других судящих об этом Я. Последнее имеет больший вес в отношении сформированного самосознания того, о ком судят, ведь человек в процессе жизнедеятельности в обществе склонен придерживаться мнения большинства, чтобы адаптироваться путём конформизма. Следовательно, в отличие от предмета, созерцание человека приводит к проблеме диффузного смысла, поскольку что-то вполне определённое о человеке сказать сложно, поскольку всегда присутствует выбор, контекст ситуации, личностный рост и т. п. Однако, несмотря на такую проблему, всё же мы можем приблизительно наметить некие сохранённые атрибуты, выявив то общее, что присуще всем восприятиям конкретного лица. А это уже является пусть небольшой, но кристаллизацией статичного в человеке. Но это не решает проблему диффузного смысла, ибо то статичное, что мы получили, является лишь мизерной частью того, кем или чем на самом деле есть конкретное лицо. Следовательно, мы не имеем ни малейшего права выносить какой-либо тезис в отношении чисто созерцаемого человека, потому что Он как подлинность для нас попросту трансцендентен. Единственное разрешение проблемы видится в выявлении других законов созерцания в отношении человека.

Примечательно, что в начале своего творчества Э. Гуссерль не видел в том, что образуется в результате редукции, самого Я. Он говорил, что смысловые переживания по сути своей никому не принадлежат, что они ничьи [3, с. 159]. Это связано с тем, что смыслы существуют вне времени и пространства как некая надъиндивидуальная материя, приобретающая свою форму в процессе конституирования смыслов чистым сознанием. Я временно, значит оно тоже вместе со всеми временными и пространственными вещами естественной установки подлежит редукции, поскольку, занимая позицию чистого постороннего наблюдателя, мы тем самым исключаем всякую волевою произвольность, т. к., попадая в пласт феноменов, сталкиваемся со смысловой материей. Но позже он всё-таки осознал, что без субъективирующего, активного Я возникновение

переживаний было бы невозможно, поскольку их некому было бы переживать. Поэтому Я не устраняется даже после редукции [4, с. 141]. Э. Гуссерль говорит о кристаллизованном Я, сопряжённом с переживанием предмета, но он не усмотрел в этом то, что это самое Я в другой своей ипостаси есть феноменологическая социальность, реализующаяся во множественности. Конечно, когда философ говорит о чистом сознании, он в неосознанной фоновой установке имеет в виду только одно сознание как пример, распространённый на все идентичные сознания. Между тем в нашем понимании Я социализировано и потеряно среди себе подобных. Следовательно, оно не может просто оставаться в рамках наблюдателя. И даже если Я оторвано и одиноко, всё же есть другие, способные это Я воспринять. Это значит, что ноэма тем же сумбурным и половинчатым путём телеологически всё больше создаёт образ другого Я. Более того, когда коррелятивная ноэма операция ноэзиса будет активно подгонять различные образы любого человека под общий знаменатель ноэмы, мы будем иметь дело с непосредственным включением того, о ком судим, к многообразному количеству вещей собственной памяти, которое реализовывает себя в операции ноэзиса. В этом последнем случае присутствует проблема воспроизведения информационных кирпичиков, чтобы смысл (ноэма) вообще осуществлялся. Поэтому отсюда вытекает следующая проблема: если операция ноэзиса без памяти ничто, то каким образом мы можем контролировать свою память после феноменологической редукции, если мы станем, по Э. Гуссерлю, посторонними наблюдателями, для которых, кстати, любая произвольная активность уже есть выдёргивание из пласта феноменов? И если это так, то откуда тогда нам известно, что возникшее переживание является именно отражением трансцендентного по отношению к чистому сознанию предмета, а не просто плодом нашей фантазии, которая может быть и вовсе результатом нашего бессознательного? Впрочем, Э. Гуссерль был так поглощён построением строгой философии, что толком не объяснил, как нам вместо истинного мира не попасть в мир собственных фантазов.

2. Следующее замечание связано с тем, как Э. Гуссерль абсолютизировал сознание. В самом деле, известно, как его противники говорили, что он примкнул к идеологам солипсизма. Утверждение, что именно чистое конституирующее сознание может существовать и без мира, в то время как мир без сознания существовать не смог, т. к. не было бы того, кто мог бы устанавливать смысл вещей, в противном случае, если бы что-то и осталось, то это была бы просто антимодальная субстанция. В подобном отношении мыслила великий немецкий философ А. Шопенгауэр, говоривший в своё время о том, что даже если подвергнется уничтожению всякое представление мира со стороны живого существа, то в таком случае останется только алчущая мировая воля. Далее он говорил, что если бы в мире были только низшие животные, то в зависимости от низших ступеней объективации воли мир был бы аналогичен им или, иначе говоря, ана-

логичен их представлению. Например, мир был бы для этих животных простым раздражением или чувствительностью, но раздражением в своём примитивном «представлении» [5, с. 139]. А вот Э. Гуссерль аргументирует свои мысли исходя из построений чистого сознания. И здесь его мысль непонятна, поскольку не будь мира как первоначала, не было бы и ноэм как произвольности от этого мира. Мы полагаем, что конституция переживаний возможна только относительно объективного мира и без него просто не имеет права на существование, т. к. в самой памяти ничего не было бы.

Очевидно, что Э. Гуссерль был занят только теорией познания, не вдаваясь в подробности самой экзистенции субъекта. И хотя все процессы жизни находятся внутри сознания, в самой жизни всё сложнее. Получается, вся многообразная природа человека в теории смысла Э. Гуссерля сжата до размеров конституирования на все случаи жизни.

Единство и временность сознания

В настоящей статье единство всей структуры сознания выражается за счёт магнитной функции Эго, стремящегося объединить имманентное время в процессе апперцепции в собственном феноменологическом пространстве. За счёт этой силы мы и можем сказать, что сознание обладает единством.

На единство и временность сознания ещё указывал Ф. Brentano, который считал сознание неделимым, внутренне дифференцированным целым, остающимся статичным среди текучести вещей. Но текучесть свойственна и самому сознанию как потоку мыслей, эмоций, впечатлений, поэтому сознание у них ассоциируется с рекой времени. И это неслучайно, ибо временная характеристика присуща всей деятельности сознания [1, с. 158].

В самом деле, если бы сознание не было непрерывным, то как тогда мы смогли бы разглядеть стоящий рядом стол? Ведь мы видим его всегда в некоей одной перспективе каждый раз и уже потом сможем в уме воспроизвести целостный образ стола, соединяя все перспективы вместе. Это было бы невозможно, не будь сознание целостным и временным, т. к. интенция на предмет всегда полагает будущую перспективу наполнения смысла.

Переживаемая нами действительность не стоит на месте – объективно она течёт вперёд. Субъективно происходит то же самое, вот только все моменты времени даны зараз. «Психическое состояние, которое мы называем моей современностью, должно быть одновременно восприятием непосредственно прошлого и наброском непосредственно будущего». Действительное настоящее является дифференцированием прошлого и будущего. Поэтому У. Джеймс называет такую дифференцировку «кажущимся настоящим», имея в виду, что чистого «теперь» никогда не бывает, что «теперь» всегда становится «уже не теперь», меняясь местами с грядущим «ещё не теперь», т. к. поток времени не стоит на месте [цит. по: 1, с. 161].

Общая трансцендентальная перспектива. Феноменологические свойства психики

Трансцендентальность в рамках данной работы коррелятивна структуре чистого сознания. При этом понятие *трансцендентальная апперцепция*, используемое И. Кантом [6, с. 151–157], не фигурирует здесь, т. к. мы полагаем, что ввод такого понятия хотя и не испортил бы целостного содержания статьи, всё же было принято решение использовать её в последующих работах, где структура чистого сознания будет выстроена полностью.

Теперь, когда с критикой покончено, в рамках данной части хотелось бы изложить собственные размышления касательно вскрывшегося феноменологического пласта. Читатель увидит в некоторых местах значительную модификацию прежних установок Э. Гуссерля, а где-то и вовсе новый материал. Я-концепция заменена нами на концепцию юнгианского Эго [7, с. 24–25], т. к., по нашему мнению, оно больше подходит к тому, Кто непосредственно и сам по себе определяется активным и свободным Логосом. Но при всём при этом то Эго, о котором говорил К. Г. Юнг, всё же изменено самим феноменологическим содержанием нашего исследования. Мы, конечно, постарались оставить основные термины классической феноменологии, чтобы оставаться в рамках этой традиции. Однако добавление своих терминов было неизбежно, ведь этого требует сам материал. Итак, давайте теперь дадим основное определение феноменологического Эго.

Эго – это экзистенциально познающее сущее, объединяющее все фундаментальные атрибуты чистого сознания, направленные на познание вещей. Оно представляет собой оторванную точку, ставшую относительно самостоятельной. Способом познания мира для адептов естественной установки является психологическое отражение мира, в котором уже нагромождены сконструированные предметы как некая изначальная данность. Такой способ отличается от трансцендентальности тем, что этот способ не берёт мир в скобки, а напротив, отталкивается от него и базируется на нём. В данной перспективе Эго проявляет себя в социально-завуалированной форме в виде Я-концепции. Поэтому необходимо различать Эго, обитающее в пласте феноменов, и социально обусловленную Я-концепцию.

Я-концепция – это представление человека о себе самом в рамках стандартной триады: то, каким я кажусь себе на самом деле; то, каким я кажусь себе в идеальном образе; то, что думают обо мне другие люди [8, с. 12].

Теперь покажем, какие жизненные свойства приемлемы для Эго, чтобы вообще быть способным к познанию феноменов-сущих.

Апперцепция необходима, с одной стороны, для фундаментального схватывания внутреннего, или, другими словами, имманентного времени, представляющего собой формообразование феноменов, с другой – для постоянного конституирования структуры интенции. Всё это необходимо из-за того, что апперцепция является тем вторым

компонентом направленности сознания, о котором будет сказано ниже.

Последовательность. Поток времени дифференцирован для познающего субъекта естественной установки прошлым, настоящим и будущим. В пласте после феноменологической редукции имманентное время течёт по тому же принципу, но с оговорками на более жёсткую взаимообусловленность и на теперешний момент трёх аспектов времени зараз. Это всё необходимо для единения с непотоплённым феноменом-сущим или содержанием времени. Это означает, что поток феноменов определён потоком времени.

Динамика. Экзистенциальный контекст реализации встречи с феноменами-сущими заставляет Эго образовывать вокруг себя феноменальное пространство. Последнее как раз и даёт нам право говорить об изначальной заброшенности в заранее существующий мир данностей, потому как только в пространстве собственного существования Эго способно производить интенцию на вещи. Следовательно, динамика есть та фундаментальная активность, которая заставляет Эго что-либо познавать за счёт воссоздания собственного феноменального пространства. При этом не стоит забывать, что оно обладает свободой, а значит, в процессе познания могут попадаться случайностные моменты, т. е. такие моменты, которые заставляют Эго проявлять большую активность, например, для того, чтобы адаптироваться к новым условиям. Условия же могут быть самыми различными, начиная от иных феноменов-сущих и заканчивая иной ситуацией познания. Эго является тем сущим, которое окружено всегда и постоянно другими сущими, но различного качества. При этом общий знаменатель всех сущих, какие бы они ни были, заключается в самом *есть*. Сталкиваясь с Эго, они переходят из *бытия для себя* в *бытие для тебя*. И это важно, поскольку свобода невозможна для Эго, если нет феноменов-сущих, которые и позволяют ему осуществлять активность вообще, поскольку в противном случае нельзя было бы понять, свободно ли оно или нет, если бы не было ничего, к чему могла бы быть применена его активность. Свобода представлена как своего рода открытость, позволяющая данностям проникать в пределы личного феноменального пространства Эго. Следовательно, феномены-сущие всегда будут отмечены знаменем феноменологической свободы.

Главные составляющие луча интенции

Интенция является главным средством синтетического единства Эго с феноменами-сущими. В отличие от традиционного интерпретирования этой направленности интенция в данной статье состоит из трёх основных частей, а не как само собой разумеющийся луч.

Фундамент интенции и первая инстанция содержится в самом феноменологическом пространстве, поскольку этого требует сущность Эго, заключающаяся в постоянном смысловом наполнении, переживании, в синтетическом единении себя с феноменом-сущим. И это необходимо, поскольку выше было сказано, что Эго без данностей

в принципе несвободно. Поэтому направлять взор на феномены-сущие – это базис его активной свободы, или его первоначальный *экзистенциал*.

Вторая часть интенции образована внутренним, синтетическим единством трёхмерного времени. Э. Гуссерль называл каждую временную перспективу следующим образом: ретенция (сознание прошлого), импрессия (сознание настоящего), протенция (сознание будущего). Объединённая перспектива времён получается за счёт постоянного объединяющего процесса апперцепции чистого сознания, т. к. воспринять данность значит уже поделиться с ним своим предыдущим опытом, который теперь накладывается на данность. Такое единство времён с необходимостью представляет собою базис для последующих операций чистого сознания по схватыванию данностей [9, с. 172]. Это благодаря собственной динамике синтетически соединяет прошлое, настоящее и будущее, образуя тем самым единый поток времени. Такое происходит предварительно до восприятия феноменов-сущих, ибо время в феноменологической трёхмерной взаимообусловленности есть *первая форма* переживания, а данность есть *содержание* переживания, из-за чего антимодальный хаотичный мир приобретает форму, в которой его атрибуты становятся информационным достоянием чистого сознания. Здесь следует отметить одну из главных вещей, а именно: переживание в таком случае появляется сначала только как единое за счёт всего предшествующего времени зараз, а уже потом соединяется с какой-нибудь отдельной феноменологической перспективой времени или же, напротив, остаётся в прежнем состоянии, но в этом последнем случае возникнет проблема статичного сознания, на котором мы не собираемся заострять внимание. Иначе говоря, начальное переживание смысла должно появиться как удерживающий *фон*, позволяющий последующим операциям уже более адекватно и осмысленно переживать предмет. Например, переживание ретенции (сознание прошлого) может быть в том случае, если удерживается предварительно воссозданный фон переживания в виде формообразующего объединённого трёхмерного времени. Такое устройство фонового переживания позволяет в последующей операции выделять на основе предоставленных Эго данностей какое-то одно синтетическое соотношение двух времён – прошлого и настоящего или настоящего и будущего. При этом следует дополнить, что фон – это всегда именно импрессия (сознание настоящего), на основании которой мы и вправе говорить, что прошлое – именно в прошлом, а будущее – именно в будущем.

Третья инстанция есть *антиципация*, находящаяся на конце интенции. Антиципировать значит подготавливать луч интенции для схватывания данностей не только в настоящем, но и в будущем. Главные составляющие антиципации:

- часть и целое / для восприятия вещей здесь и сейчас, а также для вынесения суждения здесь и сейчас;

- длительность / для ожидания того, что должно случиться в непосредственном или опосредованном будущем.

Антиципировать можно только те данности, с которыми Эго уже сталкивалось, а это значит уже иметь в своём багаже предыдущий опыт применения интенции к возникающему смыслу предмета. Следовательно, приложение к миру основных элементов антиципации не начинается каждый раз с нуля, что говорит о некоем запоминании Эго. В некотором смысле мы имеем здесь дело с подкреплением операций чистого сознания.

Антиципация в контексте части и целого связана с временной перспективой. Например, часть, находящаяся в импрессии, является следствием целого, однако целого, только подразумевающегося в протенции, что говорит о целом как о свершении того, что подразумевается. В этом отношении соединение части и целого будет свершаться путём длительности. Или же напротив, возьмём целое, которое теперь находится в сфере ретенции (сознания прошлого). В последнем случае мы будем иметь операцию, необходимую для большего наполнения информации в настоящем, т. к. непосредственное прошлое является тем условием, при котором настоящее становится более объёмным. Чем лучше (эффективнее) познаётся мир, тем эффективнее работает антиципация как предвосхищение опытных логических операций и в высшей степени может быть необходима для учёного интеллекта, поскольку способствует выявлению потенциальных результатов мышления [10, с. 72–73]. Поэтому следует добавить, что чрезмерно развитая антиципация может быть доминирующим компонентом интуитивного мышления.

Расширенная модель чистого сознания

Всё вышеизложенное даёт нам теперь право утверждать, что расширенная модель чистого сознания, предложенная в данной статье, выявляет больше возможностей для операции ноэзиса. Разберём же эти замечания несколько подробнее.

1. Часть как следствие целого – протенции (сознания будущего). Направлять свой взор в будущее значит ожидать что-либо через временную длительность. Основной временной нерв протенции сохраняется в памяти Эго, давая ему возможность видеть реализацию задачи именно в будущем, а не в настоящем или в прошлом, т. е. предварительно антиципируя. Данные часть и целое – это поток времени настоящего, образованного интенцией в образ будущего. Связь обоих совершается за счёт наложения того, что произойдёт в дальнейшем на теперешнюю временную перспективу. Следовательно, Эго одновременно сосредотачивается на настоящем как на непосредственной наполненности, а также на добавлении причины своей активности, связанной с направленностью в будущее. При этом не стоит ошибочно полагать, что протенция (в данном случае как целое) может быть определена как расширение сознания вплоть до того момента, когда то,

что ожидается, может произойти, т.к. будущее только подразумевается.

2. Часть как следствие целого – ретенции (сознания прошлого). Начнём с примера. Человек, подойдя вплотную, смотрит в упор на красный квадрат. Его внимание сосредоточено на виде красного. Однако если убрать ретенцию, в которой он подходит к этому квадрату, а значит и восприятие окружающего этот квадрат фона, то окажется, что точкой отсчёта его сознания в протенцию будет красное пятно перед его глазами. И если спросить, что он видит, то он ответит, что видит неопределённое красное нечто. Следовательно, ретенция как сознание непосредственного прошлого обладает функцией определения теперешнего положения дел, а именно: она образует ретенциальный фон как наполнитель следующей за ним части – настоящего. Без ретенциального – целого – в импрессии трансцендентные предметы были бы неузнаваемы, а сам ноззис был бы неадекватен.

Другой пример. Группа людей, собравшаяся на автобусной остановке, имеет одинаковую ретенцию приближения автобуса. В данном случае, не зная, когда прибудет автобус, люди формируют в своём сознании статичное прошлое устремлённого неподвижно перетекает в сознание настоящего. Это лучше понимается следующими известными словами ожидания: «Автобус вот-вот должен подойти, вот прямо сейчас уже должен». Этот пример распространяется на любое ожидание. Сознание прошлого играет роль фона для теперешнего сознания настоящего. Первое уже произошло, поэтому к нему не нужно стремиться, а напротив, от него нужно отталкиваться. При этом ретенция – целое – не перетекает в импрессию, в противном случае если бы это было так, то во-первых, всё имманентное время бы распалось, а во-вторых, перетекая так, ретенция как таковая уничтожалась бы каждый раз, не давая должного для неё фона на импрессию.

А теперь давайте рассмотрим ещё один элемент, который, впрочем, уже несколько раз проскальзывал в нашем рассуждении об антиципации. Длительность обнаруживается в постепенном продвижении сознания из настоящего к тому, что оно, собственно, ожидает, априори предполагая последнее целым, а своё продвижение (т.к. время не стоит на месте) – постоянной темпоральной частью этого целого.

В зависимости от того, что составляет часть и что составляет целое, ноззисы делятся на статичные, процессуальные и оценочные.

Статичная нозма характеризуется присутствием одного предмета здесь и сейчас без необходимости для Эго смотреть в будущее.

Процессуальная нозма характеризуется ожиданием, сердцевина которой есть длительность. Последняя может иметь место тогда, когда настоящее определяется целым, т.е. тем, что ожидается, без усмотрения каких-либо предметов или же когда предмет имеет место.

Оценочная нозма наиболее абстрактна, поскольку в ней нет ни длительности, ни объективного восприятия вещей, а напротив, субъективное переживание эмоционального отражения на событие, имеющее этическую силу либо на уровне отдельного индивида, либо на уровне общечеловеческого.

Ощущение пространственности

Часть всегда и постоянно отображает настоящее, реализованное в импрессии. В этом отношении часть всегда зависима от целого. Последнее в свою очередь находится только в будущем или в прошлом. Однако при всём при этом мы не сможем продвинуться вперёд, если не примем во внимание ещё одно определение, дающее возможность нам понять, *посредством чего* Эго вообще способно видеть подразумеваемое будущее и использовать уже прошедшее прошлое в импрессии, т.е. в сознании настоящего. Таким образом, мы должны ввести определение, *ощущение пространственности*. Подобная *пространственность* напоминает то априорное средство созерцания вещей, о котором говорил И. Кант, ссылаясь на то, что субъект познания, прежде чем приступить к аналитическим или синтетическим суждениям благодаря категориям рассудка, должен предварительно иметь наравне с априорным созерцанием времени ещё и априорное созерцание пространства [11, с. 176].

Смыслы, возникающие в переживании, имеют при себе определённую топологию свёрнутых вещей. Иными словами, трансцендентный по отношению к чистому сознанию предмет при его восприятии сворачивает в смысл себя в рамках происходящего интенционального акта. Однако Эго может воспринять не только статичные феномены-сущие, но также и некое статичное их отношение. Одно из подобных отношений мы рассмотрели, когда говорили о части и целом как о первом элементе антиципации. Но в последнем случае они с необходимостью должны соединяться в процессе длительности. И всё же при любом раскладе для того, чтобы вообще воспринимать любые соотношения, нужно ощутить некую пространственную характеристику или же необходимо *ощущение пространственности*, которое в свою очередь определяет положение любых феноменов-сущих друг подле друга в рамках смысла воспринимаемого предмета. При этом *ощущение пространственности* отличается от личного феноменологического пространства Эго.

Основоположения ноззиса

Прежде чем приступить к разбирательству основоположений, хотелось бы сказать об одном важном компоненте чистого гносеологического сознания, введенном Э. Гуссерлем и без которого эти основоположения просто потеряли бы силу. Речь идёт о телеологии обозначающего упорядоченность нозетического мышления вообще, производящей в будущей временной перспективе постепенный баланс между операцией ноззиса и собственно ноззисом для того, чтобы между ними произошло информационное уравнение.

Иными словами, чистое телеологическое сознание с течением времени по частичкам вбирает в себя разобщённую информацию для полного познания какого-либо предмета [9, с. 152]. И это необходимо, т. к. вещь, какая бы объёмная она ни была, в рамках восприятия является только частичным наполнением её собственного смысла (ноэмы).

Хотя телеология и претендует на звание некоторой балансировки расставляющего по своим местам кусочки знания, всё же необходимо сказать о том, какие именно операции ноэзиса она открывает. Таким образом, мы и в этом месте расширим и преобразуем классическую феноменологию Э. Гуссерля. Но заранее следует заметить, что эти операции являются *второй формой* переживания, основанной на *первой форме*, проистекающей из взаимообусловленности трёхмерного времени.

Вторая форма переживания – это общее название для всех алгебраических операций ноэзиса, необходимых для того, чтобы содержание переживания было адекватно дано чистому сознанию. Однако следует напомнить, что мы находимся в феноменологическом пласте смыслов, где собственно присутствует своя логика. Она естественно отличается от формальной логики повседневного опыта, т. к. формальная логика строго оперирует четырьмя основными законами логического мышления: $A=A$, $A\neq\bar{A}$, закон исключённого третьего, закон достаточного основания [12, с. 36]. Эти законы кидают воспринимаемую вещь в жёсткие рамки интеллекта, где происходит постоянная дифференциация по качеству и модальности обобщения. Конечно, что-то подобное есть и в логике чистого сознания, однако вещи там являются достоянием Эго в акте единения его с феноменами-сущими. Дифференциация вещей в чистом сознании является относительной в той мере, в какой это нужно для адекватного восприятия смысла предмета или же его отношения. А теперь давайте рассмотрим основные алгебраические операции ноэзиса.

Сложение – движение во времени последовательно вперёд (рассматривание предмета), производящее суммирование всех переживаний феномена-сущего. Такая операция производит единое настоящее всех частиц того единого смысла предмета, который подлежит наиболее полному пониманию. Сложение как операция ноэзиса своеобразна тем, что имеет при себе сформированные и несформированные гештальты (целостности).

Сформированный гештальт сложения – это память на конкретные атрибуты вещей. Например, человек, видя какую-то часть предмета, знает, что эта самая часть не составляет весь предмет, а является его частью, т. е. он знает, что именно ещё должно быть добавлено для того, чтобы получился целый предмет. Поэтому операция сложения в ноэзисе в данном случае приобретает характер той репродуктивной памяти, какой обладает Эго.

Несформированный гештальт сложения – это первая встреча чистого сознания с какой-либо данностью, имеющей при себе новые атрибуты, в связи с чем происходит

формирование новой целостности на основе телеологического наполнения.

Вычитание при возникающей возможности производит операцию вычитания того, что переживается в ретенции от того, что переживается в импрессии. Ощущение потерянности феномена-сущего (в ретенции) полагает ещё не потерянное настоящее, которое, особо не задерживаясь, всегда переходит в непосредственное прошлое, а это значит, что первоначальный временной элемент вычитания как одной из операций ноэзиса есть протенция, всегда происходящая из пока не реализованного будущего.

Произведение умножает по возможности непосредственные или опосредованные сложения переживаний, подчёркивая ещё раз то, что Эго обладает памятью. В операции произведения всегда присутствуют разрозненные прошлые сложения, каждая из которых обладает своим каким-нибудь временным срезом в общем прошлом. Однако при произведении подобный временной срез, каким бы объёмным он не был, синтетически накладывается на то настоящее, которое совершается *сейчас*. Подобный способ познавательного воспроизведения информационных кирпичиков из прошлого необходим, поскольку способствует познавательному развитию Эго в том плане, что оно будет смотреть на один и тот же смысл предмета по-разному. В противном случае сам процесс познания без такой примеси опытной памяти просто остановился бы на месте. В произведении, как и в предыдущих операциях, присутствует время, без которого подобные операции ноэзиса не смогли бы свершаться.

Деление разлагает сложное переживание на те модальности, какие приемлемы для человека в момент суждения на верхних пластах сознания (формально-логических). Сюда, например, могут входить философия, мораль, политика, история, экономика, психология. При этом стоит заметить, что переживание такого плана должно ещё по каким-то причинам образоваться в сознании. Поэтому следует назвать такие предтечи деления переживания, как определённая историческая эпоха, культурный и политический склад всего общества, темперамент и характер того, кто выносит суждение, личные потребности, личная мотивация, установки, контекст вынесения суждения здесь и сейчас. В делении, как и в предыдущих операциях, присутствует время вместе с чувством пространственности, без которых основоположения ноэзиса не смогли бы свершаться.

Следует сказать, что любое отношение, представленное через данности, как-никак должно в принципе подлечь счёту, т. к. без локализации элементов отношения мы не смогли бы выявить никакую пространственность, т. к. отсутствовала бы наполненность. Следовательно, говоря о любом количестве внутри данности, мы предварительно констатируем смысл числа.

Смысл числа – это составляющая, возникающая из синтеза знания пространственности и имманентного, т. е. внутреннего субъективного времени. Благодаря смыслу числа

динамическое Эго производит *спекуляцию над числами без самих чисел*, ибо при восприятии данностей в виде отношений всегда и постоянно необходима числовая фиксация элементов, входящих в это отношение для того, чтобы ноэма смогла адекватно возникнуть. При этом сама числовая фиксация не есть произвольность, полагающая именно число, нет, фиксация эта подчинена непосредственному видению самой идеи количества, а не самого количества. Само же количество со всей разделённостью и автономностью вещей можно увидеть лишь на верхнем формально-логическом пласте, но не здесь, где царит только *подразумевание* вещей, а не их конечное становление. Поэтому мы и обозначили пространственность именно как знание, а не как то, в чём индивид может функционировать как в некоей данности. Ощущение пространственности не есть само пространство, ровным счётом как и идея количества не есть само количество.

Следующее замечание касается телеологии. И в самом деле, для чего в противном случае нужны все эти описанные выше познавательные способности Эго, если в конце концов нет никакого равенства между тем феноменом-сущим, который предстаёт перед ним трансцендентным по отношению к чистому сознанию предметом? Чистое сознание подчиняется Эго, которое благодаря активности стремится поддерживать свою свободу путём восприятия данностей. При этом экзистенциальный характер Эго не даёт ему полностью удовлетвориться теми данностями, которые он имеет, заставляя его тем самым телеологически проживать всё более и более наполненный смысл (ноэму) предмета, каждый раз модифицируя его. Следовательно, именно телеология создаёт баланс между смыслом предмета и самим предметом как таковым.

До сих пор мы говорили об Эго как о ядре чистых сознаний людей. Например, подобным образом говорят о человеке не как об отдельном индивиде, а как о представителе определённого вида. Однако, что касается Эго, то тут дело заключается в том, чтобы выявить его феноменологическую множественность через единое основание. Зачем это нужно? Затем что Эго как таковое присутствует в чистом сознании каждого человека. Люди общаются друг с другом, взаимодействуют, производят общую деятельность. При всём при этом необходимо понимание друг друга через общую смысловую материю, которая благодаря многочисленности чистых сознаний находится вне времени и пространства [13, с. 436]. Общая смысловая материя (включающая символы и значения) свёртывается в акте индивидуального конституирования ноэмы, от чего образуется смысл предмета в чистом сознании отдельного человека. Но несмотря на кажущуюся дифференциацию отдельных Эго, с феноменологической точки зрения все они объединены общей смысловой материей, в связи с чем происходит понимание друг друга в рамках

отдельной культуры, начиная от национальности и заканчивая субкультурой. В противном случае мы бы все были биомеханоидами без примеси какой-либо эмпатии, сострадания, милосердия и т. д. В феноменологической перспективе должно быть ещё что-то, объединяющее все Эго. Обратимся к М. Хайдеггер, который ввёл в философский обиход такое понятие, как *Dasein* (вот-бытие). Оно является, по мысли М. Хайдеггера, неким антропологическим бытием, вокруг которого разворачивается именно человеческое сущее, и представляет собой, таким образом, довольно сложную относительно «метафизическую» экзистенцию. Оно есть человек из-за того, что является антропологическим бытием. С другой стороны, оно не человек, поскольку вбирает в себя всё человечество [14, с. 237–239]. В этом отношении *Dasein* для нас является тем субстратом, которое объединяет огромное количество Эго или, точнее сказать, огромное количество чистых сознаний.

Следует сказать, что *Dasein* есть во всей истории напряжённой философской мысли западной Европы. Этот остаток не есть какое-либо естественное представление, выводимое из предыдущего как своей причины, линейное и само собой разумеющееся, но самобытное единение сущего и бытия, требующее для себя иного проявления. Сам М. Хайдеггер говорил, что *Dasein* пришел к нему как вспышка озарения. Но при этом не стоит думать, что *Dasein* появился только с приходом М. Хайдеггера. Напротив, такого рода бытие уже было всегда в качестве подразумеваемого знаменателя всего сущего [15, с. 84]. Но подобный знаменатель не ставился в ранг проблемы, т. к. самое бытие считалось естественным.

Заключение

Феноменологическая философия Э. Гуссерля показала нам то, что за нашим повседневным опытом находится пласт смыслов, сущностей, первоначал вещей. Задачей Э. Гуссерля было ввести нас в курс дела касательно гносеологической феноменологии. С другой стороны, несмотря на то, что человек в фундаментальном смысле Эго, всё же он не просто познаёт, а проживает, экзистенциально проигрывает роль.

Несмотря на экзистенциальность, разложение основных атрибутов чистого сознания показало нам расширенную познавательную перспективу уже таких феноменов-сущих, которые не схватываемы простой и однобокой гуссерлианской интенцией, имеются ещё более сложные по своей комплектации феномены-сущие. Следовательно, благодаря выявлению скрытых возможностей чистого сознания путём анализа мы вправе утверждать, что даже в таком пласте, где исключена любая волевая произвольность, находится структура, своеобразная оформленная временем интеллектуализация.

Литература

1. Михальский К. Логика и время: опыт анализа теории смысла Гуссерля; Хайдеггер и современная философия / пер. с пол. Е. Твердисловой. М.: Территория будущего, 2010. 422 с.
2. Вишневецкий М. И. Философия. Мн.: Высшая школа, 2008. 479 с.
3. Алексеев П. В. История философии. М.: ТК Велби, Проспект, 2005. 240 с.
4. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 248 с.
5. Спиркин А. Г. Философия. М.: Гардарики, 2005. 736 с.
6. Круглов А. Н. Понятие трансцендентального у И. Канта: предыстория вопроса и проблемы интерпретации // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 151–171.
7. Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика. М.: АСТ, 2009. 252 с.
8. Слободчиков И. М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27–35.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 486 с.
10. Бессонов Б. Н. История и философия науки. М.: Юрайт, 2014. 394 с.
11. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Философия здравого смысла: Критика оснований разума. Книга 2-1: Здравый смысл как основание науки. Ч. 1: Здравый смысл в основаниях философии, математики, естественных, технических, социальных и гуманитарных наук. М.: URRS, 2015. 672 с.
12. Ивин А. А. Строгий мир логики. М.: Педагогика, 1988. 128 с.
13. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
14. Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия. М.: ПЕР СЭ, 2001. 447 с.
15. Бордак С. Н. Курс лекций по теории философии. Гомель: ГомГМУ, 2013. 108 с.

Analysis of Pure Consciousness as a Correlated Extended Informative Perspective

Vladimir E. Semenov^{3, @}

³ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ kemcitysemenov@mail.ru

Received 25.11.2018. Accepted 22.01.2019.

Abstract: *Introduction.* In this paper, an attempt is made to study the Husserlian philosophy of knowledge in order to identify, on the basis of our own reflections, not just the true fundamental core of pure consciousness, but the dynamic existence within the framework of that stratum to which we fall upon accomplishing the phenomenological reduction.

The methodological basis for this work is the position of the phenomenological theory of pure consciousness from "Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One. A General Introduction to Pure Phenomenology" by E. Husserl. According to Husserl, our usual everyday experience may be subject to reduction up to the discovery of a layer of pure, a priori cognitive processes. The very same a priori knowledge can be found in I. Kant's "Critique of Pure Reason", in particular from his reflections on transcendental aesthetics and foundations of pure reason.

Results. Having analyzed the hidden possibilities of pure consciousness, the author declares that, even in such a phenomenological layer, where any volitional arbitrariness is excluded, there is a structure, or, in other words, a kind of intellectualization, shaped by time.

Conclusion. The author believes that a half-hearted view of consciousness as merely an intentional being leads to a negative simplification of the subject of knowledge. A new, expanded model of phenomenal-existential consciousness, proposed in this work, showed that the decomposition of the basic attributes of pure consciousness has an expanded cognitive perspective of such phenomena-things that are not understood by simple and one-sided Husserlian intention, but, on the contrary, they reveal even more complex phenomena.

Keywords: Ego, intentionality, constitution, inner time, gnoseology, existence, freedom, dynamics, apperception, noema, noésis, phenomena are real

For citation: Semenov V. E. Analysis of pure consciousness as a correlate of an expanded cognitive perspective. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 70–79. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-70-79

References

1. Michalski K. *Logic and time: the experience of analyzing the theory of the meaning of Husserl; Heidegger and modern philosophy*, transl. Tverdislova E. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 422. (In Russ.)
2. Vishnevskii M. I. *Philosophy*. Minsk: Vysheishaia shkola, 2008, 479. (In Russ.)
3. Alekseev P. V. *History of philosophy*. Moscow: TK Velbi, Prospekt, 2005, 240. (In Russ.)
4. Mamardashvili M. K. *Lectures on ancient philosophy*. Moscow: Progress-Traditsiia, Fond Meraba Mamardashvili, 2009, 248. (In Russ.)
5. Spirkin A. G. *Philosophy*. Moscow: Gardariki, 2005, 736. (In Russ.)
6. Kruglov A. N. The concept of the transcendental in I. Kant: the background of the issue and problems of interpretation. *Voprosy filosofii*, 1999, (11): 151–171. (In Russ.)
7. Jung C. G. *The Tavistock lectures. Analytical psychology: its theory and practice*. Moscow: AST, 2009, 252. (In Russ.)
8. Slobodchikov I. M. Modern research in loneliness experience. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2007, (3): 27–35. (In Russ.)
9. Husserl E. *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2009, 486. (In Russ.)
10. Bessonov B. N. *History and philosophy of science*. Moscow: Iurait, 2014, 394. (In Russ.)
11. Gagaev A. A., Gagaev P. A. *Philosophy of common sense: Criticism of the bases of reason. Book 2-1: Common sense as the basis of science. Part 1: Common sense in the foundations of philosophy, mathematics, natural, technical, social, and human sciences*. Moscow: URRS, 2015, 672. (In Russ.)
12. Ivin A. A. *The strict world of logic*. Moscow: Pedagogica, 1988, 128. (In Russ.)
13. Losev A. F. *From early works*. Moscow: Pravda, 1990, 655. (In Russ.)
14. Buchilo N. F., Chumakov A. N. *Philosophy*. Moscow: PER SE, 2001, 447. (In Russ.)
15. Bordak S. N. *Course of lectures on the theory of philosophy*. Gomel: GomGMU, 2013, 108. (In Russ.)

УДК 342.140.02

Некоторые аспекты недопустимости доказательств как процессуального основания для их исключения

Екатерина К. Лебедева^{а, @}^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6[@] ekaterinalebedeva.spb@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Аннотация: Целью – изучение вопросов правового регулирования и применения на практике ходатайств об исключении доказательств, заявляемых в суде первой инстанции в уголовном процессе. Для достижения поставленной цели был произведен анализ законодательного регулирования порядка заявления и рассмотрения ходатайств об исключении доказательств, а также выявлены практические проблемы заявления и рассмотрения ходатайств об исключении доказательств. Проведен анализ судебной практики на предмет рассмотрения судами первой инстанции ходатайств стороны защиты об исключении доказательств. Сделан вывод о том, что порядок заявления и рассмотрения ходатайств об исключении доказательств урегулирован законодателем не в полной мере. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации внимание акцентируется на стадии предварительного слушания, в то время как процедура заявления и рассмотрения ходатайств при рассмотрении дела по существу не урегулирована вовсе. Исключение доказательств в предварительном слушании позволяет не допустить в судебном разбирательстве доказательств с дефектами. Возможность заявлять повторные ходатайства следует воспринимать как альтернативу институту обжалования, т. к. повторное заявление ходатайств позволяет сторонам выразить свое мнение по поводу решения по ходатайству и представить новые доказательства в поддержку своей позиции. Разрешение вопроса о допустимости доказательств не может быть отложено на этап постановления приговора, поскольку это противоречит правовой природе института исключения недопустимых доказательств и его целям. Вынесено предложение о включении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации норм о заявлении и рассмотрении ходатайств об исключении доказательств на стадии судебного следствия. Результаты настоящего исследования могут быть применимы при рассмотрении вопроса о внесении изменений в правовое регулирование института признания доказательств недопустимыми.

Ключевые слова: ходатайство об исключении доказательства, предварительное слушание, судебное следствие, доказывание по уголовному делу, оценка доказательств, признание доказательства недопустимым

Для цитирования: Лебедева Е. К. Некоторые аспекты недопустимости доказательств как процессуального основания для их исключения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 80–86. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-80-86

Введение

Допустимость является одним из свойств доказательства, при наличии которого последнее может быть использовано в процессе принятия итогового решения по делу и может служить элементом фактической основы такого решения [1, с. 100].

Ч. 1 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 № 144-ФЗ¹ относит к недопустимым те доказательства, которые были получены с нарушением требований УПК РФ. Такие доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

УПК РФ предусматривает возможность признания доказательств недопустимыми по инициативе участников уголовного судопроизводства посредством заявления ходатайства об исключении доказательства. Данный

вид ходатайств получил специальное регулирование в УПК РФ.

Следует отметить, что в различных статьях УПК РФ используется две формулировки для обозначения одного и того же института: «исключение доказательств» (ст. 234, 235 УПК РФ) и «признание доказательств недопустимыми» (ст. 75, 88 УПК РФ) [2, с. 490]. Учитывая то, что и в одном и в другом случае речь идет о лишении доказательства юридической силы и его неприменении при вынесении итогового решения по делу, можно прийти к выводу, что приведенные понятия относятся к одному и тому же явлению. Данной позиции придерживаются и авторы одного из комментариев к УПК РФ: «При сопоставлении текстов указанных статей можно прийти к выводу, что законодатель полностью отождествляет признание доказательств недопустимыми и исключение доказательств».

¹ УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 522. Ст. 4921.

Процессуальные особенности заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми на этапе предварительного слушания

К ходатайствам об исключении доказательств применяются общие нормы о заявлении и рассмотрении ходатайств, содержащиеся в гл. 15 УПК РФ, регулирующей общий порядок заявления и разрешения ходатайств.

В соответствии со ст. 120 УПК РФ ходатайство может быть заявлено как в письменной, так и в устной форме, это относится и к ходатайствам об исключении доказательств. В случае заявления устного ходатайства оно заносится в протокол судебного заседания.

В силу ст. 122 УПК РФ ходатайство должно разрешаться постановлением. Законодатель не указал на обязательность мотивированности такого постановления, но представляется, что такое требование вытекает из ч. 4 ст. 7 УПК РФ и не требует отдельного указания.

Согласно ч. 2 ст. 120 УПК РФ отклонение ходатайства не лишает заявителя права вновь заявить ходатайство.

Ст. 121 УПК РФ устанавливает, что ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. Тем не менее представляется, что в некоторых случаях судья по своей инициативе может перенести разрешение ходатайств об исключении доказательств на тот момент, когда будут исследованы оспариваемые доказательства или доказательства, позволяющие судить о наличии или отсутствии дефекта в оспариваемых доказательствах.

Обращаясь к сути института исключения доказательств, следует сразу акцентировать внимание на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ недопустимые доказательства не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и не могут быть использованы для доказывания других обстоятельств. Из данной нормы следует, что доказательство, признанное недопустимым, не исключается из материалов дела, а остается там, что позволяет в любой момент дальнейшего производства по делу вернуться к этому доказательству и отменить принятое решение о недопустимости. Это обусловлено тем, что признание доказательства недопустимым не является итоговым решением по делу. В ходе дальнейшего рассмотрения дела и исследования других доказательств в любой момент могут обнаружиться обстоятельства, устраняющие дефект исключенного доказательства, и было бы нелогичным запретить возможность рассмотрения вопроса о признании исключенного доказательства допустимым. Такая ситуация не соответствовала бы цели рассматриваемого института – недопущению судебных ошибок, основанных на неверной оценке доказательств с точки зрения их допустимости.

Говоря о заявлении ходатайств об исключении доказательств в судебном производстве, можно выделить три стадии, на которых возможно признавать доказательства недопустимыми: предварительное слушание, производство в суде первой инстанции, производство в суде апелляционной инстанции.

Следует отметить, что законодатель акцентирует внимание на процедуре исключения доказательств именно применительно к этапу предварительного слушания. Исключение доказательств до начала судебного следствия позволяет избежать попадания в суд и исследования недопустимых доказательств, а следовательно, снижает риск возникновения ошибок в результате использования таких доказательств при постановке итогового решения по делу.

Принципиальное различие исключения доказательств в предварительном слушании и судебном следствии заключается в том, что в предварительном слушании доказательства еще не исследованы судом и могут быть признаны недопустимыми по тем критериям, которые можно выявить не исследуя и не оценивая оспариваемое доказательство в совокупности с другими с точки зрения возможности его влияния на итоговое решение по делу. На данном этапе доказательство подлежит оценке и проверке только с точки зрения его допустимости как возможности быть включенным в доказательственную базу. Если речь идет об исключении доказательств в судебном следствии, то доказательство уже в процессе, оно подлежит полноценному исследованию и оценке, и только после этого суд может решать вопрос о его допустимости.

В юридической литературе существует и иная точка зрения на необходимость исключения доказательств в предварительном слушании. Некоторые авторы полагают, что назначение предварительного слушания для разрешения вопроса о допустимости доказательств лишь затягивает сам процесс, т. к. вопросы допустимости могут быть разрешены и при рассмотрении дела по существу. Например, О. Ю. Гурова полагает, что стороны имеют право неоднократно возвращаться к вопросу о недопустимости доказательств, поэтому рассмотрение их в специальной стадии предварительного слушания не является эффективным [3, с. 130]. Другие ученые считают, что неверно исключать доказательства без их непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства. Так, А. Г. Алексеев полагает, что ставить на разрешение вопрос о допустимости еще не представленного в судебном заседании доказательства кажется не совсем логичным [4, с. 7]. С приведенной точкой зрения нельзя согласиться, ведь законодатель выносит вопрос об исключении доказательств на стадию предварительного слушания именно для того, чтобы не рассматривать этот вопрос в ходе судебного следствия и не исследовать доказательства, которые сразу можно признать недопустимыми, не пропуская их в судебное следствие. К вопросу о допустимости исключенных доказательств можно вернуться только тогда, когда возникают основания считать принятое решение о недопустимости неверным.

В соответствии с ч. 1 ст. 235 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства, при этом передав копию ходатайства другой стороне в день обращения в суд. Такое

ходатайство в соответствии с ч. 2 ст. 235 должно содержать указания на доказательство, об исключении которого ходатайствует сторона, на основании исключения, предусмотренные УПК РФ и на обстоятельства, обосновывающие ходатайство. Так, законодатель указывает, что ходатайство об исключении доказательства должно быть обязательно обосновано и мотивировано, в нем должны быть указаны конкретные признаки недопустимости доказательства в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

Следует обратить внимание на ситуацию, когда у суда в процессе изучения поступивших материалов уголовного дела появляются основания полагать, что при получении какого-либо доказательства были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, а ни одной из сторон не было заявлено ходатайство об исключении этого доказательства как недопустимого, и соответственно, предварительное слушание не назначено. Ст. 229 УПК РФ в качестве основания назначения предварительного слушания содержит следующую формулировку: «при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства». Из нее следует, что суд не может по своей инициативе назначить предварительное слушание для рассмотрения вопроса о допустимости того или иного доказательства, если стороны об этом не заявляют. Таким образом, суд лишен возможности разрешить вопрос об исключении доказательства в стадии предварительного слушания, даже если он усматривает к этому основания. Представляется, что данный вопрос недостаточно урегулирован законодателем. Например, К. В. Волков предлагает изменить редакцию п. 1 ч. 2 ст. 229 следующим образом: «при наличии оснований для рассмотрения вопроса о допустимости доказательств» [5, с. 74]. Такое регулирование позволит не исследовать в дальнейшем доказательства, которые с очевидностью для суда являются недопустимыми, что позволит избежать влияния этих доказательств на процесс и приведет к сокращению сроков рассмотрения дела.

Тем не менее в соответствии с ч. 4 ст. 88 УПК РФ суд вправе по собственной инициативе признать доказательство недопустимым, но уже в судебном следствии по итогам исследования данного доказательства.

Согласно ч. 3 ст. 235 УПК РФ в процессе рассмотрения ходатайств об исключении доказательств суд вправе допросить свидетеля и приобщить к уголовному делу документ, указанный в ходатайстве. Также суд может огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле или представленные сторонами, в случаях, когда одна из сторон возражает против исключения доказательства. Кроме того, ч. 8 ст. 234 УПК РФ позволяет по ходатайству сторон допрашивать в качестве свидетелей лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов (за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом). Так, стороны могут инициировать собирание дополнительных доказательств, направ-

ленных на проверку спорного доказательства на предмет его допустимости.

В соответствии с ч. 4 ст. 235 УПК РФ по общему правилу бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство, но в случаях, когда ходатайство заявлено стороной защиты на основании того, что доказательство было получено с нарушением норм уголовно-процессуального закона, бремя опровержения доводов защиты лежит на стороне обвинения. Это представляется вполне логичным, т. к. доказательство на стадии предварительного следствия собиралось стороной обвинения и именно она должна отвечать за допущенные ошибки и доказывать отсутствие предполагаемых нарушений. Как было сказано выше, сторона защиты заведомо находится в более слабом процессуальном положении, ее возможности по сбору доказательств крайне ограничены, а влияние на процесс собирания доказательств на стадии предварительного расследования сведено к минимуму. Но существует и иная позиция по поводу данной нормы. Б. Т. Безлепкин полагает, что такое законоположение представляется не вполне логичным и не вполне отвечающим принципу равенства сторон в уголовном судопроизводстве. Вопреки общему правилу о том, что каждая сторона обязана обосновать заявленное ходатайство, вышеприведенная норма, освобождающая сторону защиты от обоснования своего утверждения, ставит эту сторону в привилегированное положение. Прокурор же всякий раз обязан опровергать любое, даже явно голословное утверждение, что не может не загромождать судебный процесс [6, с. 18]. Данное мнение, безусловно, является обоснованным, но представляется, что с ним можно не согласиться. Стороне обвинения проще объяснить отсутствие ошибок в совершенных ею действиях, чем стороне защиты подтверждать наличие нарушений уголовно-процессуального закона. Это является дополнительной гарантией права обвиняемого на защиту.

Что касается последствий исключения доказательства, то в соответствии с ч. 5 ст. 235 УПК РФ доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться или использоваться в ходе судебного разбирательства. Таким образом, исключенные доказательства остаются в материалах дела, что позволяет суду по своей инициативе или по ходатайству сторон в судебном следствии вернуться к вопросу о допустимости исключенного доказательства, если в ходе рассмотрения дела появляются основания полагать, что ранее принятое решение было ошибочным. Как правило, это связано с исследованием других доказательств или появлением новых доказательств в деле, при исследовании которых обнаруживается, что исключенное доказательство в действительности лишено дефектов или такие дефекты можно восполнить. Например, речь может идти о ситуации, когда в предварительном слушании был исключен протокол допроса свидетеля по той причине, что свидетель ссылался в качестве источника своей осведомленности на лицо, которое не удалось в целях проверки вызвать на предварительное слушание, и показания были исключены. В ходе судебного следствия

лицо, на которое ссылался свидетель, было обнаружено, и его удалось вызвать в суд, где оно подтвердило тот факт, что свидетель получил сведения, отраженные в показаниях, от него. В таком случае необоснованным было бы оставлять показания первого свидетеля исключенными из дела, т.к. они полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам. Из этого следует, что законодатель обоснованно предусмотрел возможность возвращения к обсуждению вопроса допустимости исключенных доказательств.

Ч. 6 ст. 235 предусматривает, что в случае, если уголовное дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей, то стороны либо иные участники судебного заседания не вправе сообщать присяжным заседателям о существовании доказательства, исключенного по решению суда. Это обусловлено тем, что присяжные, не являясь профессиональными судьями, руководствуются только своим внутренним убеждением. В случае если присяжные будут ознакомлены с доказательством, которое было признано недопустимым, это доказательство не может не отразиться на их внутреннем убеждении независимо от того, что юридически оно не должно играть роли в доказывании. Профессиональный судья, обладая более высоким уровнем правового сознания, может оградить себя от влияния недопустимого доказательства, руководствуясь не только внутренним убеждением, но и законом. Таким образом, целью изъятия недопустимых доказательств из дела является защита процесса формирования внутреннего убеждения у присяжных. В случаях, когда подобное ходатайство заявляется в процессе рассмотрения дела по существу, его разрешение по этим же причинам должно происходить без участия присяжных заседателей.

Отдельно следует сказать о предусмотренном ч. 7 ст. 235 УПК РФ праве сторон заявлять повторные ходатайства об исключении доказательств. В соответствии с ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ законодатель не предусматривает возможности отдельного обжалования решения, принятого по итогам рассмотрения ходатайства об исключении доказательства. Возможность заявлять повторные ходатайства можно воспринимать как альтернативу институту обжалования, т.к. повторное заявление ходатайств позволяет сторонам выразить свое мнение по поводу решения по ходатайству и представить новые доказательства в поддержку своей позиции. Повторное ходатайство может быть заявлено по тем же основаниям, и суд должен его рассмотреть, если при первоначальном разрешении ходатайства доводы стороны не были рассмотрены, взвешены и оценены. Если же новые доводы не приведены, а судом при разрешении первоначального ходатайства все заявленные доводы были рассмотрены, то суд может сослаться на то, что заявленные доводы уже подлежали оценке и рассмотрению. Также повторное ходатайство может быть заявлено и с приведением новых или дополнительных доводов о недопустимости доказательств. В указанном случае суд обязан рассмотреть такие доводы

и принять мотивированное решение по повторному ходатайству [7, с. 67].

Следует обратить внимание на то, что исходя из ч. 4 ст. 236 УПК РФ в предварительном слушании не требуется вынесение отдельного постановления по ходатайству об исключении доказательства, его разрешение включается в постановление, выносимое по итогам предварительного слушания. Безусловно, такое постановление должно быть обоснованным и мотивированным, учитывать все доводы, заявленные в ходатайстве. В настоящий момент из ч. 7 ст. 236 УПК РФ следует, что решение, принятое по результатам предварительного слушания, подлежит обжалованию, в том числе и в части разрешения вопроса о допустимости доказательств.

Процессуальные особенности разрешения ходатайства об исключении доказательств на стадии судебного следствия

Рассмотрев процедуру заявления и разрешения ходатайств об исключении доказательств в предварительном слушании, следует обратиться к процедуре заявления и рассмотрения ходатайств об исключении доказательств в судебном следствии. Необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 271 УПК РФ ходатайство об исключении доказательства может быть заявлено и в подготовительной части судебного заседания, но, как правило, на практике такие ходатайства заявляются уже при разрешении дела по существу, а если и заявляются в порядке ст. 271 УПК РФ, то их разрешение переносится на судебное следствие.

Следует отметить, что включение норм об исключении доказательств в гл. 34 «Предварительное слушание» порождает у некоторых судей убеждение в том, что ходатайства об исключении доказательств могут заявляться и разрешаться исключительно в этой стадии [8, с. 36]. Безусловно, с таким мнением нельзя согласиться, поскольку это противоречит сути уголовного процесса, праву сторон на участие в процессе доказывания, а тем самым и принципу состязательности. Поэтому в любых случаях, когда стороны инициируют исключение доказательств в стадии судебного следствия, суд обязан рассматривать подобные ходатайства.

Для начала следует обратиться к вопросу о том, распространяются ли правила ст. 235 УПК РФ на ходатайства об исключении доказательств в судебном следствии. Данный вопрос законодателем не урегулирован, но представляется, что указанные правила должны применяться и на стадии судебного следствия, создавая определенные гарантии участникам процесса. Речь идет и о требованиях к содержанию ходатайства, и об обязанности предоставить копии ходатайства, и о распределении бремени доказывания. В ходе анализа судебной практики было выявлено, что многие судьи, рассматривая такие ходатайства уже в судебном следствии, обращаются к нормам ст. 235 и ссылаются на нее в своих постановлениях. На наш взгляд, законодателю необходимо отразить в тексте

УПК РФ то, что нормы ст. 235 должны применяться к ходатайствам об исключении доказательств при рассмотрении дела по существу.

На практике значительная часть ходатайств об исключении доказательств заявляется уже в судебном следствии, часто после исследования судом этих доказательств. С одной стороны, исключение уже исследованных в судебном заседании доказательств позволяет избегать ошибок, указанных выше, но с другой стороны, это не соответствует целям выделения разрешения вопроса о допустимости доказательств в качестве основания для предварительного слушания. Представляется, что момент заявления ходатайства должен оставаться на усмотрение стороны. Это может быть обусловлено различными целями, в том числе и тактическими. Так, например, при повторном заявлении ходатайства об исключении доказательства имеет смысл дождаться, когда доказательство будет исследовано в суде, чтобы суд мог наиболее полно мотивировать свое решение по ходатайству.

В соответствии со ст. 291 УПК РФ судебное следствие объявляется законченным после разрешения ходатайств и выполнении связанных с этим следственных действий. Таким образом, все ходатайства, включая ходатайства об исключении доказательств, должны быть рассмотрены в ходе судебного следствия, не переходя в стадию судебных прений или постановления приговора. Из этого следует два вывода: 1) стороны не имеют права заявлять ходатайства об исключении доказательств в судебных прениях; 2) ходатайства об исключении доказательств должны быть рассмотрены судом к моменту окончания судебного следствия и их разрешение нельзя откладывать на момент постановления приговора.

Что касается первого вывода, то он является вполне логичным. Из природы института судебных прений следует, что ничего нового в прениях установлено быть не может, и единственное решение, принимаемое по результатам прений, – это приговор. Суд не может вынести постановление об исключении доказательства в процессе прений или по их итогам. Исключение доказательства по сути является новым фактом для дела, и для него может понадобиться дополнительное исследование материалов дела или новых доказательств, что, безусловно, недопустимо для прений. Так, если подобное ходатайство заявляется в судебных прениях, то суд должен возобновить стадию судебного следствия для его разрешения.

Позиция о том, что ходатайства об исключении доказательств должны быть разрешены до окончания судебного следствия и их разрешение не может быть отложено на этап постановления приговора, поддерживается далеко не всеми судьями и учеными [9, с. 39–48]. Анализ судебной практики показал, что суды нередко отказывают в удовлетворении ходатайств о признании доказательства недопустимым, мотивируя это тем, что они заявлены несвоевременно. Такие действия суда являются незаконными по причине того, что ограничивают права участников судебного разбирательства.

По мнению М. А. Фомина, существенным нарушением закона является неразрешение заявленного ходатайства на момент окончания судебного следствия [10, с. 40]. Представляется, что с этим нельзя не согласиться.

Кроме нормы об окончании судебного следствия после разрешения всех ходатайств, закрепленной в ст. 291 УПК РФ, данная позиция подтверждается и ст. 121 УПК РФ, согласно которой ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. В силу ст. 122 УПК РФ об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении судья выносит постановление. Изложенное говорит о том, что ходатайство не может разрешаться таким судебным актом, как приговор.

Разрешение ходатайств в приговоре противоречит и ст. 299, и ст. 307 УПК РФ, ведь это не относится к вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, равно как и к содержанию описательно-мотивировочной части обвинительного приговора [10, с. 41]. Разрешение заявленных ходатайств во время судебного разбирательства имеет существенное значение для выработки сторонами своих позиций по делу, в зависимости от допустимости доказательств стороны используют или не используют их в своей аргументации. Кроме того, неразрешение ходатайства стороны защиты сразу после его заявления ограничивает право защиты беспрепятственно и на равных условиях оспаривать предъявленное обвинение, тем самым нарушается и принцип состязательности. Это может являться основанием для отмены приговора по ст. 389.17 УПК РФ. Этой точки зрения придерживаются многие авторы. Например, В. В. Золотых отмечает, что «откладывание разрешения вопроса о допустимости доказательств до вынесения приговора может привести к стеснению гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела» [11, с. 262]. Другим важным нарушением прав при разрешении ходатайства об исключении доказательств только в приговоре является отсутствие возможности обратиться к суду с повторным ходатайством. Как уже было сказано выше, повторное ходатайство может считаться альтернативой обжалования решения суда по первоначальному ходатайству. Так, стороны лишаются права выразить свое мнение по решению и усилить свою позицию по ходатайству с помощью дополнительных аргументов, которые могли появиться после разрешения первого ходатайства.

Реализация права на заявление ходатайства об исключении доказательства на стадии апелляционного обжалования

Необходимо обратиться и к возможности заявлять ходатайства об исключении доказательств в суде апелляционной инстанции. Исходя из того, что ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ позволяет подателю апелляционной жалобы обратиться с просьбой об исследовании уже имеющегося или нового доказательства, можно сделать вывод, что не исключена возможность обсуждения вопроса о допустимости того

доказательства, которое исследуется в суде апелляционной инстанции. Таким образом, чтобы инициировать процедуру исключения доказательства, подателю жалобы необходимо обратиться с мотивированным ходатайством об исследовании такого доказательства, и в случае, если суд приступит к его исследованию, в рамках этой процедуры может быть разрешен вопрос о его исключении. Тем не менее использование процедуры исключения доказательств в апелляционной инстанции на практике происходит крайне редко, т. к. в случаях, когда сторона полагает, что в основу приговора были положены недопустимые доказательства, она заявляет такие доводы в апелляцион-

ной жалобе без инициации отдельной процедуры исключения недопустимых доказательств.

Заключение

Рассмотрев порядок заявления и рассмотрения ходатайств об исключении доказательств, следует прийти к выводу, что данный институт урегулирован законодателем не в полной мере. Существующие пробелы могут приводить к серьезным ошибкам при постановлении итогового решения по уголовному делу. Представляется, что во избежание подобных ошибок в спорных ситуациях следует исходить из целей института исключения доказательств.

Литература

1. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. 189 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 851 с.
3. Гурова О. Ю. Теоретические и практические проблемы назначения судебного заседания по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 178 с.
4. Алексеев А. Г. Проблемные вопросы, возникающие при разрешении ходатайств об исключении доказательств, заявляемых в подготовительной части судебного заседания // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной региональной науч.-практ. конф. Барнаул, 2006. Вып. 6. С. 6–8.
5. Волков К. В. Признание доказательств недопустимыми в суде первой инстанции (вопросы совершенствования правового регулирования) // Законодательство. 2006. № 12. С. 66–75.
6. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. М.: Проспект, 2007. 278 с.
7. Калинин А. Д. Повторные ходатайства об исключении доказательств в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 66–75.
8. Фролова Т. А., Кобзева С. М. Порядок разрешения ходатайств и вынесения постановлений об исключении доказательств // Уголовный процесс. 2006. № 7. С. 36–39.
9. Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств // Уголовный процесс. 2007. № 1. С. 39–48.
10. Фомин М. А. Судебный порядок разрешения ходатайств об исключении доказательств // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 38–44.
11. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 288 с.

Inadmissibility of Evidence as a Procedural Reason for Exclusion

Ekaterina K. Lebedeva ^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] ekaterinalebedeva.spb@mail.ru

Received 15.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Abstract: The research featured the issues of legal regulation and exclusion of evidence claimed in the court of first instance in criminal procedure. The author analyzed the legislative regulation of the procedure for the application and consideration of petitions for the exclusion of evidence, as well as some practical issues of petitions for the exclusion of evidence. The procedure for the application and consideration of petitions for the exclusion of evidence is not fully regulated by the legislator. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation focuses on the stage of preliminary hearing, while on the merits procedure remains unsettled. The exclusion of evidence in a preliminary hearing prevents defective evidence from entering the trial. Repeated applications should be seen as an alternative to the institute of appeal, since a re-application of the petitions allows the parties to express their opinion on the decision and provide new evidence in support of their position. The resolution of the issue of the admissibility of evidence cannot be postponed to the stage of the verdict, since this contradicts the legal nature of the institution of excluding unacceptable evidence and its purposes. The author proposes to include application rules for the exclusion of evidence in the Code of Criminal Procedure at the stage of judicial investigation. The results of the present study contribute to the issue of inadmissible evidence.

Keywords: petition for the exclusion of evidence, preliminary hearing, judicial investigation, proof in a criminal case, evaluation of evidence, recognition of the evidence inadmissible

For citation: Lebedeva E. K. Inadmissibility of Evidence as a Procedural Reason for Exclusion. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(1): 80–86. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-80-86

References

1. Mikhailovskaia I. B. *Handbook of a judge for evidence in criminal proceedings*. Moscow: Prospekt, 2006, 189. (In Russ.)
2. *Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*, eds. Lebedev V. M., Bozh'ev V. P. Moscow: Iurait, 2014, 851. (In Russ.)
3. Gurova O. Iu. *Theoretical and practical problems of the appointment of a court hearing in criminal cases*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2005, 178. (In Russ.)
4. Alekseev A. G. Problematic issues arising in the resolution of petitions for the exclusion of evidence submitted in the preparatory part of the court session. *Criminal procedure and forensic readings in Altai: Proc. Annual Reg. Sci.-Prac. Conf. Barnaul*, 2006, iss. 6, 6–8. (In Russ.)
5. Volkov K. V. Recognition of evidence inadmissible in the court of first instance (issues of improvement of legal regulation). *Zakonodatel'stvo*, 2006, (12): 66–75. (In Russ.)
6. Bezlepkin B. T. *Judge's manual in criminal proceedings*. Moscow: Prospekt, 2007, 278. (In Russ.)
7. Kalinkina L. D. Repeated petitions for the exclusion of evidence in the Russian criminal process. *Ugolovnyy protsess*, 2012, (5): 66–75. (In Russ.)
8. Frolova T. A., Kobzeva S. M. The procedure for resolving petitions and issuing orders to exclude evidence. *Ugolovnyy protsess*, 2006, (7): 36–39. (In Russ.)
9. Balakshin V. S. Estimation of admissibility of evidence. *Ugolovnyy protsess*, 2007, (1): 39–48. (In Russ.)
10. Fomin M. A. Judicial procedure for resolving motions for excluding evidence. *Ugolovnyy protsess*, 2008, (3): 38–44. (In Russ.)
11. Zolotykh V. V. *Testing the admissibility of evidence in criminal proceedings*. Rostov-on-Don: Feniks, 1999, 288. (In Russ.)

УДК 340.11

Правовые последствия за злоупотребление правом

Вадим А. Овинников^{а, @}^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6[@] ovinnikov@inbox.ru

Поступила в редакцию 03.06.2018. Принята к печати 25.02.2019.

Аннотация: Статья посвящена недостаточно изученной проблеме гражданского права – применению к недобросовестному лицу (нарушителю) санкций за злоупотребление правом. Происходящие реформы гражданского права в Российской Федерации позволили законодателю расширить перечень санкций, которые могут применяться к недобросовестному лицу (нарушителю) санкций за злоупотребление правом. Нами впервые дается классификация недобросовестных лиц (нарушителей), к которым могут применяться санкции за злоупотребление правом. В процессе исследования сложившейся судебной практики было установлено, что потерпевшей или недобросовестной стороной возникшего спора в суде могут являться истец, ответчик и третьи лица в той мере, в которой они используют и реализуют свои субъективные права в пределах осуществления гражданских прав. Нормы права, регулирующие отказ в защите права в отношении недобросовестного лица (нарушителя) не могут применяться судом самопроизвольно. Мы установили, что существуют скрытые формы поведения стороны (истца или ответчика), целью которых является причинение вреда другой стороне спора либо отказ в удовлетворении иска добросовестной стороне – противоправное поведение ответчика, либо удовлетворении иска недобросовестной стороне – противоправное поведение истца. Гражданско-правовой подход к исследованию актуальных проблем злоупотребления правом позволит выяснить суть этого правового явления в современной цивилистике.

Ключевые слова: санкции, отказ в защите права, недобросовестный кредитор, недобросовестный должник, потерпевший, нарушитель, скрытая форма противоправного поведения нарушителя

Для цитирования: Овинников В. А. Правовые последствия за злоупотребление правом // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 87–92. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-87-92

Введение

Одной из основных задач любого государства является надежная защита гражданских прав, которая выражается в предоставлении сторонам, вступившим в правоотношения, реализацию их субъективных прав без каких-либо препятствий.

В юридической науке под злоупотреблением гражданским правом понимается умышленное правонарушение, которое выражается в выходе субъектов правоотношений за пределы имеющегося в его распоряжении гражданского права. При этом законодатель обоснованно установил специальный запрет на недобросовестное поведение субъекта, предупреждая его, что злоупотребление пра-

вом может иметь определенные гражданско-правовые последствия в виде отказа в защите права.

В современной цивилистике существует несколько подходов к пониманию правовой природы *отказа в защите права*, которая позиционируется законодателем в разных источниках права как мера правовой охраны¹, как способ защиты права², как гражданско-правовая санкция или мера юридической ответственности³.

Гражданско-правовая санкция как один из подходов к пониманию правовой природы отказа в защите права нашла свое отражение в советском законодательстве: в ст. 1 Гражданского кодекса (ГК) РСФСР 1922 г.⁴, в ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1961 г.⁵, данную санкцию предусмотрел и ГК РСФСР 1964 г.⁶

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 21.09.2009. № 7.

² Всеобщая декларация прав человека 1948 года (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. № 67.

³ О чрезвычайном положении. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 07.03.2005) // Собрание законодательства РФ. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.

⁴ О введении в действие ГК РСФСР. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 // Известия ВЦИК № 256 от 12.11.1922.

⁵ Об утверждении основ гражданского законодательства союза ССР и союзных республик. Закон СССР от 08.12.1961 // Ведомости Верховного Совета СССР № 50. 1961. Ст. 525.

⁶ Об утверждении ГК РСФСР. Закон РСФСР от 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

Понятие злоупотребления правом нашло свое применение значительно позже в российском гражданском праве в ст. 10 ГК РФ в результате проведения реформы гражданского законодательства, где законодатель расширил понятие *злоупотребление правом* и конкретизировал состав санкций за злоупотребление правом, установив тем самым необходимые пределы осуществления гражданских прав.

Правовые последствия за злоупотребление правом

Конкретизация состава санкций за злоупотребление правом как реформа гражданского законодательства возникла благодаря Указу Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷, из которого следовало, что развитие экономики и становление гражданского общества требует от государства принять все необходимые меры для обеспечения добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей от всех субъектов как гражданских, так и хозяйственных отношений. Поэтому данная концепция была направлена на применение широкого спектра мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, а именно введение в гражданское законодательство принципа добросовестности как самого основного общего и важного принципа гражданского права с конкретизацией лишаемых правовой защиты «иных форм злоупотребления правом»⁸.

Законодатель в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ в качестве правовых последствий за злоупотребление правом – за намерения недобросовестного лица причинить вред другому лицу и намерения обойти закон с противоправной целью – предусмотрел следующие санкции:

- 1) возможность мировому суду, суду общей юрисдикции, арбитражному суду отказать недобросовестному лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично;
- 2) возможность потерпевшему лицу потребовать возмещение убытков от лица, причинившего ущерб потерпевшему;
- 3) возможность по инициативе суда (в случае обхода закона) или по требованию потерпевшего применить другие последствия – санкции, предусмотренные законом.

Несмотря на то, что закон различает незаконное и недобросовестное поведение, высший судебный орган определяет, что злоупотребление правом имеет место, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, а также не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность (Определение Верховного Суда

РФ № 32-КГ14-17 от 03.02.2015). При этом потерпевшей или недобросовестной стороной возникшего спора в суде могут являться истец, ответчик и третьи лица в той мере, в которой они используют и реализуют свои субъективные права в пределах осуществления гражданских прав.

Очень часто в споре между истцом и ответчиком выступают третьи лица на стороне либо истца, либо ответчика, действия которых также подпадают под санкцию ст. 10 ГК РФ, т. к. третьи лица в споре с истцом или ответчиком в зависимости от того, на чьей стороне они были привлечены в качестве третьих лиц, укрывают доказательств в пользу стороны (к которой они были привлечены к участию в деле), способные повлиять на законность и обоснованность вынесенного решения судом.

В данной ситуации суду сложно оценить недобросовестные действия (бездействия) третьего лица, т. к. это либо самостоятельные недобросовестные действия (бездействия) третьего лица, либо это сговор между третьим лицом и стороной спора (истцом, ответчиком) в зависимости от того, на чьей стороне было привлечено к участию в деле третье лицо.

Указанные действия (бездействия) стороны спора (истца или ответчика) обычно приводят к отложению судебного заседания и затягиванию судебного процесса на длительное время, т. е. той стороной, которая заинтересована в совершении недобросовестных действий (бездействий), в том числе с участием третьих лиц, как скрытая форма недобросовестного поведения стороны, которая, прикрываясь недобросовестными действиями третьего лица в споре с этим третьим лицом, злоупотребляет своим правом.

Целью такой скрытой формы поведения стороны (истца или ответчика) является причинение вреда другой стороне спора, которое может выражаться в несении дополнительных судебных расходов на представителя в связи с отложением судебного заседания в связи с недобросовестным поведением третьего лица, либо затруднить доступ к правосудию другой стороне спора, которая пытается получить определенные доказательства у третьей стороны и добиться того, чтобы либо в иске отказали *добросовестной стороне* – противоправное поведение ответчика, либо иск удовлетворили *недобросовестной стороне* – противоправное поведение истца.

Необходимо отметить, что очень часто встречается ситуация, когда кредитор, получивший от должника в полном объеме исполненные должником обязательства (выполнение работ, оказание услуг и т. д.), подает в суд иск о взыскании денежных средств, которые были оплачены должнику, рассчитывая тем самым посредством суда неосновательно обогатиться за счет *добросовестного должника*.

Имеет место ситуация, когда *недобросовестный должник*, получивший в полном объеме денежные средства от *добросовестного кредитора*, но не выполнивший свои обязательства

⁷ О совершенствовании ГК РФ. Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 // СЗ РФ. 21.07.2008. № 29. Ч. 1. Ст. 3482.

⁸ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 26.

(выполнение работ, оказание услуг и т.д.), уклоняется от исполнения своих обязательств с привлечением на свою сторону третьих лиц, ссылаясь на обстоятельства того, что по вине этих третьих лиц они либо не исполнили свои обязательства, либо не могут исполнить их.

Данная модель поведения в виде скрытой формы недобросовестного поведения стороны (кредитора или должника) обычно возникает до судебного разбирательства, выражаясь в том, что лица недобросовестно начинают вести по отношению друг к другу с участием в данном конфликте третьих лиц еще задолго до того, как кредитор, не добившись ничего от должника, данный спор переносит в суд, т.к. должник не рассчитался с кредитором, либо кредитор, которому выполнены все работы или оказаны все услуги, вовлекает в судебное разбирательство должника, который как контрагент уже исполнил свои обязательства в полном объеме.

Очень часто встречается ситуация, когда третье лицо, привлеченное к участию в деле на стороне спора (истца или ответчика), вступает в сговор со стороной, которая противостоит стороне, на стороне которой было привлечено третье лицо, что крайне негативно сказывается на качестве судебного производства, приводит к судебным ошибкам, т.к. суд не уяснил для себя – чье нарушается право и чье право подлежит судебной защите.

Как следует из сложившейся судебной практики, самая распространенная санкция, применяемая судами, – это отказ в защите права, что свидетельствует о том, что ст. 10 ГК РФ эффективно защищает гражданские и процессуальные права добросовестного лица от недобросовестного.

При этом в силу положений ст. 12 ГК РФ как способ защиты гражданского права санкция может быть классифицирована и субъективно отнесена как к признанию отсутствия права, так и к пресечению действий, нарушающих право, либо вообще к прекращению правоотношения [1].

Однако, перечень недобросовестного поведения, определенный ст. 10 ГК РФ, является открытым, т.к. отказ в защите права является не только просто санкцией, которую применяет суд, но и оперативной мерой или мерой ответственности, что предоставляет судам возможность широкого толкования и применения указанной нормы права в условиях «неопределенности, неясности и неконкретности ст. 10 ГК РФ», что являлось предметом проверки в Конституционном Суде РФ (КС РФ) конституционности применения судами положений ст. 10 ГК РФ (Определение КС РФ от 24.09.2013 № 1252-О; Определение КС РФ от 17.07.2014 № 1808-О; Определение КС от 29.01.2015 № 99-О).

Позиция КС РФ остается неизменной, т.к., проверяя конституционность применения судами положений ст. 10 ГК РФ, он неоднократно указывал, что указанные

нормы права не допускают злоупотребления правом в любых формах и правовые последствия злоупотребления правом направлены на реализацию принципа, закрепленного в ст. 17 (ч. 3) Конституции РФ, где осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц – не могут содержать правовую неопределенность, неясность и неконкретность и не могут нарушать конституционные права лица, к которому были применены санкции в соответствии с положениями ст. 10 ГК РФ.

Таким образом, отказ в защите права – это санкция, которую применяет суд, – лишь подтверждает то, что управомоченное лицо, обратившись за защитой права, осознает, что оно находится в условиях реальной защиты, и осознает последствия отказа в защите права, т.к. отказ в защите права является юрисдикционным способом защиты, и в случае, если суд установит факт злоупотребления правом, то к нему уже как к недобросовестному лицу могут быть применены санкции – в виде отказа в защите права.

Необходимо отметить, что в суд за защитой права обращается активная сторона, т.е. истец, который считает себя пострадавшей стороной, однако, несмотря на то, что истец инициирует судебный процесс, закон предоставляет равные права на защиту как истцу, так и ответчику. Если в ходе судебного разбирательства истец подтвердит факт нарушения его прав со стороны ответчика, то соответственно суд удовлетворяет иск – предоставляет защиту права истцу и отказывает в защите права ответчику, что соответствует содержанию положений ст. 10 ГК РФ. Но бывает и противоположная позиция, когда суд применяет положения ст. 10 ГК РФ к истцу, поскольку ответчик представляет в суд доказательства, свидетельствующие о злоупотреблении правом со стороны истца, и ответчик становится пострадавшей стороной, что соответственно влечет за собой отказ в защите прав лица, инициировавшего судебное разбирательство.

Данной позиции придерживается Президиум ВАС РФ, который в п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 указал, что отказ в защите права лицу, злоупотребившему правом, означает защиту нарушенных прав лица, в отношении которого допущено злоупотребление, в связи с чем применение санкции направлено не на наказание лица, злоупотребившего правом, а на защиту прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления, поэтому санкции, предусмотренные ст. 10 ГК РФ, могут применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика⁹.

С учетом изложенного необходимо отметить, что ст. 10 ГК РФ уникальна и начинает эффективно влиять на *недобросовестных кредиторов* и на *недобросовестных должников*, создавая правовую определенность указанной статьи для *недобросовестных лиц*, которые для достижения

⁹ Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 // Вестник ВАС РФ. № 2. 2009. П. 5.

своей цели пытаются использовать суды. В данном случае отказ в защите права есть уникальный способ защиты гражданских прав от злоупотребления правом как от *недобросовестных кредиторов*, так от и *недобросовестных должников* с помощью средств и самого гражданского права, в этом и есть сущность, смысл и назначение отказа в защите права.

Однако отказ в защите нарушенного права не должен восприниматься как восстановление материального права в виде возмещения причиненного вреда или взыскание неустойки, а должен восприниматься как последствия злоупотребления правом самого нарушителя, что означает только отказ в защите того конкретного требования, которое заявило недобросовестное лицо, а не лишение, например, права собственности лица, которому оно на законных основаниях принадлежит и т. д.

К тому же отказ в защите прав лица, злоупотребившего правом, не может затрагивать права и законные интересы лица, добросовестно пользующегося защитой прав, т. е. суд должен установить границы (пределы осуществления гражданских прав), которые являются нарушением или лишением законных прав и интересов *недобросовестного кредитора* или *недобросовестного должника*, защищая при этом интересы *добросовестного лица*.

Вышеперечисленные доводы соответствуют требованиям ст. 10 ГК РФ, которые устанавливают обязанность суда применить отказ полностью или в части в отношении лица, обратившегося за защитой прав, но не произвольно по усмотрению суда, т. к. данная обязанность: во-первых, направлена на пресечение и предупреждение *недобросовестного лица* отказаться от неправомерных действий с намерением причинить вред другому лицу; во-вторых, направлена на защиту любого субъективного гражданского права от любых посягательств – как со стороны носителя гражданских прав, так и со стороны лица, вступившего в правоотношения с носителем гражданских лиц.

Представляется интересным позиция А. В. Волкова, который считает, что отказ в защите права – это системное защитное средство гражданского права, содержащее в себе возможность суда полностью или в части ограничить охранную составляющую субъектного гражданского права в целях пресечения злоупотребления гражданскими правами и обязанностями [2].

Указанная позиция в настоящее время является актуальной как никогда, т. к. в рамках реформы гражданского законодательства ст. 10 ГК РФ должна предусматривать не иллюзорные, а реальные эффективные нормы права по защите любого субъективного гражданского права от любых посягательств – как со стороны носителя гражданских прав, так и со стороны лица, вступившего в правоотношения с носителем гражданских лиц.

При этом А. В. Волков установил различия между понятиями *субъективное гражданское право* и *субъектное гражданское право*, понимая последнее как абстрактную юридическую возможность правоосуществления, т. к.

субъект прогнозирует свои субъектные права до вступления в правоотношения, а вступая в правоотношения, порождает искомое субъективное гражданское право [3, с. 15]. Таким образом, А. В. Волков считает, что средством злоупотребления правом выступает именно субъектное, а не субъективное гражданское право.

Кроме того, расширение законодателем состава санкций за злоупотребление правом позволяет применить общую санкцию для лица, злоупотребившего правом – возмещение убытков в порядке ст. 15, ст. 16 ГК РФ в случае, если злоупотребление правом повлекло причинение реальных убытков, например в результате применения судом мер обеспечительного характера в период судебного разбирательства по инициативе лица, инициировавшего судебное разбирательство, и принятие мер обеспечительного характера (арест имущества, арест банковского счета, запрета на совершение определенных действий и т. д.).

С учетом смысла и назначения ст. 10 ГК РФ и применения к ней положений ст. 15 ГК РФ возмещение убытков по своему характеру является не только защитной, но восстановительной мерой для потерпевшего лица, и связана с защитой основных прав потерпевшего лица и наложением на нарушителя дополнительных обязанностей по возмещению убытков, т. к. по смыслу ст. 396 ГК РФ возмещение должником убытков не освобождает его от исполнения обязательства в натуре.

Что касается применения судом *иных мер* к лицу, злоупотребившему правом, которые предусмотрены законом и применяются судом одновременно с отказом в защите права этому лицу, то суд применяет любые меры ответственности в отношении каждой конкретной ситуации, которые защищают права и законные интересы лица, действительно нуждающегося в такой защите прав и законных интересов.

По мнению профессора В. В. Витрянского, под *иными мерами* следует понимать те способы воздействия на лицо, допустившее злоупотребление правом, которые предусмотрены законом, но ни в коем случае не весь арсенал способов защиты нарушенных гражданских прав, как было принято считать ранее [4, с. 36–37].

Чтобы охарактеризовать понятие злоупотребления правом, необходимо выделить квалифицирующие признаки, постоянно характеризующие неправомерные действия нарушителя в качестве лица, злоупотребляющего правом:

- использование нарушителем пробелов в законодательстве и наличие ситуации правовой неопределенности, когда невозможно урегулировать спорное правоотношение;
- недобросовестное использование гражданских прав и обязанностей при создании нарушителем видимости осуществления своих прав и обязанностей;
- наличие такой скрытой формы недобросовестного поведения, которая проявляется в корыстном (прямым) намерении причинить вред другому лицу, неосновательно обогатиться за счет *добросовестного лица*, причинить реальные убытки *добросовестному лицу*;

– наличие такой скрытой формы недобросовестного поведения, которое выражается в привлечении третьих лиц, действия которых под влиянием нарушителя будут направлены на нарушение юридического равенства участников гражданских правоотношений [5].

В данном контексте будет уместной позиция О. А. Кузнецовой, которая считает, что к лицу, злоупотребившему правом, возможно применение ответственности в виде возмещения убытков в порядке ст. 15 ГК РФ, если в его действиях установлено наличие состава правонарушения, наступление вреда, противоправность поведения, вина причинителя вреда и причинно-следственной связи, т. е. совокупность всех перечисленных элементов, являющихся основанием для удовлетворения иска о возмещении убытков [6].

Отсюда следует, что возмещение убытков с учетом положений ст. 10 и ст. 15 ГК РФ возможно при установлении судом самого факта злоупотребления правом со стороны нарушителя, обязанность же доказать размер причиненных убытков должна быть возложена на потерпевшее лицо.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения вопросов применения санкций, предусмотренных ст. 10 ГК РФ в отношении лиц, злоупотребляющих правом, необходимо отметить, что санкции включают в себя как меры оперативного реагирования, такие как обоснованный отказ в защите права, так и восстановительные меры, такие как возмещение убытков с нарушителя в пользу потерпевшего, а причинение убытков в результате неправомерных действий со стороны нарушителя, которые установлены судом, можно расценивать как последствия злоупотребления правом.

Под правовыми последствиями следует понимать, например, восстановление записи о юридическом лице как действующем в едином государственном реестре юридических лиц после недобросовестной реорганизации со стороны нарушителя, или последствием может быть ликвидация юридического лица, к примеру, при затянувшемся корпоративном конфликте.

Указанный список применения правовых последствий с учетом совершенствования системы законодательства будет постоянно расширяться, а значит у недобросовестного лица будет все меньше возможности злоупотреблять своим правом.

Литература

1. Волков А. В. Правовые последствия за злоупотребление правом // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 64. С. 122–125.
2. Волков А. В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике. М.: Волгерс Клавер, 2010. 960 с.
3. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 53 с.
4. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
5. Волков А. В. Возмещение убытков в качестве санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. 2015. № 3. С. 3–5.
6. Кузнецова О. А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 97–103.

Legal Consequences of the Abuse of Rights

Vadim A. Ovinnikov^{3, @}

³ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] ovinnikov@inbox.ru

Received 03.06.2018. Accepted 25.02.2019.

Abstract: The paper features the sanctions for abuse of the right to an unconscientious person (violator). The ongoing reforms of civil law in the Russian Federation allowed legislators to expand the list of sanctions that can be applied for the abuse of rights. The author introduces a classification of violators that can be punished for the abuse of the right can be applied. The current judicial practice shows that it both victim and mala fide party may assume the roles of plaintiff, defendant, and a third party in court, depending on how they use and exercise their subjective rights within the framework of civil rights. The rules of law governing the refusal to protect the right against a violator may not be applied by the court spontaneously. The author found some hidden forms of behavior of the plaintiff or defendant parties, the purpose of which is to harm the other party, to refuse to satisfy the claim of the bona fide party, i.e. illegal behavior of the defendant, or satisfaction of the

claim of the unconscientious party, i.e. illegal behavior of the plaintiff. The civil-law approach to the study of actual problems of abuse of right makes it possible to clarify the essence of this legal phenomenon in the modern civil law.

Keywords: sanctions, denial of the protection of the rights, defaulting lender, defaulting debtor, victim, offender, hidden wrongful conduct of the violator

For citation: Ovinnikov V. A. Legal Consequences of the Abuse of Rights. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 87–92. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-87-92

References

1. Volkov A. V. Legal consequences of the abuse of the right. *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhaiushchaia sreda*, 2015, (64): 122–125. (In Russ.)
2. Volkov A. V. *The principle of the inadmissibility of the abuse of civil rights in the legislation and judicial practice*. Moscow: Volters Kluver, 2010, 960. (In Russ.)
3. Volkov A. V. *Abuse of civil rights: problems of theory and practice*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2010, 53. (In Russ.)
4. Vitryansky V. V. *Reform of Russian civil legislation: interim results*. Moscow: Statut, 2016, 431. (In Russ.)
5. Volkov A. V. Compensation of losses as a sanction for the abuse of right. *Civil Law*, 2015, (3): 3–5. (In Russ.)
6. Kuznetsova O. A. Application of civil legal liability. *Perm University Herald. Juridical sciences*, 2012, (4): 97–103. (In Russ.)

УДК 347.468

Парадоксальное положение устного завещания в российском праве и его перспективы

Вячеслав Б. Паничкин^{а, @}^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6[@] panslavic@mail.ru

Поступила в редакцию 22.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Аннотация: В статье дан обзор позиций современной российской цивилистики о месте устной формы завещаний в России и перспективах использования данной формы. При этом выявлено наличие в научных кругах обоснованных доводов в пользу существования в России устных завещаний, невзирая на их формальный законодательный запрет. На основе анализа российских норм приходим к выводу, что российское право ограниченно признаёт устные завещания. Выделены два таких основания. Во-первых, формально письменное завещание в чрезвычайных обстоятельствах не может содержать всех необходимых реквизитов письменной формы, и волю завещателя приходится восполнять свидетелям в суде, без чего суд не придаст силы такому завещанию. Во-вторых, в пользу допущения устной формы завещания говорит предусмотренная ст. 5 Закона «О погребении и похоронном деле» возможность выдать в устной форме в присутствии свидетелей завещательный отказ или завещательное возложение о согласии или несогласии на изъятие органов и / или тканей из его тела; о погребении в определённом месте по определённым обычаям, рядом с теми или иными ранее умершими, быть подвергнутым кремации, о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу.

Ключевые слова: наследование, форма завещания, устное завещание, чрезвычайное завещание, свидетели, рецепция римского права

Для цитирования: Паничкин В. Б. Устные завещания: есть ли им место в Российском праве? // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 93–96. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-93-96

Введение

В современном российском праве завещание – строго письменный документ, и это принципиальная позиция законодателя. Но в правовой науке дискуссия о возможности введения устной формы завещания не прекращается и, более того, ряд учёных находит признаки устных завещаний среди имеющихся форм. Подпитывается эта тема не только историческим знанием, но и современными реалиями – многие страны допускают такую форму и даже расширяют её применение. Кроме того, сама классификация завещаний по видам в России и за рубежом существенно различается, и границы такого правового инструмента, как устное завещание, проложены неоднозначно. В связи с этим большой интерес представляет анализ ретроспективы и перспектив устных завещаний в России, в том числе в контексте норм, не составляющих ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), непосредственно регулиующую наследование.

Предыстория устных завещаний в отечественном праве

Исторически в русском праве письменное завещание предшествовало устному. Так, самый древний акт – ст. 13 договора с Византией князя Олега – ввела сразу письменное завещание-обряжение: «Аще створить обряжение, таковой возьмет уряженное его, кому будет писал наследити имение»¹. Вместе с тем ст. 105 «Русской правды» (Карамзинский список) допустила и устные распоряжения наследодателя при свидетелях перед своей смертью: «Аще кто умирая разделить дом детям своим, на том же стояти»². Позже такие виды завещаний исчезли, и к 1917 г. право знало два вида письменных завещаний: крепостные (нотариальные) и домашние, различавшиеся по месту составления и заверения [1, с. 16]. Относительно устных ст. 1023 т. X Свода законов гражданских прямо гласила: «Словесное завещание и изустная памяти никакой силы не имеют»³.

Однако, по утверждению С. В. Пахман, великорусские крестьяне использовали устную форму завещания вплоть

¹ Варяжская гвардия Византии. Договоры Руси с Византией // Большая онлайн библиотека e-Reading. Режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/1038544/10/Oleynikov_-_Varyazhskaya_gvardiya_Vizantii.html (дата обращения: 10.04.2018).

² Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому. М.: Изд-во Высш. Гос. Лит. Курсов, 1928. С. 10.

³ Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. Свод законов гражданских. СПб., 1900. Т. X. Ч. 1. С. 500.

до Декрета ВЦИК РСФСР «Об отмене наследования» от 27.04.1918, и его исполнение основывалось на обычном праве, морально-нравственных и религиозных нормах [2, с. 642–644]. Учёные отмечали и сохранение устных завещаний в качестве правового обычая у российских народов, традиционно исповедующих ислам: «Сохранение норм обычая в сельских поселениях, <...> наличие устного завещания способствуют раздвоению правового регулирования» [3, с. 562–567].

Причём, как указывал применительно к европейским странам Г. Берман, если сомнений в действительности волеизъявления устное завещание не вызывало, оно было обязательным для исполнения [4, с. 224–228], но объём распределяемого им имущества был ограничен и не включал землю и орудия труда.

Ст. 425 ГК РСФСР 1922 г. ещё более ужесточила требования к форме завещания, закрепив в качестве основной формы нотариально удостоверенное. В условиях запрета даже письменного, но составленного домашним порядком без участия нотариуса завещания устное тем более не допускалось. Завещание представлялось нотариусу для внесения в актовую книгу, выписка из которой вполне заменяла завещание, что сближало такое письменное завещание с римским публичным. Запрещает устные завещания и современное российское право, тогда как другие правовые системы изначально и по сей день более благосклонны к ним.

По словам И. А. Покровского, изначально письменное изложение последней воли наследодателя было редкостью – завещательные распоряжения давались обычно в устной форме, которая приобретала ту же силу, что и письменная. Традиция устного завещания восходит к римскому праву, где оно веками применялось и пользовалось исковой защитой. Это было связано с тем, что практически все сделки заключались в устной форме и требовали подтверждения свидетелями [5, с. 329].

Современный подход закона к устным завещаниям и их перспективы

При разработке проекта ч. 3 ГК РФ сторонники устного завещания предлагали допускать такую форму при наличии двух условий: чрезвычайных обстоятельств и двух свидетелей [6] по римскому образцу по типу *testamentum in procintu* – чрезвычайного завещания воинов перед строем ввиду битвы. Они ссылались, прежде всего, на случаи захвата заложников. Противники же указывали на то, что наша страна не раз оказывалась в экстремальных ситуациях, но устных завещаний не было даже в годы войн [7, с. 16]. К тому же, если воля выражена устно, суду будет чрезвычайно сложно, а зачастую невозможно установить, какова же была последняя воля завещателя и была ли она вообще [8, с. 603]. В итоге победила последняя точка зрения, и устное завещание по-прежнему отсутствует в российском праве, что на сегодня, по мнению ряда авторов, наиболее целесообразно [9]. Аналогично все страны СНГ отвергли предложенную Модельным ГК СНГ фор-

му устного завещания, содержащуюся в проектах гражданских кодексов ряда государств.

В то же время многие исследователи, включая и автора настоящей статьи, склонны оспаривать такую логику. Первым основанием служит признанный российским правом – ст. 1129 ГК РФ – институт завещания в чрезвычайных обстоятельствах, который также признает необходимым участие двух свидетелей. «Берущий свои истоки из частных, а также устных завещательных распоряжений, институт свидетелей фактически возрожден в современном российском наследственном праве после длительного перерыва, – признали авторы классического комментария ГК, – Гражданский кодекс предусматривает добровольное (п. 4 ст. 1125 ГК) и обязательное участие свидетелей (п. 3, 4 ст. 1126, п. 2 ст. 1127, абз. 2 п. 1 ст. 1129 ГК) при составлении, подписании, удостоверении, оглашении и передаче завещания» [10, с. 350].

Само по себе участие свидетелей ещё не наделяет завещание свойствами устного, ведь с точки зрения буквы закона даже при участии свидетелей чрезвычайное завещание должно быть выполнено в простой письменной форме: собственноручно написано и подписано завещателем. Однако это не помешало исследователю А. А. Кирилловых усомниться в наличии у такого чрезвычайного завещания письменной формы. По его словам, даже совершаемое письменно чрезвычайное завещание вряд ли может содержать все необходимые реквизиты, предъявляемые к его форме. «Ведь, как правило, последняя воля излагается, когда имеется реальная угроза жизни завещателя. В итоге эту волю приходится восполнять свидетелям, которые в суде должны подтвердить то, что будет представлено как посмертное распоряжение. Поэтому при всех требованиях норм закона действительные намерения гражданина относительно его имущества сведены к свидетельским показаниям, из добросовестности которых должен исходить суд» [11, с. 100].

И дальше исследователь приходит к весьма нетрадиционному выводу: «Говоря о завещании, совершенном в чрезвычайных обстоятельствах, мы можем наблюдать не что иное, как устную сделку (ст. 159 ГК РФ). Неслучайно ещё на этапе разработки и обсуждения ч. 3 ГК РФ в нём предлагалось закрепить правило о возможности совершить устное завещание. Последующий отказ от формализации завещательных распоряжений в устной форме был обусловлен возможностью частых споров вокруг наследственного имущества в условиях нестабильных экономических и социальных связей в обществе» [11, с. 100].

В итоге А. А. Кирилловых делает вывод: «Завещание в чрезвычайных обстоятельствах – это предпосылка устного завещания, вступление в силу которого невозможно без судебной процедуры его засвидетельствования присутствовавшими при выражении последней воли завещателя свидетелями. В этом случае простая письменная форма завещания предполагает первичное волеизъявление. Воля наследодателя должна быть восполнена в юрисдикционном порядке» [11]. На наш взгляд, подобный подход с приоритетом духа

закона над его буквой и применением методов логики заслуживает самого пристального внимания.

Второе основание в пользу возможности облечения в устную форму некоторых завещательных распоряжений даёт ст. 5 Федерального закона (ФЗ) от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»⁴. А именно право лица выразить в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме в завещании пожелания о согласии или несогласии на изъятие органов и / или тканей из его тела; о погребении в определённом месте по определённым обычаям, рядом с теми или иными ранее умершими, быть подвергнутым кремации, о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу. Противники признания такого устного распоряжения завещательным утверждают, что завещание является инструментом по распоряжению имущественными правами, а если таких распоряжений в документе нет, то оно завещанием не является.

На первый взгляд, классическое представление о наследовании, излагаемое в трудах дореволюционных ученых-цивилистов, основывалось на имущественной природе завещания, несмотря на возможные пожелания наследодателя, имеющие неимущественный характер. Профессор Д. И. Мейер, определяя понятие завещания, отмечал: «Духовное завещание есть удовлетворяющее известным законным условиям изъявление воли лица относительно судьбы его имущественных отношений в случае смерти. Иначе определить духовное завещание нельзя» [12, с. 17]. В своих дальнейших рассуждениях, определяя понятие завещания, Д. И. Мейер приходил к выводу, что завещанием является изъявление воли лица на случай смерти только тогда, когда в данном изъявлении воли содержатся распоряжения имущественного характера.

Продолжая эту мысль, С. А. Слободян предполагал, что завещание, хотя и сделанное по установленным форме и требованиям, но не содержащее каких-либо имущественных распоряжений, должно признаваться недействительным. Более того, вывод из данной ситуации может быть еще категоричнее: такой документ, написанный наследодателем, вообще нельзя признавать завещанием. Если наследодатель предписывает определенному лицу совершить определенные действия, при этом не называя его в качестве наследника, это будет лишь пожелание, отражающее посмертную

волю гражданина-завещателя. Исполнять или не исполнять такое пожелание – личное дело лица, которому оно адресовано [13, с. 18]. Такая позиция, разумеется, сделала бы бессмысленными и все рассуждения по поводу устных завещаний, ведь даже письменное нотариальное завещательное возложение автор отказывается считать собственно завещанием.

Однако, как уже было отмечено, действующее законодательство допускает конкретные устные распоряжения гражданина, которые он вправе сделать при жизни в отношении себя лично – в соответствии с п. 1 ст. 5 Закона «О погребении и похоронном деле». Такое волеизъявление закон рассматривает как пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме. На наш взгляд, ничто не мешает трактовать такое волеизъявление как завещательный отказ (например, о согласии на использование своих тканей и органов для трансплантации) или как завещательное возложение (например, об обустройстве могилы или о постройке на её месте часовни, что может считаться общественно полезным действием).

Заключение

При том, что предметом завещания не могут являться пожелания завещателя, не связанные с распоряжением имуществом, такой инструмент, как завещательное возложение, по ст. 1139 ГК РФ может иметь также неимущественный характер, и он обязателен для исполнения наследником. Обязателен ли он для наследника по закону в отсутствие завещания с имущественно-распорядительными свойствами? Полагаем, что нет никаких формальных причин освободить законных наследников от такого возложения, а значит и от допустимого законом устного пожелания, предмет которого, разумеется, не выходит за пределы порядка похорон и обустройства могилы.

Аналогично многие правовые порядки однозначно признают за отдельно данными фидеикомиссами завещательный статус, и нет никаких оснований поступать иначе в России. А поскольку завещательный отказ и завещательное возложение, будучи аналогами римских легата и фидеикомисса, безусловно, могут считаться завещательными распоряжениями, даже если они не сопровождаются иными имущественными распоряжениями, то приходится признать, что таким окольным путём устная форма сделки продолжает, пусть ограниченно, применяться в завещании.

Литература

1. Зайцева Т. И., Крашенинников П. В. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2002. 384 с.
2. Пахман С. В. Обычное гражданское право России. М.: Зерцало: Система Гарант, 2003. 700 с.
3. Кунафина И. Р. Соотношение норм российского законодательства, шариата с нормами обычного права башкир в XVI – начале XX веков // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5. С. 562–567.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ.; 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.
5. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1998. 560 с.

⁴ О погребении и похоронном деле. ФЗ от 12.01.1996 № 8-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 146.

6. Тарасова И. Н. Понятие и значение формы завещания в российском гражданском праве // *Наследственное право*. 2014. № 3. С. 35–38.
7. Краюшкин И. А. Институт наследования: прошлое, настоящее, современные тенденции развития // *Нотариус*. 2002. № 1. С. 25–30.
8. *Гражданское право. Часть III* / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1999. 784 с.
9. Барков Р. А., Блинков О. Е. Формальная действительность завещания как акта реализации активной завещательной правосубъектности (сравнительно-правовой аспект) // *Наследственное право*. 2013. № 3. С. 42–48.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2011. 392 с.
11. Кирилловых А. А. Завещательное распоряжение в современном гражданском праве. М.: Деловой двор, 2011. 144 с.
12. Мейер Д. И. *Русское гражданское право*. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 829 с.
13. Слободян С. А. Завещание как основание наследования // *Нотариус*. 2009. № 2. С. 18–21.

The Paradox Position of Nuncupative Will in Russian Law and its Perspectives

Vyacheslav B. Panichkin^{а, @}

^а Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ panslavic@mail.ru

Received 22.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Abstract: The paper contains an overview of the contemporary opinions of Russian civil law scientists on nuncupative will. The author reveals some scientific arguments in favor of parol will despite its formal legislative prohibition in Russian law. A thorough analysis of domestic laws proves that Russian law partially recognizes nuncupative will. The first reason is that a written will compiled in extraordinary circumstances may not contain all the required details and has to be proved by witnesses in court: otherwise the court cannot validate such a will. Second, Article 5 of the Law on Burial and Funerals states that consent or disagreement to organ donation can be made orally in presence of witnesses. The same procedure can be used to state one's last will concerning burial place and customs, cremation, and appointment of testamentary executor.

Keywords: succession, forms of wills, oral wills, wills in emergency, witnesses, Roman Law reception

For citation: Panichkin V. B. The Paradox Position of Nuncupative Will in Russian Law and its Perspectives. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 93–96. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-93-96

References

1. Zaitseva T. I., Krasheninnikov P. V. *Inheritance law. Commentary legislation and the practice of its application*. Moscow: Statut, 2002, 384. (In Russ.)
2. Pakhman S. V. *Usual civil law of Russia*. Moscow: Zertsalo: Sistema Garant, 2003, 700. (In Russ.)
3. Kunafina I. R. Correlation of the norms of the Russian legislation, Sharia and the norms of the customary law of the Bashkirs in the 16th – early 20th centuries. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2013, (5): 562–567. (In Russ.)
4. Berman G. Dzh. *Western tradition of law: the era of formation*. Moscow: Izd-vo MGU: INFRA-M – NORMA, 1998, 624. (In Russ.)
5. Pokrovskii I. A. *History of Roman law*. Saint-Petersburg: Letnii sad, 1998, 560. (In Russ.)
6. Tarasova I. N. Concept and value of the form of the will in the Russian civil law. *Nasledstvennoe pravo*, 2014, (3): 35–38. (In Russ.)
7. Kraiushkin I. A. Institute of inheritance: past, present, modern development trends. *Notarius*, 2002, (1): 25–30. (In Russ.)
8. *Civil law. Part III*, eds. Sergeev A. P., Tolstoi Iu. K. M.: Prospekt, 1999, 784. (In Russ.)
9. Barkov R. A., Blinkov O. E. The formal validity of a will as implementation act of active testamentary legal personality (comparative aspect). *Nasledstvennoe pravo*, 2013, (3): 42–48. (In Russ.)
10. *Comment to the Civil Code of the Russian Federation. Part Three: practical commentary (article by article)*, ed. Sergeev A. P. Moscow: Prospekt, 2011, 392. (In Russ.)
11. Kirillovykh A. A. *The testamentary disposition in modern civil law*. Moscow: Delovoi dvor, 2011, 144. (In Russ.)
12. Meier D. I. *Russian civil law*. Moscow: Statut, 2003, 829. (In Russ.)
13. Slobodian S. A. The will as a basis of inheritance. *Notarius*, 2009 (2): 18–21. (In Russ.)

УДК 342

Проблемы реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции Российской Федерации

Ольга В. Фадеева^{a, @, ID}^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6[@] olga_fa@bk.ru^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-3314-5295>

Поступила в редакцию 14.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Аннотация: В статье отражено состояние современной системы здравоохранения, указаны возможности реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь согласно Конституции Российской Федерации. Право на здоровье и получение квалифицированной, бесплатной и своевременной медицинской помощи выделено в число наиболее важных и основополагающих прав человека, общества и мира в целом. Вместе с тем освещены ключевые проблемы реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции Российской Федерации, такие как нехватка кадрового состава медицинских работников в учреждениях здравоохранения, несвоевременность оказания первой медицинской помощи, недостаточный уровень финансирования системы здравоохранения. Отражены причины и последствия кадрового дефицита в больничных учреждениях Российской Федерации, особенности трудоустройства после получения профессионального медицинского образования в учебных заведениях высшего и среднего звена, материального обеспечения молодых специалистов, работающих на должностях врачей и среднего медицинского персонала, его особенности. Кроме того, проведен анализ показателей оснащенности медицинских организаций оборудованием по сравнению с 2016 г., озвучена проблематика оптимизации системы учреждений здравоохранения путем сокращения стационарного звена с расширением амбулаторно-поликлинического, представлена статистика обращений граждан в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения по вопросам, касающимся качества и своевременности оказания медицинской помощи, а также лекарственного обеспечения медицинских организаций. На основании изложенных данных сделан вывод о том, что уровень реализации права граждан, гарантированного ст. 41 Конституции Российской Федерации, может быть охарактеризован как очень невысокий, что свидетельствует о декларативности норм основного закона страны.

Ключевые слова: конституционное право, жалоба, обращение, кадровый дефицит, медицинское оборудование, лекарственное обеспечение

Для цитирования: Фадеева О. В. Проблемы реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 97–103. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-97-103

Введение

Здоровье населения является важнейшей ценностью для государства, общества и всего мира. Это одно из важнейших нематериальных благ человека и гражданина. В ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации гражданам гарантировано право на охрану здоровья и медицинскую помощь¹. В настоящее время одной из приоритетных социальных задач, решаемых в России, является обеспечение нормального функционирования системы здравоохранения и охраны здоровья граждан на достаточно высоком уровне.

Углубленный анализ содержания текста ст. 41 Конституции РФ позволил выделить три ключевых элемента содержания права на охрану здоровья:

- сохранение здоровья;
- укрепление здоровья;
- восстановление здоровья путем получения медицинской помощи [1].

В настоящее время среди основных проблем в сфере реализации права граждан на охрану здоровья, медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции РФ, можно выделить следующие:

- значительный кадровый дефицит;
- сокращение числа больничных и рост числа амбулаторно-поликлинических учреждений;
- недостаточные объемы финансирования отрасли;
- нехватка современного медицинского оборудования.

¹ Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

Право на охрану здоровья

В целях выявления недостатков в реализации прав граждан на охрану здоровья необходимо четко отслеживать и анализировать показатели состояния здоровья каждого пациента, обратившегося за помощью, удовлетворенности общества качеством предоставляемых медицинскими учреждениями услуг и результатов такого взаимодействия.

Задачами статистического наблюдения в здравоохранении являются описание происходящих в этой отрасли процессов, статистический анализ влияния организационно-правовой системы отрасли на уровень медицинской помощи и состояние здоровья населения. Согласно мнению Ю. В. Михайловой, В. А. Магнитского, отчетность является исходной базой статистического наблюдения лечебно-профилактических учреждений системы министерства здравоохранения, других ведомств, негосударственных медицинских учреждений. В отчетности представлен широкий круг показателей, в сводные итоги включаются наиболее важные из них [2].

Кроме того, наряду с опросом населения проводится исследование организации медицинского обслуживания в лечебно-профилактических учреждениях.

По мнению К. Г. Дзугаева, данные исследований свидетельствуют о том, что качество медицинской помощи и ее доступность определяются не только адекватностью организационных форм и состоянием материально-технической базы медицинских учреждений, но и в значительной степени наличием квалифицированных сотрудников, обладающих специализированными знаниями [3].

При этом качеству медицинской помощи должно уделяться особое внимание в целях укрепления потенциала здравоохранения. В связи с чем необходимо обеспечить построение метода поощрения медицинских сотрудников, поднятие их заработной платы, провести создание ряда организационных мер по повышению ответственности за неприемлемое оказание услуг, а также сохранить специалистов высшей категории [4].

Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения в первую очередь должна решать конкретные задачи по планированию, подготовке и использованию кадровых ресурсов в отрасли. Численность и структура кадров должны быть приведены в соответствие со стратегическими направлениями и с учётом реформирования отрасли [5].

В Федеральном Законе (ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² существует ряд недоработок. В реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь государство оказывает основное противодействие. Явный признак противоречия – это стремление расширить медицину и ее возможности, но в то же время сократить ее. К примеру, в городах, посёл-

ках, деревнях проходит активное уменьшение больничных мест. Причем это не частичное сокращение, а колоссальное. Этот план начал свою активизацию в РФ еще с 2000 г., но в тот момент не имел такой большой огласки.

Таким образом, перспективы дальнейшего развития, формирования законодательства в сфере охраны здоровья и медицинской помощи не только возможны, но и обязательны, однако на сегодняшний день у государства не имеется четкой позиции усовершенствования механизма медицины.

Исходя из Послания Президента к Федеральному собранию, можно понять, что во главу угла государство ставит высококачественную высокотехнологичную медицинскую помощь при сокращении времени нахождения больного в условиях стационара. Но для этого нужно решить по меньшей мере несколько задач. Во-первых, подготовка персонала, который мог бы эту помощь оказать; во-вторых, создание оборудования для оказания помощи такого уровня; в-третьих, организация развернутой амбулатории, новых поликлиник, фельдшерских пунктов и, как следствие, увеличение числа медицинских работников. При нынешней экономической ситуации сделать это будет крайне сложно [6].

В последнее время наблюдается снижение количества больниц и клиник, количество станций скорой помощи, фактически наблюдается децентрализация системы здравоохранения в стране и переход определенных обязательств по обеспечению медициной к субъектам. Также отмечаются проблемы, связанные с сокращением финансирования медицинского обслуживания, а также снижение уровня качества медицинского обслуживания. Тут же отмечаются проблемы, связанные с отсутствием конкретики в регулировании объема медицинских услуг, предоставляемых частными клиниками.

Однако нельзя говорить об отсутствии нормативной базы, способной охватить отмеченные выше проблемы. Так, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, в первую очередь, в ст. 41 закрепляет Конституция РФ. В качестве отдельной базы выделяется ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный закон в 4 Главе определяет основные права и обязанности гражданина в сфере охраны здоровья. Комментарии к отдельным статьям свидетельствуют о том, что медицинские услуги могут быть оказаны как в государственных, так и муниципальных учреждениях здравоохранения. Регулирование получили также вопросы бесплатного, т. е. за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений, предоставления медицинских услуг. Кроме указанных норм, необходимо обратить внимание на Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных

² Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

медицинских услуг»³. Указанная норма наоборот усугубила положение граждан. Постановление усилило коммерциализацию системы здравоохранения. Граждане РФ предпочитают заплатить свои личные денежные средства, будучи уверенными, что так у них есть больше шансов на эффективное лечение. Таким образом, население считает бесплатное обслуживание менее качественным. Это правосознание, как и по другим вопросам, сложилось не просто так, практика последних 10–15 лет показывает снижение уровня качества медицинского обслуживания. Это говорит о нарушении прав граждан на оказание медицинской помощи [7]. Постановление закрепило объем госгарантий, государственных услуг, но несмотря на это существует открытый перечень предоставляемых частных услуг, которые нарушают нормальное функционирование системы здравоохранения [6].

Проблемы системы здравоохранения РФ, влияющие на своевременное и качественное получение медицинской помощи

Главной причиной кадрового дефицита в РФ является нежелание многих молодых специалистов работать по специальности. К данному выводу пришли авторы исследования миграционных процессов в медицине, которое было проведено по заказу Министерства здравоохранения при поддержке Национальной медицинской палаты РФ. Дефицит медицинских кадров обусловлен, в первую очередь, недостаточным притоком в отрасль молодых специалистов. При этом, как показали результаты опроса, каждый пятый студент медицинского вуза планирует уехать за рубеж для продолжения обучения, а каждый десятый не собирается работать по специальности⁴.

Также нехватка кадров в области здравоохранения связана с дисбалансом между разными медицинскими специальностями. Так, в России много врачей узких специальностей и не хватает врачей общей практики (педиатров, терапевтов и др.). По оценкам Министерства здравоохранения РФ на сегодняшний день в первичном звене не хватает 10,7 тыс. участковых терапевтов и педиатров⁵. Кроме того, в РФ наблюдается дисбаланс между уровнями оказания медицинской помощи: основная масса врачей предпочитает работать в стационаре, а в первичном звене здравоохранения их не хватает.

Вместе с тем только 81–82 % врачей и 79–80 % среднего медперсонала работают в системе Минздрава, чего

недостаточно для обеспечения должного уровня качества и доступности медицинского обслуживания населения. На фоне негативной динамики численности медицинского персонала снижаются и качество, и доступность медицинских услуг для населения РФ. В условиях растущей нагрузки на поликлиники и больницы, на их персонал учреждениям становится все труднее выдерживать нормативные сроки оказания услуг⁶.

Имеющийся кадровый дефицит в ближайшем будущем может только усилиться, т.к. результаты исследований показывают, что темпы увеличения численности врачей и среднего медперсонала сравнительно невелики, а это говорит о невысокой эффективности принимаемых властями мер. Уровень оплаты труда врачей и среднего медперсонала зачастую не превышает среднюю зарплату по соответствующему региону, а престиж труда медработника в последние годы сравнительно невысок. Так, более 50 % врачей старше 50 лет, что уже в ближайшее время только усилит кадровый дефицит.

Второй основополагающей проблемой реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь согласно Конституции РФ является сокращение числа больничных и рост числа амбулаторно-поликлинических учреждений: за 2012–2016 гг. сократилось число больничных организаций на 6,3 %, а число больничных коек – на 9,6 %. Это обусловлено оптимизацией системы учреждений здравоохранения – сокращением стационарного звена с расширением амбулаторно-поликлинического. Число амбулаторно-поликлинических организаций при этом увеличилось на 12,6 %, что оценивается позитивно. Но следует отметить тот факт, что многие врачи предпочитают работать именно в стационарном звене, что резко сокращает уровень доступности медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических учреждениях.

Согласно подсчетам Центра экономических и политических реформ, только с 2000 по 2015 год, число больниц в России сократилось в два раза – с 10,7 до 5,4 тыс. Количество доступных населению больничных коек упало на треть, до 1,2 млн, а в сельской местности – на 40 %. Если оптимизация здравоохранения в стране продолжится с прежней скоростью (т.е. в среднем в год будет закрываться примерно 350 больниц), то к 2021–2022 гг. количество медучреждений в стране упадет до 3 тыс. – тем самым достигнет уровня 1913 г., когда на территории, соответствующей границам современной РФ, было около

³ Об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 // СЗ РФ. 08.10.2012. № 41. Ст. 5628.

⁴ Проведено исследование по изучению миграционных процессов в здравоохранении // Российская Фармацевтика. Эффективность, Безопасность, Качество. Режим доступа: <http://pharmapractice.ru/96853> (дата обращения: 27.04.2018).

⁵ Минздрав обнаружил нехватку врачей // Газета Экономика. 02.08.2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-08-02/4_7042_minzdrav.html (дата обращения: 27.04.2018).

⁶ ЗдравоЗахоронение. Оптимизация российской системы здравоохранения в действии // Центр экономических и политических реформ. Режим доступа: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/04/ЗдравоЗахоронение.-Оптимизация-российской-системы-здравоохранения-в-действии.pdf> (дата обращения: 27.04.2018).

3 тыс. больниц. Показательным является и сокращение за аналогичный период числа коек на 10 тыс. населения с 115 до 83,4 – на 27,5 %. Параллельно ликвидируются и станции скорой помощи. Так, за период 2005–2015 гг. их число снизилось с 3276 до 2561 (на 21,8 %) ⁷.

Однако в первую очередь политика оптимизации ударила по жителям сельской местности, небольшим населенным пунктам. Говоря о доступности медицинской помощи на селе, председатель Счетной палаты РФ Татьяна Голикова отметила, что из 130 тыс. сельских населенных пунктов России только 45 тыс. имеют те или иные формы оказания медицинской помощи, а с 2000 по 2014 год количество больничных учреждений в сельской местности сократилось более чем в 4 раза ⁸.

Согласно отчету министра здравоохранения РФ Вероники Скворцовой, на 01.01.2017 в России зафиксировано 9900 населенных пунктов, население которых имеет ограничения и риски по доступности, в соответствии с нормативом медицинской помощи того или иного рода, в 8866 населенных пунктах, где проживает до 100 человек, нет доступа к первичной помощи в шаговой доступности, 865 фельдшерско-акушерских пунктов не хватает в 43 тыс. населенных пунктах, где проживает до тысячи человек. А в населенных пунктах, где проживает до 10 тыс. человек, не хватает 169 сельских амбулаторий ⁹.

Следующей проблемой является недостаточный объем финансирования медицинской отрасли, о чем свидетельствуют число и структура обращений граждан в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения РФ, а также данные об уровне оплаты труда медработников в сопоставлении с положениями майских указов Президента, который в своем Послании Федеральному Собранию говорил, что требуется направлять на развитие отрасли до 5 % ВВП, найдя при этом «дополнительные источники финансирования, которые не сдерживали бы экономический рост» ¹⁰.

Так, по разделу «Здравоохранение» в последние 3 года были предусмотрены следующие расходы федерального бюджета:

- 2015 – 391,0 млрд руб.;
- 2016 – 396,3 млрд руб.;

– 2017 – 386,1 млрд руб. ¹¹

Как видно, суммы расходов федерального бюджета на здравоохранение в РФ заметно снижаются по сравнению с 2015 г., что говорит о негативной динамике развития отрасли.

Отсутствие роста расходов на здравоохранение в 2015–2017 гг. при уже имеющихся нерешенных проблемах здравоохранения гарантированно приведут к снижению показателей здоровья населения, поскольку установлено, что показатели здоровья населения (например, общий коэффициент смертности и ожидаемая продолжительность жизни) прямо зависят от уровня государственного финансирования здравоохранения ¹².

По данным Всемирной организации здравоохранения, РФ занимает 130-е место по поддержке государством отрасли здравоохранения. Кроме того, Россия заняла 55-е (последнее) место в международном рейтинге эффективности систем здравоохранения, составленном агентством *Bloomberg*. В этом рейтинге учитывались показатели продолжительности жизни, абсолютных и относительных расходов на здравоохранение ¹³. Это свидетельствует о неэффективности и незначительности государственной поддержки в целях реализации прав граждан, закрепленных на конституционном уровне.

По данным социологических исследований сегодня около 60 % всех расходов государства на медицину осуществляется за счет различных государственных источников, и примерно 40 % составляют расходы граждан. В реальной жизни, когда государство не может оплатить лечение в полном объеме, пациенту для получения качественной медицинской помощи приходится доплачивать из своего кармана [8].

Еще одна проблема, не позволяющая гражданам реализовать свое право на охрану здоровья и медицинскую помощь – это катастрофическая нехватка современного медицинского оборудования, в том числе диагностического, что не дает возможности пациентам вовремя проходить медицинские обследования и может привести к запущенности многих заболеваний, в том числе критических.

Так, примерно четверти медицинского оборудования, имеющегося в государственных больницах и клиниках

⁷ Там же.

⁸ Доклад Председателя Счетной палаты РФ Татьяны Голиковой в Государственной Думе РФ с отчетом о работе контрольного органа в 2015 г. // ГосМенеджмент. 19.05.2016. Режим доступа: <http://www.gosman.ru/?news=44922> (дата обращения: 27.04.2018).

⁹ Минздрав обнаружил нехватку врачей ...

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. № 46.

¹¹ Об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования за 2013 г. Ф3 от 14.10.2014 № 296-ФЗ // Российская газета. 17.10.2014. № 238; О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг. Ф3 от 01.12.2014 № 387-ФЗ (ред. от 20.04.2015) // Российская газета. 05.12.2014. № 278.

¹² Проблемы финансирования здравоохранения в условиях рыночной реформы // Студенческий научный форум – 2015: VII Междунар. студ. науч. конф. Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/969/9926> (дата обращения: 27.04.2018).

¹³ U.S. Health-Care System Ranks as One of the Least-Efficient // Bloomberg. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-29/u-s-health-care-system-ranks-as-one-of-the-least-efficient> (дата обращения: 27.04.2018).

и в основном обновленного в 2007 г. в рамках национального проекта «Здоровье», когда было поставлено 3267 единиц диагностического оборудования, срок эксплуатации истекает в ближайшее время, однако средств на масштабную замену нет ни у федерального бюджета, ни у Фонда обязательного медицинского страхования¹⁴.

О серьезных проблемах в сфере реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь свидетельствуют и данные об обращениях граждан в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения РФ. Согласно данным Росздравнадзора, опубликованным на официальном сайте¹⁵, в мае 2017 г. в центральный аппарат Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения поступило 2684 обращения граждан, а в территориальные органы Росздравнадзора по субъектам РФ – 4053 обращения. Отмечено увеличение количества обращений граждан в центральный аппарат Росздравнадзора на 3,2 % и в территориальные органы Росздравнадзора по субъектам РФ – на 2,3 % по сравнению с апрелем 2017 г. Что касается структуры обращений населения в мае 2017 г., то по вопросам лекарственного обеспечения в центральный аппарат Росздравнадзора обратились 29,1 % граждан, по вопросам качества оказания медицинской помощи – 49,3 %, а в территориальные органы – 26,4 % и 61,8 % соответственно.

В рамках контроля за соблюдением органами государственной власти РФ, органами местного самоуправления, государственными внебюджетными фондами, медицинскими организациями и фармацевтическими организациями, а также индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую и фармацевтическую деятельность, прав граждан в сфере охраны здоровья Росздравнадзором в 2016 г. проведено 8362 проверки. В результате в деятельности 3323 медицинских организаций (44,7 % от числа проверенных) выявлено 4252 нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, в том числе:

- низкая доступность и качество медицинской помощи – 2029 случаев;
- медицинское вмешательство без получения добровольного информированного согласия гражданина – 1118 случаев;
- нарушение права на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи – 555 случаев;
- отказ в оказании медицинской помощи – 446 случаев;

- отказ в предоставлении информации о состоянии здоровья – 40 случаев;
- непредоставление информации о факторах, влияющих на здоровье – 41 случай;
- нарушение права выбора врача и медицинской организации – 15 случаев;
- несоблюдение врачебной тайны – 8 случаев¹⁶.

Заключение

Таким образом, здоровье нации как одна из важнейших сфер, определяющих качество жизни граждан, вошло в число приоритетных направлений социально-экономической политики российского Правительства, однако на сегодняшний день уровень реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции РФ, может быть охарактеризован как очень невысокий. Так, в стране прослеживается неуклонно уменьшающийся кадровый дефицит, отток молодых специалистов из медицинской отрасли, связанный с низкой оплатой труда, высоким уровнем ответственности, а также с непрестижностью медицинской профессии. Наблюдается дисбаланс между специальностями и уровнями оказания медицинской помощи, когда специалисты стремятся работать в стационарном звене по узкой специальности, несмотря на то, что отрасли необходимы врачи общей практики, задействованные в оказании первичной медицинской помощи, проведении осмотров и диагностировании при первичном обращении в амбулаторно-поликлинические учреждения.

Также негативное влияние на реализацию конституционного права на охрану здоровья оказали оптимизация системы здравоохранения и нехватка необходимого медицинского оборудования, наибольшие отрицательные последствия которых сказались на гражданах РФ, проживающих в малонаселенных отдаленных пунктах страны, жители которых частично или полностью лишены возможности получать квалифицированную и своевременную медицинскую помощь, диагностику.

Все указанные проблемы неразрывно связаны с недостаточным государственным финансированием здравоохранения, требуют принятия незамедлительных государственных мер, направленных на стабилизацию и улучшение сложившейся ситуации, без которых можно сделать вывод, скорее, о декларативности норм основного закона страны, чем возможности его беспрепятственной и повсеместной реализации.

¹⁴ Национальный проект «Здоровье». Справка // РИА Новости. 12.05.2009. Режим доступа: <https://ria.ru/20090512/170852739.html> (дата обращения: 27.04.2018).

¹⁵ Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. Режим доступа: <http://www.roszdravnadzor.ru/> (дата обращения: 27.04.2018).

¹⁶ Об утверждении Ведомственной программы профилактики нарушений обязательных требований. Приказ Росздравнадзора от 30.11.2017 № 9890 (отменен на основании приказа Росздравнадзора от 09.04.2018 № 2261).

Литература

1. Фирсов Д. И. Конституционное право граждан на охрану здоровья на современном этапе // *Фундаментальные основы правового государства и актуальные вопросы реформирования современного законодательства*: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 5 января 2018 г. Пенза, 2018. С. 74–78.
2. Михайлова Ю. В., Магнитский В. А. Управление здравоохранением // *Главный врач: Хозяйство и право*. 2012. № 6. С. 4.
3. Дзугаев К. Г. Государственная кадровая политика в здравоохранении // *Инновационные технологии профилактической медицины в вузовской науке начала XXI века*. М., 2010. 125–127 с.
4. Олейник Ч. Г. Необходимость систематизации законодательства в сфере охраны здоровья населения // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 5. С. 86–87.
5. Сохов С. Т. Стратегические задачи и технологические решения в обеспечении системы здравоохранения кадровыми ресурсами // *Новые технологии в современном здравоохранении*: сб. науч. тр. ФГУ ЦНИИОИЗ Росздрава. 2007. № 6. С. 118–122.
6. Лухтенкова Я. С. Конституционное право граждан на медицинскую помощь: проблемы реализации // *Молодой ученый*. 2018. № 2. 186–188 с.
7. Мохов А. А. Медицинское право – самостоятельная отрасль российского права // *Право и политика*. 2002. № 8. С. 135.
8. Гринкевич Л. С., Сагайдачная Н. К., Казаков В. В., Рюмина Ю. А. Государственные и муниципальные финансы России. М.: КНОРУС, 2007. 551 с.

Citizens' Rights to Health Protection and Medical Assistance, Guaranteed by Article 41 of the Constitution: Problems of Enforcement

Olga V. Fadeeva ^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ olga_fa@bk.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-3314-5295>

Received 14.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Abstract: The paper reflects the state of the modern healthcare system and various enforcements of the right to medical care guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The right to health, as well as the provision of qualified, free, and timely health care, are among the most important and fundamental human rights. The paper also features some key enforcement problems concerning the right to health protection and medical care, guaranteed by Article 41 of the Constitution of the Russian Federation, e.g. a lack of medical personnel, untimely provision of the first aid, and insufficient financing in the health care system. The article also considers the causes and consequences of "staff shortages" in Russian hospitals, employment of medical graduates, and financial support of young medical specialists. The author analyzes the equipment status of medical organizations in 2018 and 2016, voices the problem of optimization in healthcare institutions by reducing the inpatient level and expanding outpatient clinics, and offers statistics of complaints to the Department of Public Health on quality and timeliness of medical care. The author believes that the enforcement of the right of citizens guaranteed by Article 41 of the Constitution of the Russian Federation can be characterized as very low, which indicates the pretentiousness of the law.

Keywords: constitutional law, complaint, appeal, personnel shortage, medical equipment, drug supply

For citation: Fadeeva O. V. Citizens' Rights to Health Protection and Medical Assistance, Guaranteed by Article 41 of the Constitution: Problems of Enforcement. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 97–103. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-1-97-103

References

1. Firsov D. I. Constitutional right of citizens to health protection at the present stage. *Fundamental foundations of a legal state and current issues of reforming modern legislation*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., January 5, 2018. Penza, 2018, 74–78. (In Russ.)
2. Mikhailova Iu. V., Magnitskii V. A. Health management. *Glavnyi vrach: Khoziaistvo i pravo*, 2012, (6): 4. (In Russ.)

3. Dzugaev K. G. State personnel policy in public health. *Innovative technologies of preventive medicine in high school science at the beginning of the XXI century*. Moscow, 2010, 125–127. (In Russ.)
4. Oleinik Ch. G. The necessity of systematization of legislation in the sphere of public health protection. *"Chernye dyry" v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2007, (5): 86–87. (In Russ.)
5. Sokhov S. T. Strategic tasks and technological solutions in providing the health system with human resources. *New technologies in modern health care: Proc. FSI TSNIIOIZ Roszdrav*, 2007, (6): 118–122. (In Russ.)
6. Lukhtenkova Ia. S. Constitutional right of citizens to medical care: problems of implementation. *Molodoi uchenyi*, 2018, (2): 186–188. (In Russ.)
7. Mokhov A. A. Medical law is an independent branch of Russian law. *Pravo i politika*, 2002 (8): 135. (In Russ.)
8. Grinkevich L. S., Sagaidachnaia N. K., Kazakov V. V., Riumina Iu. A. *State and municipal finances of Russia*. Moscow: KNORUS, 2007, 551. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University.
Series: Humanities and Social Sciences.
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Невзоров Борис Павлович, главный редактор
8(384-2)58-38-48; nevzorov@kemsu.ru
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru;
vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Boris P. Nevzorov, Editor-in-Chief
8(3842)58-38-48; nevzorov@kemsu.ru
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru;
vs-seriya@yandex.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 15.03.2019.

Дата выхода в свет 28.05.2019.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А 4. Усл. печ. л. – 13,5. Уч.-изд. л. – 12.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.